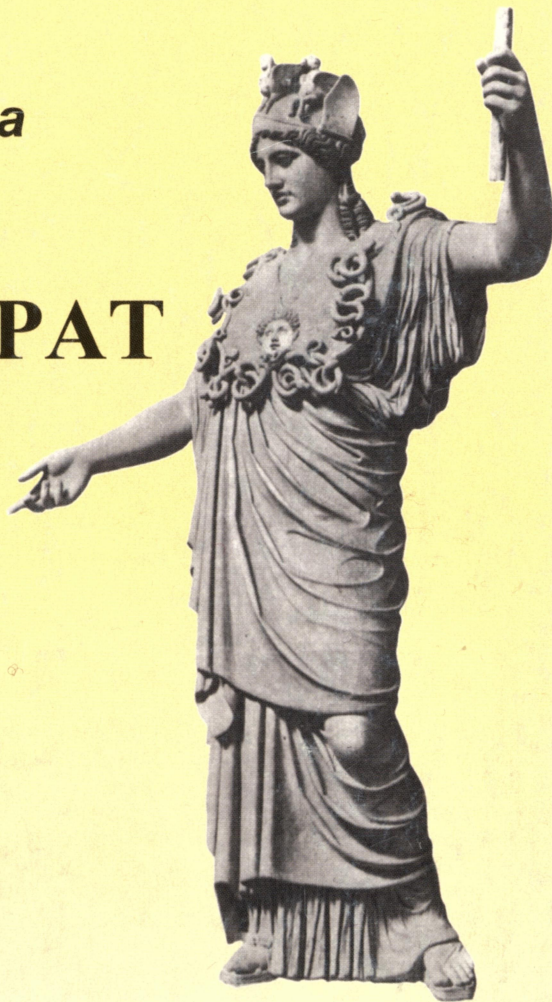

В. В. Дементьева

ДЕЦЕМВИРАТ

В РИМСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННО-
ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ
середины V века до н.э.

AP · CLAVDIVS · AP · F · M · N · CRASSINUS · GILL · SABIN · TI	T · GENVICIVS · L · F · L · N	AVGVRI NVS
ABDICARVNT · VT · DECEMVIRI · CONSVLARI · imperio · serENT		
DECEMVIRI · CONSVLARI · imperio · LEGIBVS · Scridundis · facti · EOD · ANNO		
AP · CLAVDIVS · AP · F · M · N · CRASSINUS · GILL · SABIN · QVI · COS · FVERAT · ser · oupicius · ser · f · SER · N ·		CAMERIN ·
T · GENVICIVS · L · F · L · N · AVGVRI NVS · QVI · COS · FVERAT	p · sestius · q · f · mibi · n	capitol · uaticanus
SP · VETVRIVS · SP · F · P · N · CRASSVS · CICVRINVS	p · curiatus · . . f . . . n	istius · trigemin
C · IVLIVS · C · F · L · N	t · romilius · t · f · l · n	rocius · uaticanus
A · MANLIVS · CN · F · P · N	sp · postumius · a · f · a · n	albus · regillens
		uulso
AP · CLAVDIVS · op · f · m · n · CRASSINUS · GILL · SABIN · n · ti	q · fabius · m · f · k · n	uulcanus
M · CORNELIVS · L · F · SER · N · MALVGINESIS	q · poetelius · . . f . . . n	lido · uulcanus
L · sergius · . . f . . . n	k · dultius · . . f . . . n	longus
	ESQVILINVS	

В. В. Дементьева

**ДЕЦЕМВИРАТ
В РИМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-
ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ
середины V в. до н. э.**

**Москва:
ИНФОМЕДИА ПАБЛИШЕРЗ
2003**

ББК 63. 3(0) 32+67.3

Д 30

ISBN 5-9900144-2-3

Дементьева В. В. Децемвират в римской государственно-правовой системе середины V в. до н. э. М.: Инфомедиа Паблишерз, 2003. - 212 с.

Монография посвящена особой структуре высшей исполнительной власти ранней Римской Республики – магистратуре децемвиров. На основе данных античной традиции и эпиграфических памятников исследуются причины введения децемвирата в римское государственное устройство, его целевое назначение, место в политической системе Рима, правовой механизм функционирования. Подробно анализируется состав коллегий децемвиров, выясняется плебейское представительство в них. Детально рассмотрена компетенция децемвиров и их практическая деятельность.

Книга предназначена для специалистов по античной истории и римскому публичному праву. Она адресована студентам и аспирантам исторических и юридических факультетов, а также всем, кому интересны политико-правовые аспекты ранней истории Рима.

Монография подготовлена и издана при финансовой поддержке Министерства образования Российской Федерации на средства, выделенные по исследовательским проектам:

«Римское государство в переломные эпохи: формирование политико-правовых основ Республики и Империи» (Г02-1.2-535), грант по фундаментальным исследованиям в области гуманитарных наук;

«Античная государственность: политическая теория и правовые механизмы реализации власти» (УР-10.01.015), программа «Университеты России».

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова И. Л. Маяк;

кафедра истории древнего мира и средних веков Московского областного государственного университета.

ISBN 5-9900144-2-3

© Дементьева В. В., 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
ВВЕДЕНИЕ.....	7
Глава I. СОЗДАНИЕ МАГИСТРАТУРЫ ДЕЦЕМВИРОВ. ПОЛИТИКО- ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ	34
1.1. Причины создания и целевое назначение децемвирата.....	34
1.2. Конституционные основы существования децемвирата.....	65
Глава II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ВЫСШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ	87
2.1. Состав коллегий децемвиров	87
2.2. Объем полномочий и практическая деятельность децемвиров	106
2.3. Характер магистратуры децемвиров: дискуссионные вопросы.....	129
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	151
Zusammenfassung.....	157
Вместо послесловия	
РИМСКАЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ВЛАСТЬ ЭПОХИ РАННЕЙ РЕСПУБЛИКИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ	161
An Stelle des Nachwortes	
DIE AUSSERORDENTLICHE GEWALT IN DER FRÜHEN RÖMISCHEN REPUBLIK: EIN RECHTSGESCHICHTLICHES MODELL	177
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	190
Источники:	190
Литература:	194
УКАЗАТЕЛЬ ЛАТИНСКИХ И ГРЕЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ	208
Латинские термины	208
Греческие термины.....	210

Предисловие

О законах XII таблиц известно каждому, кто хотя бы в минимальной степени знаком с римской историей или римским правом. Многие знают также, что составлены эти законы были децемвирами – коллегией десяти мужей. Однако на вопросы о характере децемвирата, его месте в римском государственно-правовом устройстве, объеме полномочий десяти законодателей сложно найти определенные и аргументированные ответы не только в общих трудах по романистике, но и в специальной литературе по проблеме. Иначе говоря, результат деятельности этой коллегии – децемвиральное законодательство – обычно отражается достаточно четко, а сам децемвират как магистратура, как структура римской исполнительной власти, рисуется лишь расплывчатыми штрихами. Объяснение причин введения децемвирата в римскую политическую систему носит в историографии дискуссионный характер; данная магистратура трактуется то как относящаяся к ординарной власти, то – к чрезвычайной. Зачастую в имеющейся исследовательской литературе поднимается всего лишь один какой-либо вопрос конституционной жизни децемвирата, тогда как только создание целостной картины его политического применения и правовых основ функционирования позволяет исторически реконструировать этот государственный орган. Такая попытка и предпринимается в предлагаемой монографии.

Эта книга написана в продолжение исследований римских экстраординарных структур. Три предыдущие, опубликованные мною по названной проблеме, посвящены были историческому моделированию чрезвычайных политических институтов, возникновение которых как хронологически предшествовало децемвирату (интеррегнум, раннереспубликанская диктатура), так и следовало за ним (консульский военный трибунал). Теперь изданием данной работы я замыкаю цепочку воссоздания процесса формирования римской системы экстраординарных магистратур недостающим звеном. Завершая названный цикл работ, я в конце этой книги помещаю изложение главных моментов предложенной мною теории римской чрезвычайной власти ранней Республики.

К счастью, как и при публикации предыдущих монографий, мне есть кого благодарить за то, что этот отрезок работы оказался результативным. Неизменно искренние слова признательности я адресую моему учителю и наставнику, консультанту и рецензенту, человеку не

только редкого исследовательского таланта, но и редких личностных качеств – профессору МГУ Ие Леонидовне Маяк. Я счастлива и тем, что в родной стране есть пусть узкий круг профессионалов, которые могут глубоко понять и по достоинству оценить сделанное друг другом. Я особенно благодарю тех из них, кто заинтересованно мне помог критикой или советами, организационно или дружеским участием – Наталью Николаевну Трухину, Виктора Николаевича Парфенова, Валерия Николаевича Токмакова, Андрея Михайловича Сморгкова, Ольгу Витольдовну Сидорович, Леонида Львовича Кофанова, Наталью Геннадьевну Майорову, Елену Валерьевну Ляпустину, Александра Леонидовича Смышляева, Михаила Григорьевича Абрамзона, Юрия Георгиевича Чернышова, Андрея Викторовича Зайкова.

Я выражаю искреннюю признательность немецким антиковедам; важнейшую роль в моей профессиональной судьбе сыграл выдающийся специалист по римской истории Йохен Бляйкен, и моя благодарность ему огромна. Я хочу также сказать сердечное спасибо за сотрудничество немецким коллегам моего поколения, прежде всего Лоретане де Либери и Тассило Шмитту. Господину Т. Шмитту приношу слова благодарности и за корректуру всех переводов на немецкий язык, содержащихся в этой книге.

Мне хочется поблагодарить и тех, кто работает рядом со мной на кафедре всеобщей истории Ярославского государственного университета, руководимой профессором М. Е. Ериным, ибо у них нередко я искала и находила деловую поддержку и ободряющее слово.

Я отдаю себе отчет и в том, что если мои занятия оказались в какой-то степени плодотворными, основой этому послужила моя семья, давшая мне душевные силы и время для научной работы. Поэтому я сердечно благодарю самых близких мне людей – мужа, сына и дочь – за тепло и свет очага, у которого писалось это исследование, за их любовь, наделившую меня творческой энергией.

Я очень признательна Немецкой дружбе академического обмена (DAAD) за предоставленную мне в третий раз возможность в октябре – декабре 2002 г. стажироваться в Германии, где на сей раз меня дружески принял университет Бундесвера (г. Гамбург). Это позволило мне полноценно изучить историографию проблемы, ознакомиться с новейшими работами и завершить написание книги. Я благодарю сотрудников немецких библиотек за помощь в информационном обеспечении моих научных изысканий.

Мне хочется выразить благодарность Министерству образования Российской Федерации, два гранта которого (по фундаментальным исследованиям в области гуманитарных наук и по программе «Университеты России») весьма способствовали подготовке и публикации данной монографии.

Эта книга выходит в год столетия со дня смерти человека, труды которого последние полтора века во многом определяют в романистике направления исследований и проблемы научных дискуссий – великого Теодора Моммзена (30.11.1817 – 01.11.1903). Моя монография – маленькая веточка в венок его памяти. Нередко полемизируя с ним по вопросам различных исторических реконструкций, я прекрасно понимаю, что многие принципы теоретического моделирования римских реалий на основе правовых подходов, которые я использую и стараюсь развивать, заложены именно им. «В тени Моммзена» – такое выражение нередко применяют его соотечественники при характеристике работ по римской государственности. Мне, однако, кажется, что, «забираясь на плечи гиганта», с которых, как известно, открываются новые исследовательские горизонты, совсем не зазорно для кого бы то ни было «постоять в его тени», из которой четче и лучше видны освещенные его гением «участки работы», общие для любого поколения романистов.

В. Дементьева
август 2003 года

ВВЕДЕНИЕ

Важнейшей вехой на пути становления Римской Республики, выработки и закрепления правовых основ взаимоотношений членов гражданского коллектива между собой и с публичной властью, оформления принципов государственности явилась деятельность особой коллегии – *decemviri consulari imperio legibus scribundis*, как она названа в консульских фастах (CIL. V. 1. P. 16). Несомненно, что кратковременное, но оставившее глубокий след во всех сферах жизни римской общины функционирование комиссии десяти мужей было рубежным событием, ознаменовавшим окончание первой шестидесятилетней фазы существования Республики. Не случайно Полибий относил возникновение совершенного римского государственного устройства ко времени, которое обозначил как тридцатилетие спустя после похода Ксеркса на Грецию (*Polyb.* VI. 11. 1), то есть собственно к моменту деятельности коллегии децемвиров.

Античные авторы, называя данных магистратов, постоянно подчеркивают два момента: наделение их высшей властью и составление ими письменного законодательства. Если в латинских текстах это нередко заключено в единую титулатуру, передаваемую словосочетанием (как в приведенном примере капитолийских фаст), то в греческих – в двух вариантах, отражающих отдельно каждый из названных аспектов. Первый из них, имеющий смысл «полновластная коллегия высших магистратов» обычно обозначен как *δεκαδαρχία* (*Dionys.* X. 57. 3; *Plut.* *Quest. Rom.* 55. 277 F; *Plut.* *Cic.* XII) или *στρατηγῶι αὐτοκράτορες* (*Zon.* VII. 18). Второй, подчеркивающий составление и запись законов, – терминами *οἱ νομοῦρᾶφοι* (*Diod.* XII. 23.1; XII. 25. 1), *οἱ νομοθέται* (*Dionys.* X. 57. 1; *Diod.* XII. 24. 1; *Ioan. Lyd.* *De mag.* I. 45). Оба названных аспекта децемвирата, естественно, представляют серьезный интерес для исследователей, но в историографии заметно больше внимания уделено второму, причем не собственно деятельности децемвиров по систематизации права, а ее результату, то есть непосредственно законам XII таблиц. Нас же в плане изучения поставленной проблемы интересует прежде всего характеристика децемвиров как особой магистратуры и сам процесс их законотворческой работы, а не содержание составленного ими судебного кодекса. Поэтому, отвлекаясь от комплекса исследований, посвященных собственно анализу законов XII таблиц, представим в кратком историографическом обзоре только ту литературу, в которой децемвират рассматривался как структура государствен-

ной власти и исследовалась практическая реализация децемвирами своих полномочий. При этом суть концепций и различных точек зрения, относящихся к децемвирату, мы изложим при раскрытии конкретных вопросов темы, сейчас же дадим общую характеристику состояния ее изученности.

Начало XIX в., отмеченное становлением подлинно научной романистики, дало миру серьезные труды Бартольда Нибура¹, Вильгельма Беккера² и Георга Пухты³. Б. Нибур, «основатель современной исторической науки»⁴, учениками которого, по выражению Теодора Моммзена, являются «все без исключения историки, имеющие в какой-то мере достойное имя»⁵, первым предпринял попытку концептуального осмысления децемвирата, предложив теорию его ординарного характера, а В. Беккер был первым, кто не согласился с такой гипотезой. Б. Нибур затрагивал вопросы сословного состава коллегий децемвиров, порядка чередования членов первого децемвирата при исполнении обязанностей высшей власти, целей законодательной работы, своеобразно подходил он к определению заимствований децемвирами греческого права. Г. Пухту из комплекса проблем, связанных с децемвирами, интересовал, в первую очередь, вопрос о целях и результатах их законодательной деятельности. В. Беккер обращал внимание на сюжет отправки посольства в Афины за греческими законами, а также на политико-правовые нормы, регулировавшие деятельность децемвиров.

Немецкая историческая наука, олицетворявшая антиковедение XIX в., определила во второй его половине главные направления в изучении римской государственности, разрабатывавшиеся в трудах Теодора Моммзена, названного Александром Демандтом «звездой на небосклоне древней истории»⁶, и других светил, талантливых его современников. В плане исследования децемвирата из основополагающих трудов этого поколения немецких ученых выделим исследования самого гениального мастера⁷, для которого среди римских институтов

¹ Niebuhr B. G. Römische Geschichte. Berlin, 1812; 3. Aufl. Berlin, 1853.

² Becker W. A. Handbuch der Römischen Altertümer. Bd. 2. Abt. 2. Leipzig, 1846.

³ Пухта Г. Ф. История римского права. Ч. 1. М., 1864.

⁴ Christ K. Von Gibbon zu Rostovtzeff. Leben und Werk führender Althistoriker der Neuzeit. 2. Aufl. Darmstadt, 1979. S. 26.

⁵ Цит. по: Demandt A. Geschichte der Geschichte. Wissenschaftshistorische Essays. Köln, Weimar, Wien, 1997. S. 275.

⁶ Ibid. S. 276.

⁷ Mommsen Th. Die Römische Chronologie. Berlin, 1859; *idem*. Römische Forschungen. Bd. 1-2. Berlin, 1864-1879; *idem*. Römisches Staatsrecht. Bd. 2. Leipzig, 1874; *idem*. Römisches

главное значение имела магистратура, и при изучении ее он, по выражению Альфреда Хойса, находил подтверждение своему методическому лейтмотиву, что через анализ и объединение общих отличительных черт достигается установление внутренних связей и построение системы⁸ Т. Моммзен рассматривал децемвират как крупный успех плебеев, третий по счету после установления Республики и создания плебейского трибуната. Он отнес децемвират к чрезвычайным органам власти (хотя и не аргументировал это положение), дал датировку правления децемвиров, проанализировал некоторые правовые основы их деятельности, а самое главное, «вписал» эту магистратуру в общую схему политической системы Рима (разумеется, исходя из собственных представлений о ее развитии). Некоторые его выводы по изучаемой проблеме мы безоговорочно принимаем (например, трактовку соотношения права провокации и конституционных норм функционирования децемвирата), с другими категорически не согласны (в частности, с положением об отсутствии определенного срока, на который избирались децемвиры), но подчеркиваем заслугу Т. Моммзена в том, что именно он, хотя и кратко, но целостно охарактеризовал децемвират как особый исторический феномен.

Альберт Шwegler и Людвиг Ланге, также создавшие обобщающие труды по римской истории, дали описание событий, связанных с децемвирами, и затронули важные стороны использования их должности в политической практике⁹. Оба они стремились найти аналогии децемвирату в римском государственном устройстве (по-разному их видя), но если А. Шwegler в главных характеристиках децемвирата следовал, в основном, Б. Нибуру (в силу хронологической близости к нему), то Л. Ланге – Т. Моммзену. Вместе с тем, они в своих трактовках этого объекта изучения отличались в ряде позиций от точек зрения «генераторов идей», во многом определивших их исследовательские подходы.

В 80-е гг. XIX в. были опубликованы такие заметные труды по римской конституции и государственному праву (включавшие рассмотрение децемвирата), как сочинения Иоганна Мадвига¹⁰, Эрнста

Strafrecht. Leipzig, 1899; *idem*. Abriss des römischen Staatsrechts. Leipzig, 1893; Моммзен Т. История Рима. Т. 1. СПб., 1994.

⁸ Heuß A. Theodor Mommsen und das 19. Jahrhundert. Kiel, 1956. S. 49.

⁹ Schwegler A. Römische Geschichte. Bd. 3. Tübingen, 1858; Lange L. Römische Alterthümer. Bd. 1. Berlin, 1876.

¹⁰ Madvig J. N. Die Verfassung und Verwaltung des römischen Staates. Bd. 1. Leipzig, 1881.

Херцога¹¹, Отто Карловы¹², Владимира Ивановича Герье¹³ И. Мадвиг затрагивал порядок избрания децемвиров, пропорции сословного представительства в обеих коллегиях, развивал идею Б. Нибура об объединении в децемвирате консулата и плебейского трибуната. Э. Херцог также писал о способе заполнения вакантных мест в магистратуре децемвиров, ее сословном составе (иначе, чем И. Мадвиг, определяя соотношение патрициев и плебеев), принципе коллегиальности, этапах и времени составления законодательства децемвиров. О. Карлова весьма тонко охарактеризовал целевое назначение коллегий десяти мужей, остановился на результатах их деятельности и последствиях их отставки. И. В. Герье защищал, также как и И. Мадвиг, концепцию децемвирата Б. Нибура, находя для нее дополнительные аргументы; кроме того, он трактовал свержение децемвиров как результат деятельности составивших коалицию патрициев и плебеев-консерваторов, стремившихся восстановить прежние магистратуры.

Из общих работ 90-х гг. XIX в., в которых содержались исследовательские оценки отдельных сторон децемвирата, назовем монографии Вильгельма Ине¹⁴ и Ивана Вячеславовича Нетушила¹⁵. Оба автора усматривали прямую связь между рогацией Терентилия Гарсы 462 г. до н. э. и децемвиратом, оба проводили различия между первой и второй коллегиями и останавливались на значении участия плебеев во второй (не одинаково его трактуя).

В первой трети XX в. с развитием гиперкритики античной традиции в обобщающих исследованиях по истории Рима и его государственно-правовых отношений отчетливо проявляется тенденция отрицания достоверности многих сведений источников о децемвирах, в первую очередь, о наличии двух их коллегий¹⁶. К середине века она отступает, но полностью не исчезнет из литературы, периодически напоминая о себе и даже усилившись в историографии конца столетия.

В целом же, в числе обзорных работ, изданных в XX в., затрагивающих децемвират, но не отводящих ему значительного места (о тех, которые это делают, скажем отдельно), следует в историографическом

¹¹ Herzog E. Geschichte und System der Römischen Staatsverfassung. Bd. Leipzig, 1884 (1965).

¹² Karlowa O. Römische Rechtsgeschichte. Leipzig, 1885.

¹³ Герье В. И. История Рима. Республиканский период. [Б. м.], 1889.

¹⁴ Ihne W. Römische Geschichte. Leipzig, 1893.

¹⁵ Нетушил И. В. Очерк римских государственных древностей. Государственное устройство Рима. Вып. 1. Харьков, 1894.

¹⁶ Pais E. Histoire Romaine. Paris, 1926; Beloch K. J. Römische Geschichte bis zum Beginn der Punischen Kriege. Berlin und Leipzig, 1926.

обзоре упомянуть книги Кристера Ханелля¹⁷, Курта фон Фритца¹⁸, Йозефа Фогта¹⁹, Эрнста Корнеманна²⁰, Франческо Де Мартино²¹, Фрэнка Эббота²², А. Джонса²³, Йохена Бляйкена²⁴, Ханса Фолькмманна²⁵, Марио Бретоне²⁶

Ценную информацию, полученную на основе обработки источников и учета историографических достижений содержат солидные справочные издания: составленный Т. Броутоном по хронологическому принципу перечень римских магистратов²⁷, включающий участников обеих коллегий децемвиров в авторской реконструкции; комментарии Р. Огилви к тексту Ливия, в том числе и к интересующей нас в данном случае третьей книге его труда²⁸, словарь Х. Мейсона, в котором приведена греческая терминология для обозначения римских политических институтов²⁹

Ряд работ, посвященных исследованию законов XII таблиц, в некоторой степени (обычно незначительной) характеризуют коллегии составивших их магистратов. Среди них представляют интерес для изучения нашей темы публикации Моритца Фойгта³⁰, Эдуарда Ламбера³¹, Алана Ватсона³², Петера Зиверта³³, Андре Магделена³⁴, Джулиано

¹⁷ Hanell K. Das altrömische Eponyme Amt. Lund, 1946.

¹⁸ Fritz K. The Theory of the Mixed Constitution in Antiquity. New-York, 1954.

¹⁹ Vogt J. Römische Geschichte. 4. Auf. Basel - Freiburg - Wien, 1959.

²⁰ Kornemann E. Römische Geschichte. 5. Aufl. Stuttgart, 1961.

²¹ De Martino F. Storia della costituzione Romana. Napoli, 1958. (1972).

²² Abbot F. F. A history and description of Roman political institutions. 3. Ed. New York, 1963.

²³ Jones A. H. M. A History of Rome through the fieth century. Vol. 1. The Republic. New York, 1968.

²⁴ Bleicken J. Geschichte der römischen Republik. 4. Aufl. München, 1992.

²⁵ Volkmann H. Grundzüge der Römischen Geschichte. Darmstadt, 1982.

²⁶ Bretone M. Storia del Diritto Romano. Roma-Bari, 1987; (Bretone M. Geschichte des römischen Rechts. München, 1992.)

²⁷ Broughton T. R. S. / Patterson M. L. The magistrates of the Roman Republic. Vol. 1. 1951; Scholars Press reprint, Vol. 1. 1986.

²⁸ Ogilvie R. M. A Commentary on Livy. Books 1-5. Oxford, 1965.

²⁹ Mason H. J. Greck Terms for Roman institutions. A Lexicon and Analysis. Hakkert Toronto, 1974. (American Studies in papyrology. Vol. 13.)

³⁰ Voigt M. XII Tafeln. Leipzig, 1883.

³¹ Lamber E. La qestion de l' authenticitedes XII Tables et les Annales Maximi. Paris, 1902.

³² Watson A. Rome of the XII Tables. Persons and Property. New Jersey, 1975.

³³ Siewert P. Die angebliche Übernahme solonischer Gesetze in die Zwölftafeln. Ursprung und Ausgestaltung einer Legende // Chiron. Mitteilungen der Kommission Alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Instituts. 1978. Bd. 8. S. 331-359.

³⁴ Magdelain A. Les XII Tables et le concept de ius // Zum römischen und neuzeitlichen Gesetzbegriff. Göttingen, 1987. P. 14-33.

Грифо³⁵, Рудольфа Дюлля³⁶, Йозефа Дельца³⁷, Эберхарда Рушенбуша³⁸, Г. Чулеи³⁹, Франца Виаккера⁴⁰, Федерико Де Ипполито⁴¹

Собственно, именно в работах, анализирующих законы XII таблиц, было положено начало специальному исследовательскому вниманию к коллегиям децемвиров. Поэтому отдельно остановимся на монографии Б. В. Никольского, изданной в конце XIX в.⁴² и являющей собой наиболее яркое выражение одного из имеющихся направлений в толковании децемвирата. Б. В. Никольский представил в своем историко-юридическом исследовании очерк децемвирата, написанный с позиций гиперкритического отношения к античной традиции. Категорически отрицая существование второй коллегии десяти законодателей, он полагал, что бессрочность полномочий децемвиров превратилась у древних историков в представление о чрезвычайности власти, о задержке магистратов в должности и их злоупотреблениях. Имена вторых децемвиров Б. В. Никольский считал вымышленными, соответственно не признавал историчными упоминания в источниках о их деятельности, в том числе о составлении двух таблиц и реформе календаря. Не усматривая греческого влияния на законы XII таблиц, российский ученый относил информацию античных авторов о посольстве в греческие города к более позднему времени, находя в описаниях традиции смешение истории децемвирата с историей воздвижения медного памятника с текстом законов (поставленного по инициативе плебеев), имевшей место, на его взгляд, более века спустя. Гипотеза Б. В. Никольского стала вскоре известна в зарубежной историографии, поскольку реферат его книги был опубликован уже в 1898 г. в журнале «*Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte*»⁴³. Она вызвала не-

³⁵ Crifo G. La legge delle XII tavole. Osservazioni e problemi // *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*. Bd. 1. 2. Berlin – New-York, 1972. P. 115–133.

³⁶ Düll R. Das Zwölftafelgesetz. Texte, Übersetzungen und Erläuterungen. München, 1953.

³⁷ Delz J. Der griechische Einfluß auf die Zwölftafelgesetzgebung // *Museum Helveticum*. 1966. Vol. 23. Fasc. 2. S. 69–83.

³⁸ Ruschenbusch E. Die Zwölftafeln und die römische Gesandtschaft nach Athen // *Historia*. 1963. Bd. 12. Heft 2. S. 250–253.

³⁹ Ciulei G. Gab es einen Einfluß des griechischen Rechts in der Zwölftafeln? // *Gesellschaft und Recht im griechisch-römischen Altertum*. Teil II. Berlin, 1969. S. 21–46.

⁴⁰ Wieacker F. Solon und die XII Tafeln // *Studi in onore di E. Volterra*. Milano, 1971. Vol. 3. P. 757–784.

⁴¹ D' Ippolito F. Le XII Tavole: il testo e la politica // *Storia di Roma*. Torino, 1988. Vol. 1. P. 397–413.

⁴² Никольский Б. В. Система и текст XII таблиц. СПб., 1897.

⁴³ Pergament M. B. W. Nikolsky. System und Text des Zwölftafelgesetzes. Eine Untersuchung aus der römischen Rechtsgeschichte. In russische Sprache erschienen bei A. Suworin.

согласие и критику, но в главной, по нашему мнению, своей части (отрицание реальности вторых децемвиров) нашла, тем не менее, последователей, исходивших, правда, нередко из других посылок и приводивших иные аргументы.

Не согласился с историческими оценками децемвирата, данными Б. В. Никольским, автор первой специальной статьи, написанной по заказу издателей энциклопедии Паули-Виссова, Б. Кюблер⁴⁴. Как и практически все другие очерки этого издания, статья Б. Кюблера при небольшом объеме отличается концентрированной подачей материала при весьма глубоком знании автором достижений историографии и свидетельств источников. Признавая достоверность данных античной традиции о децемвирате и опираясь на них, Б. Кюблер считал исторически реальными обе коллегии децемвиров, причем во второй находил представительство плебеев, рассматривая это их крупным политическим достижением. Он писал также о временном приостановлении полномочий всех других магистратов, характеризовал власть децемвиров как консульскую. Б. Кюблер останавливался на связи децемвирата с законодательным предложением Терентилия Гарсы, а также на различиях в показаниях источников о целях введения новой должности. В целом, Б. Кюблер смог в сжатом виде сформулировать главные результаты исторического анализа коллегии децемвиров, полученные в общих трудах по римской истории и публичному праву к началу XX века.

Оригинальный подход к изложению истории децемвирата предложил Вильгельм Зольтау, опубликовавший в 1917 г. статью «Децемвират в сказании и истории»⁴⁵, в которой он своеобразно оценил достоверность информации источников по теме. В. Зольтау не отрицал историчности сведений о факте существования второй коллегии децемвиров, но считал ложными свидетельства об отстранении ее от власти посредством протеста плебейских масс. По мнению В. Зольтау, изображение в источниках конституционной борьбы середины V в. до н. э. дано в соответствии с образом мыслей «партийных» людей I в. до н. э.

Petersburg, 1897. // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. R. A.* 1898. Bd. XIX. S. 374-383. Характеризуя сделанные Б. В. Никольским переводы фрагментов источников, автор реферата отметил, что вместо древнеримского дан древнерусский текст, так как переводчик исходил из того, что время децемвиров культурно-исторически стоит ближе ко времени «Правды» Ярослава, и язык XII таблиц состоит в большем родстве с языком древнерусских памятников права, чем с современным.

⁴⁴ Kübler B. *Decemviri legibus scribundis* // *Pauli / Wissowa Real-Encyclopedie der classischen Alterthumswissenschaft*. Bd. IV. Stuttgart, 1901. Sp. 2257-2260.

⁴⁵ Soltau W. *Der Dezemvirat in Sage und Geschichte* // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. R. A.* 1917. Bd. 38. S. 1-20.

В действительности же, отмечал историк, конституционное реформирование, проведенное децемвирами, было направлено на удовлетворение желания плебеев. При них, на его взгляд, число трибунов было повышено до десяти, а *concilia plebis* получили статус органа государственной власти. Подчеркивая значение деятельности децемвиров для предоставления плебеям гражданско-процессуальных и политических прав, В. Зольтау пришел к выводу о том, что они стремились наделить плебейских трибунов и эдилов государственными функциями. Законы Валерия – Горация и ряд последующих установлений он рассматривал как предусмотренные децемвирами; в том числе ими, на его взгляд, было запланировано введение цензорской должности. Поэтому, по мысли В. Зольтау, плебеи не могли предпринять сецессию против децемвиров, – они организовали ее на защиту XII таблиц от посягательства патрициев. Именно вожди патрицианской знати под руководством *pontifex maximus*, утверждал В. Зольтау, принуждали децемвиров к отставке, но затем понтифики при написании истории «партийным образом» фальсифицировали действительные события. Даже легенда о Вергинии, с точки зрения В. Зольтау, являлась не древним народным сказанием, а намеренно выдуманным мифом. Понтифики, в соответствии с такой трактовкой немецкого ученого, потому оклеветали вторых децемвиров, что те «через разумную государственную реформу угрожали разрушить здание древнего жреческого государства»⁴⁶ К тому же, добавлял В. Зольтау, римские аристократы хотели избавить себя от упреков в противодействии реформам и поэтому сделали в традиции виновными во всем вторых децемвиров. Таким образом, В. Зольтау по своему классифицировал информацию источников на достоверную и недостоверную, во многом произвольно проводя разделительную линию между ними.

Следующей специальной работой стало сочинение Ойгена Тойблера «Исследования к истории децемвирата и XII таблиц»⁴⁷ Хорошо известный и авторитетный ученый весьма осторожно обращался со сведениями источников и, как отмечал в посвященной ему статье Альфред Хойс (другой знаменитый немецкий антиковед XX в.), при их малочисленности был очень сдержан в компенсировании недостающей информации собственными измышлениями⁴⁸ Тщательным образом

⁴⁶ Soltau W. Der Dezemvirat... S. 17.

⁴⁷ Täubler E. Untersuchungen zur Geschichte des Dezemvirats und der Zwölftafeln. Berlin, 1921. – 142 s. (Historische Studien. Heft 148).

⁴⁸ Heuß A. Eugen Täubler Postumus // Heuß A. Gesammelte Schriften. Bd. 3. Stuttgart, 1995. S. 1918.

вычленяя хронологические пласты античной традиции о децемвирах, он сделал много глубоких наблюдений над текстами римских и греческих авторов. О. Тойблер пришел к выводу об отнесении свидетельств Диодора и Цицерона к более древнему пласту традиции, Дионисия и Ливия – к позднему; Помпоний, по его мнению, стоял ближе к древней ступени, а Зонара – к младшим анналистам. Всего же выделив четыре ступени традиции о децемвирах, он обозначил их следующим образом: первая (еще сильно связанная с сухой формой хроники понтификов) – Фабий и Диодор, вторая – после Фабия до Полибия и Цицерона, третья, гракханская – Помпоний и Зонара, четвертая, сулланская – Дионисий и Ливий⁴⁹. Сделав много нетривиальных источниковедческих наблюдений, О. Тойблер пришел к выводу (который, как нам кажется, прямо и не следовал из проанализированного им материала) о том, что «разделение таблиц на 10 и 2 и соответствующее удвоение децемвирата есть фальсификация»⁵⁰. Появление этой фальсификации он трактовал необходимостью для античных авторов объяснить, почему в последних таблицах проявилась враждебная народу тенденция (запрет браков между патрициями и плебеями). В отличие от В. Зольтау (хотя прямо с ним и не полемизируя), О. Тойблер отрицал цель деятельности децемвиров как достижение сословного равенства, считая это следом младшей традиции. Он отказался от признания возможности участия плебеев в коллегиях децемвиров, полагая, что плебейские роды в более позднее время «из сословного тщеславия» в списки патрицианских магистратов V в. до н. э. привнесли имена якобы высших должностных лиц из своей среды⁵¹. Задаваясь вопросом, «когда и кем был выдуман второй децемвират»⁵², О. Тойблер отвечал на него так: между 300 и 200 гг. до н. э., вероятно в кругах понтификов. Таким образом, он, стоя на диаметрально противоположных В. Зольтау позициях в характеристике деятельности децемвиров и сути фальсификации в отображении ее античной традицией, смыкался с ним в отнесении к понтификам искажений исторических реалий децемвирата. Еще более любопытно, что на основе иных умозаключений Ойген Тойблер повторил вывод Б. В. Никольского о неисторичности второй коллегии децемвиров, хотя весьма невысоко в целом оценил концепцию российского исследователя, считая ее необоснованной (не разделяя, в частности, интерпретаций сведений об афинском посольстве, о Гермодоре, о бессрочности пол-

⁴⁹ *Täubler E. Untersuchungen...* S. 53.

⁵⁰ *Ibid.* S. 18.

⁵¹ *Ibid.* S. 80.

⁵² *Ibid.* S. 111.

номочий децемвиров)⁵³ Фактически же О. Тойблер продолжил ту линию в изучении децемвирата, которая развилась на базе гиперкритического подхода к античной традиции и впервые четко была высказана в книге Б. В. Никольского, – именно вывод о недостоверности сведений о существовании второго децемвирата следует считать ее главным положением. С момента своего появления это направление в исследовании децемвирата стало противоположным основанному в немецком антиковедении еще в первой трети XIX в. и признающему, в целом, адекватность отражения в традиции исторических реалий, связанных с коллегией десяти законодателей (при всех существенных различиях гипотез в рамках каждого из них).

После выхода в свет исследования О. Тойблера прошло более полувека, прежде чем была опубликована новая, посвященная непосредственно децемвирату статья, на сей раз в итальянской историографии, принадлежащая Габриэлле Пома⁵⁴. (Никаких других специальных публикаций на этом весьма длительном хронологическом отрезке обнаружить не удалось, и у нас сложилось впечатление об их отсутствии.) Г. Пома не ставила перед собой целью всестороннее освещение децемвирата, – в ее задачу входило лишь рассмотрение оценки его Цицероном в трактате «О государстве». Тем не менее, проводя сравнительный анализ, Г. Пома сопоставляла трактовку Цицероном магистратуры десяти законодателей со сведениями Диодора, Дионисия, Ливия, что позволило ей вполне определенно показать, в отличие от О. Тойблера, общность важных характеристик децемвирата в интерпретации Цицерона, с одной стороны, и Ливия и Дионисия, с другой. Подробно останавливалась Г. Пома на влиянии теории Полибия о смешанном государственном устройстве на учение Цицерона, который (так же как и его греческий предшественник) видел реализованным это устройство в римской истории. При этом она отмечала, что Цицерон относил существование смешанного устройства к периоду до гракханского времени, а эпоху, открытую децемвиратом, связывал с его становлением. В целом же, Г. Пома не разрабатывала собственную целостную концепцию децемвирата, ограничившись сравнительно узким вопросом, избранным для анализа.

Если мы бросим общий взгляд на историографию децемвирата, то перед нами предстанет не вполне обычная картина. Изучение других римских чрезвычайных магистратур развивалось по приблизительно

⁵³ *Taubler E.* Untersuchungen... S. 108.

⁵⁴ *Poma G.* La valutazione del decemvirato nel de republica di Cicerone // *Rivista storica dell'antichità*. Bologna, 1976-77. Vol. 6/7. P. 129-146.

общей схеме, включавшей следующие элементы. В XIX в. первоначально им уделялось внимание в обобщающих трудах, в которых были намечены вопросы для последующего исследования, затем в середине или второй половине XIX в. появились специальные работы, количество и уровень которых возросли в XX в. Именно специальные труды (в подавляющем большинстве статейного характера числом около десятка – полутора десятков по каждой из чрезвычайных должностей) определили в этом веке развитие концептуального осмысления таких структур как интеррегнум, диктатура, консульский трибунал. Обобщающие труды по римской истории и государственному праву, главным образом, либо систематизировали (в лучшем случае) результаты специального анализа, либо использовали какую-то одну из имеющихся концепций в трактовке отдельных магистратур. В историографии же децемвирата заметен явный дефицит специальных исследований (вероятно, законы XII таблиц поглотили основное внимание антиковедов, изучающих середину V в. до н. э.) и, наоборот, больше внимания к самостоятельному теоретическому осмыслению предмета у авторов общих работ по Римской Республике или отдельных значительных сфер ее жизни. Поэтому мы выделим в особую группу такие работы общего плана, опубликованные в XX в., учитывая, что исследовательская мысль в отношении децемвирата во многом не стояла на месте благодаря именно им.

Первым в этом ряду мы должны назвать параграф, написанный Карлом Нойманном для «Всемирной истории», изданной И. фон Пфлугк-Харттунгом в начале XX века⁵⁵. К. Нойманн не был оригинален в отрицании историчности второго децемвирата, но он предложил собственную трактовку информации источников о двух коллегиях децемвиров. Сообщения античной традиции о двухлетнем руководстве децемвирами со стороны Аппия Клавдия и их насильном свержении на третьем году К. Нойманн считал плагиатом греческой истории об афинском архонте Дамасисе, который удерживал высшую власть в течение двух лет, 583 и 582 гг. до н. э., и на третьем году был силой от нее отстранен. Предположение об участии плебеев в децемвирате К. Нойманн расценивал как имеющее слабые основания, но историчность Аппия Клавдия не подвергал сомнению, полагая, что не следует рассматривать его как дублет цензора Аппия Клавдия, поскольку политические

⁵⁵ Neumann K. J. Die hellenistische Staaten und die Römische Republik // Weltgeschichte. Die Entstehung der Menschheit in Staat und Gesellschaft, in Kultur und Geistesleben. Berlin, 1910. Bd. I. S. 378-379.

тенденции, представляемые этими фигурами, диаметрально противоположны.

Все остальные труды общего характера, в которых децемвират как магистратура освещался не мимоходом, а в той или иной степени в самостоятельной авторской трактовке, относятся ко второй половине XX в. Среди них следует непременно назвать труд Роберта Вернера⁵⁶, в котором немецкий исследователь, продолжая линию отрицания историчности второго децемвирата, предложил собственный вариант реконструкции персонального состава единственной, на его взгляд, коллегии десяти законодателей.

Свои соображения по поводу децемвирата высказал в рамках написанного им общего труда Жак Эргон⁵⁷, допускавший реальность существования двух призывов децемвиров, хотя и отмечавший, что «легионы видели историческую традицию через политические очки их собственного дня»⁵⁸. Появление коллегии децемвиров Ж. Эргон рассматривал как результат стремления патрициев удержать плебеев от консулата. Не считая достоверным рассказ источников об афинском посольстве, Ж. Эргон признавал участие Гермодора в составлении децемвирального законодательства и своеобразно трактовал цель записи римских законов. Он, в отличие от других историков, насчитывал шесть плебейских представителей во втором децемвирате и по-своему определял способ легитимизации письменно зафиксированных децемвирами норм.

Характеристику магистратуры децемвиров, имеющую отпечаток некоторого своеобразия, дал в своем обобщающем труде по эволюции римского государства Эндре Ференци⁵⁹. Отмечая, что описания децемвирата в источниках испытывают недостаток исторической подлинности, венгерский исследователь, тем не менее, не отрицал полностью сведений о втором децемвирате. Миссия коллегий децемвиров, на взгляд Э. Ференци, заключалась в подведении законодательной базы под существование римского государства с тем, чтобы дать уступки плебеям, но сохранить в нем лидерство патрициев. При этом Э. Ференци полагал, что децемвиры улучшили положение плебеев не только в области частного права, но и дали им политические права, что, в конечном счете, привело к снижению влияния патрициев и их учреждений в государственной системе Рима.

⁵⁶ *Werner R.* Der Beginn der römischen Republik. München - Wien, 1963.

⁵⁷ *Heurgon J.* The Rise of the Rome to 264 B C. London, 1969.

⁵⁸ *Ibid.* P. 170.

⁵⁹ *Ferenczy E.* From the Patrician State to the Patricio-Plebeian State. Budapest, 1976.

Из общих работ последнего десятилетия XX в. выделим как содержащие определенный теоретический анализ децемвирата монографии Д. Флаха⁶⁰ и Т. Корнелла⁶¹. Дитер Флах, придерживаясь линии скептического отношения к сообщениям античной традиции о децемвирате, пишет, что «взятый в общих рамках рассказ будит недоверие — уже постольку, поскольку он на основном заблуждении построен, будто Рим перед временем XII таблиц знал широко консулов и диктаторов»⁶². Децемвиры не могли, продолжает далее Д. Флах, ни консулов сменить, ни консульские полномочия иметь⁶³. Это утверждение и основанное на нем недоверие к источникам базируются на его представлении, что до децемвиров во главе Республики стоял единоличный магистрат — диктатор⁶⁴. Упоминания о консулах, по мнению Д. Флаха, свидетельствуют о недостоверности традиции о децемвирате. Однако каких бы магистратов не считать высшими должностными лицами первых шестидесяти лет Республики, следует принять, что древние писатели называли их нередко консулами, а следовательно, по меньшей мере странно отметить на этом основании всю их информацию об организации управления государством, в том числе и времени децемвиров. Не усматривая надежной основы в показаниях источников о греческом влиянии на законодательство децемвиров, Д. Флах склоняется к тому, что они «главным образом или даже исключительно позднеэтрусское и раннеримское обычное право осмысливали и записывали»⁶⁵. Вместе с тем, Д. Флах, при всем негативном отношении к информации источников, прямо нигде не пишет о неисторичности второй коллегии децемвиров, хотя отвергает возможность присутствия среди законодателей представителей плебейских родов.

Т. Корнелла также отличает нечеткость исследовательской позиции во взглядах на децемвират, проявляющаяся несколько по-иному. Замечая, что многие части рассказа о децемвирате вторичны, похожи на явный роман и, конечно, фиктивны (возможно, из-за враждебности к Клавдиям позднеереспубликанской исторической традиции), он считает,

⁶⁰ Flach D. Die Gesetze der frühen römischen Republik. Text und Kommentar. In Zusammenarbeit mit Stefan von der Lahr. Darmstadt, 1994.

⁶¹ Cornell T. J. The Beginnings of Rome. Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000-264 BC). London and New-York, 1995.

⁶² Flach D. Die Gesetze... S. 105.

⁶³ Ibid.

⁶⁴ См. подробнее: Дементьева В. В. Рецензия на книгу: Flach D. Die Gesetze der frühen römischen Republik. Text und Kommentar. In Zusammenarbeit mit Stefan von der Lahr. Darmstadt, 1994. // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1999. № 2 (5). С. 215-220.

⁶⁵ Flach D. Die Gesetze... S. 108.

что второй децемвират поэтому может быть фиктивным, но может таковым и не быть. Для того, чтобы его можно было признать фиктивным, подчеркивает Т. Корнелл, необходимо нечто более убедительное, чем наблюдение о неисторичности плебейских имен среди его участников⁶⁶. Еще более неопределенна позиция английского историка по вопросу о целях введения децемвирата в римскую конституцию. Полагая, что уязвимы все имеющиеся в историографии точки зрения, он не предложил собственного позитивного решения проблемы.

Раздел монографии Т. Корнелла о децемвирате, так же как и соответствующий параграф книги Д. Флаха во многом отражают положение, сложившееся в историографии к концу XX в., — явную нехватку современной исторической реконструкции магистратуры децемвиров, построения ее модели с учетом новейших достижений в изучении римской государственности раннереспубликанского времени. При отсутствии новых специальных работ по децемвирату авторы обобщающих трудов вынуждены или реанимировать гиперкритику античной традиции о его истории, или оставлять многие вопросы безо всякого относительно приемлемого ответа. Поэтому мы ставим перед собой цель, по возможности, ликвидировать этот пробел, принимая во внимание результаты наших предшественников в историографии, не отвергая наблюдений даже концептуально нам не близких авторов.

В современном отечественном антиковедении имеются отдельные работы, затрагивающие децемвират. В монографии Ии Леонидовны Маяк признается историчность двух коллегий децемвиров, достоверность сведений о тираническом правлении второй, отмечается чрезвычайный характер данной магистратуры, упоминается связь децемвирата с рогацией Терентилия Гарсы, дается портрет Аппия Клавдия как одиозной фигуры⁶⁷.

К комиссии децемвиров неоднократно обращался в своих исследованиях Леонид Львович Кофанов. О ней он кратко говорит в связи с составлением XII таблиц⁶⁸, затрагивая вопросы о греческом влиянии на децемвиральное законодательство и значении деятельности коллегии десяти для социальных отношений. В другой статье Л. Л. Кофанов

⁶⁶ Cornell T. J. Op. cit. P. 273.

⁶⁷ Маяк И. Л. Римляне ранней Республики. М., 1993. С. 28-29, 44-45, 60, 73.

⁶⁸ Кофанов Л. Л. Обязательственное право в архаическом Риме (VI-IV вв. до н. э.). М. 1994. С. 144-147; он же. Законы XII таблиц и проблема *sodales* // Античность Европы. Пермь, 1992. С. 16-17; он же. Характер коллегий и проблема неразделенной коллективной собственности *erctum pop cūm* в законах XII таблиц // Антиковедение и средневековье. Вып. 2. Ярославль, 2000. С. 14.

проанализировал информацию античной традиции о ранних римских законах, сделав вывод о достаточной ее надежности, поскольку авторы эпохи империи основывались «не на легендах и устных преданиях, а непосредственно на архаических записях законов»⁶⁹ Этот вывод о достоверности, в целом, информации источников, относящейся к содержанию законов, вполне допустимо распространить и на сведения традиции о процессе их составления. В статье, сопутствующей изданию текста законов XII таблиц и сделанного им перевода, Л. Л. Кофанов обосновывает утверждение о том, что законодательство децемвиров не было лишь кодексом частного права, оно включало в себя публичные и сакральные нормы⁷⁰ Тем самым Л. Л. Кофанов поддерживает точку зрения, согласно которой, целью деятельности децемвиров было не только и не столько установление равенства сословий в сфере действия частного права, но и ограничение возможностей правившей патрицианской элиты в области публичного права⁷¹.

Ольга Витольдовна Сидорович первоначально касалась децемвирата при выяснении характера конституционных изменений в период ранней Республики и при анализе теорий смешанного государственного устройства Полибия и Цицерона⁷², весьма приближаясь в данном случае в выборе ракурса изучения к статье Г. Пома (хотя и никак не отзываясь о результатах исследования своей предшественницы). Сделав несколько замечаний о составе коллегий децемвиров и найдя, что во второй из них шесть человек принадлежали к родам, ранее не занимавшим высшую магистратуру, О. В. Сидорович пришла к утверждению об обвинении децемвиров со стороны «аристократической редакции анналистической традиции» в демагогии. Она сделала вывод, что «подлинными инициаторами свержения децемвиров были не плебеи, как это изображено в традиции, а те армейские командиры, которые прочно укрепились у власти в первое республиканское пятидесятилетие»⁷³ Следовательно, признавая историчность вторых децемвиров, но

⁶⁹ Кофанов Л. Л. Традиция о древнейших источниках по праву архаического Рима: легенда или реальность? // Проблемы исторического познания. Материалы междун. конф. Москва, 19-21 мая 1996 г. М., 1999. С. 212.

⁷⁰ Он же. К вопросу о палингенезе законов XII таблиц // Законы XII таблиц / Сост. и пер. Л. Л. Кофанова, отв. ред. В. И. Уколова. М., 1996. С. 175-210.

⁷¹ См., например: *Ogilvie R. M.* Op. cit. P. 412; *Volkman H.* Op. cit. S. 27.

⁷² Сидорович О. В. Некоторые аспекты конституционного развития Рима ранней республики // Античность и современность. Докл. конф. М., 1991. С. 75-77; она же. Теория смешанной конституции и развитие государственных институтов в раннереспубликанском Риме // *IUS ANTIQVVM*. Древнее право. 1996. № 1. С. 47-52.

⁷³ Сидорович О. В. Теория смешанной конституции... С. 51.

не считая достоверными сведения традиции об отстранении их от власти, О. В. Сидорович, по существу, встала на точку зрения В. Зольтау, даже не упомянув его детальную разработку данной гипотезы. О характере децемвирата О. В. Сидорович заметила, что «по всей видимости, новая магистратура была задумана не как экстраординарная»⁷⁴. Этот тезис был затем в статьях, посвященных непосредственно децемвирам, видоизменен ею в утверждение, что децемвират «не был задуман как экстраординарная магистратура»⁷⁵, уже, в определенной мере, как ответ на наши публикации с обоснованием чрезвычайного характера магистратуры децемвиров. Хотя О. В. Сидорович, говоря в самом общем виде о своем несогласии с нашей трактовкой децемвирата как экстраординарной магистратуры, не указывает, в чем она видит слабости нашей аргументации, мы считаем необходимым повести дискуссионное обсуждение и специально остановимся на основных моментах ее подхода к проблеме, которые вызывают наши принципиальные возражения, в последнем параграфе третьей главы этой книги.

Некоторое внимание децемвирату уделила в своей кандидатской диссертации и опубликованном по ее тексту учебном пособии Нина Васильевна Чеканова⁷⁶. Она отмечает, что «децемвират был порожден борьбой плебеев с патрициями за гражданское и политическое равенство»⁷⁷, признает плебейское участие во втором децемвирате. При этом она небрежно обращается с информацией источников о составе обеих коллегий: не приводя список Диодора первой коллегии, утверждает, что он «в основном не расходится со списком Ливия»⁷⁸, хотя он отличается тем, что не включает имеющиеся у римского историка родовые имена Куриация, Генуция и Манлия, но содержит родовое имя Минуция (отсутствующее у Ливия), а также разницей личных имен Клавдия, Ветурия и Сульпиция, да еще отсутствием личного имени Ромилия и наличием двух прозвищ, не приводимых Ливием. В этом списке Диодора Н. В. Чеканова принимает в составе имени Σπόριος Ποστούμιος Καλβίνιος когномен за некое родовое плебейское имя Кальвиний (относя спорный момент о плебейском участии в первой коллегии к это-

⁷⁴ Сидорович О. В. Некоторые аспекты... С. 76.

⁷⁵ Она же. Децемвират в системе публичного права Римской республики // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2002. №2 (10). С. 88-98; она же. Децемвират в истории архаического Рима // Древность и средневековые Европы / Под ред. И. Л. Маяк и А. З. Нюркаевой. Пермь, 2002. С. 18-26.

⁷⁶ Чеканова Н. В. Эволюция системы триумвирата в Риме при переходе от Республики к Империи. Учеб. пособие. Ярославль, 1992. С. 22-29.

⁷⁷ Там же. С. 23.

⁷⁸ Там же. С. 25.

му, по недоразумению появившемуся имени, а не к именам Генуция и Минуция, которые, собственно и составляют в историографии дискуссионный вопрос о плебейском представительстве). В воспроизведении перечня вторых децемвиров Н. В. Чеканова тоже делает некоторые погрешности⁷⁹ В плане характеристики основных черт децемвирата в анализируемой работе отметим, что Н. В. Чеканова придерживается тезиса о бессрочности полномочий децемвиров⁸⁰, но, тем не менее, противореча сама себе, правление второй коллегии сверх административного года считает узурпацией власти⁸¹

Касалась децемвирата в статье, посвященной роду Клавдиев, Людмила Прокопьевна Кучеренко⁸², подчеркнувшая изменение позиции Аппия Клавдия от первого децемвирата ко второму, наличие у него заранее выработанного плана достижения власти. Она отметила также конституционные нарушения в деятельности вторых децемвиров, осуждение их не только со стороны плебеев и патрициев, но и родового клана Клавдиев.

Специально останавливался на проблеме отстранения децемвиров от должности Валерий Николаевич Токмаков, подробно рассматривавший сюжет убийства Луция Сикция Дентата в 449 г. до н. э.⁸³ Соглашаясь с точкой зрения, что введение децемвирата было следствием борьбы плебеев за равные права и доступ к высшим магистратурам, а также признавая плебейское происхождение Сикция, В. Н. Токмаков задавался вопросом о том, было ли выгодно децемвирам устранение влиятельного политического лидера. Ответ на этот вопрос он дал отрицательный, полагая, что Сикций, больше чем децемвиров, не устраивал сенат. Считая факт существования вторых децемвиров историчным и отмечая жестокость их правления, которая приводила к потере поддержки со стороны плебса, В. Н. Токмаков усмотрел все же основную оппозицию децемвирам в сенатской аристократии во главе с Валерием и Горацием. Именно в их интересах, по мнению В. Н. Токмакова, было устранение вождя плебса, убийством которого можно было, к тому же, скомпрометировать децемвиров. Главный вывод статьи сводится к то-

⁷⁹ Она почему-то транслитерирует родовое имя *Poetelius* как Петилий, а не Петелий, и неверно сокращает личное имя Маний (дает сокращение от имени Марк).

⁸⁰ Чеканова Н. В. Указ. соч. С. 26.

⁸¹ Там же. С. 28.

⁸² Кучерено Л. П. Род Клавдиев в политической жизни раннереспубликанского Рима // Проблемы социально-политической истории зарубежных стран. Сыктывкар, 1997. С. 3-12.

⁸³ Токмаков В. Н. Луций Сикций Дентат и падение децемвиров // Среда, личность, общество. Докл. конф., 1992. С. 162-168.

му, что свержение децемвиров произвела сенатская аристократия, возможно, в коалиции с частью плебейской верхушки; сецессия же плебейского войска произошла уже после отстранения децемвиров от власти в ответ на узурпацию ее сенатом⁸⁴. Таким образом, В. Н. Токмаков в своей трактовке событий падения децемвиров очень близок В. Зольтау, в первую очередь, в отрицании протеста плебейских масс против них. Соответственно, переключается его изображение ситуации с картиной, рисуемой О. В. Сидорович. Немало общего в таком подходе и с точкой зрения Эдуарда Мейера (среди 570 его работ⁸⁵ есть упоминающая децемвират статья, переведенная на русский язык), полагавшего, что второе удаление плебеев «было приведено в связь с совершенно второстепенным и лишенным исторической достоверности фактом падения децемвирата... самими позднейшими анналистами»⁸⁶.

Итак, в публикациях 90-х гг. XX в. отечественных антиковедов затрагивались отдельные стороны изучения децемвирата, в целом же его история не получила сколько-нибудь подробного и разностороннего освещения. Та же самая картина наблюдается и в зарубежной историографии последних десятилетий. Интерес к децемвирату проявлялся попутно с изучением других проблем, что неизбежно приводило к фрагментарности информации о нем (к тому же не всегда корректно подаваемой). Сказанным обуславливается наша задача максимально полного рассмотрения магистратуры децемвиров как органа римской исполнительной власти при выявлении его специфики.

Источниковая база исследования децемвирата имеет много общих элементов с комплексом источников о других структурах ранней Республики, но вместе с тем отличается и своими особенностями. Консульские фасты содержат очень важный для исследователей вариант перечня участников двух коллегий децемвиров, их полную титулатуру (хотя и в позднем, но принятом в качестве закрепившегося за ними виде), а также дают хронологические координаты и представление о том, как римляне «встраивали» данных магистратов в последовательный ряд высших должностных лиц (CIL. Vol. 1. P. 16). «Инвентаризацию» источниковедческой критики фаст на конец 70-х гг. XX в. провел Рональд Ридли⁸⁷; за прошедшее с тех пор тридцатилетие ее фонд пополнялся не слишком активно. Конечно, историки давно признали, что ка-

⁸⁴ Токмаков В. Н. Луций Сикций Дентат... С. 168.

⁸⁵ См.: Demandt A. Geschichte der Geschichte... S. 172.

⁸⁶ Мейер Эд. Римский плебс // Очерки из экономической и социальной истории древнего мира и средних веков. СПб., 1899. С. 142.

⁸⁷ Ridley R. Fastenkritik: A Stocktaking // Athenaeum. 1980. Vol. 58. P. 264-298.

питолийские фасты фактически представляют собой позднейшую контаминацию различных списков магистратов, созданную анналистами⁸⁸. Поэтому, разумеется, мы не можем безоговорочно принимать на веру их свидетельства о составе децемвирата, но при корректировке показаниями других источников имеем необходимое основание для реконструкции списков двух коллегий децемвиров.

Другим эпиграфическим памятником, представляющим источник-овый интерес при изучении децемвирата, является надпись с речью императора Клавдия о допуске в сенат галлов, в которой содержится лаконичная, но важная характеристика власти десяти мужей (ILS. 212). На ее значение для понимания объема компетенции данных магистратов обращали внимание Т. Моммзен и И. Марквардт⁸⁹.

Римская античная историография для нас, безусловно, важнейший источник. О ней много сказано исследователями, общим местом стало упоминание о том, что римские авторы не слишком обременяли себя поиском и изучением первоисточников, черпая материал для собственных сочинений из трудов своих предшественников, наполняли историческое повествование морализаторскими примерами⁹⁰. Уве Вальтер замечает, что они формировали восприятие и конструкцию исторического феномена посредством знания живой жизни и повседневной практики⁹¹. Нам представляется, что в этом можно найти современному исследователю и позитивный момент: это было знание хотя и более поздней, но римской жизни. Сам У. Вальтер подчеркивал, что подрастающие поколения римлян раздвигали горизонты своего опыта и постигали ценностные ориентиры в непосредственном ежедневном общении со взрослыми, которые хранили сказания, песни, изречения гораздо более ранних времен. Поэтому в повседневной практике и живой жизни римские историки тоже могли почерпнуть информацию о прошлом, причем не обязательно искаженную. Разумеется, методика создания исторических сочинений античными авторами должна подвергаться критическому разбору во всех ее приемах.

Вопрос о роли одного из таких приемов, а именно характерного элемента историописания в Риме – *exempla maiorum* (примеры предков) – рассмотрел в своей недавно опубликованной книге об отраже-

⁸⁸ Cornelius F. Untersuchungen zur frühen römischen Geschichte. München, 1940. S. 10.

⁸⁹ Marquardt J., Mommsen Th. Op. cit. S. 682-683.

⁹⁰ См., например: The Historians of Ancient Rome. An Anthology of the Major Writings. Ed. by Ronald Mellor. New York, London, 1998. P. 9; Walter U. Die frühen römischen Historiker. Bd. 1. Darmstadt, 2001. S. 27.

⁹¹ Walter U. Op. cit. S. 28.

нии Республики в исторической картине поздней античности Андреас Фельми⁹². Он находит, что *exempla* были для римлян больше, чем только примеры; они не просто иллюстрировали теорию, как это делала греческая *παράδειγμα*, но и носили «прикладной характер», являясь достаточным аргументом, тогда как *παράδειγμα* была, в первую очередь, средством сопоставления⁹³. *Exempla maiorum* – составная часть «коллективной памяти», и римская историография с самого ее возникновения была нравоучительной в подлинном смысле слова, перманентно ссылаясь на *mos maiorum*, обычай предков, – подчеркивает А. Фельми⁹⁴.

Как нам кажется, другой прием римского историописания – использование авторами информации, содержащейся в трудах их предшественников, – отражал не только (а может, и не столько) нежелание обращаться к источникам, но и их стремление поддержать эту самую «коллективную память», уже до них аккумулированную и оформленную в лучших образцах исторического творчества. Современные исследования показывают, что, например, предпосылкой для рецепции написания истории в эпоху Империи явилась культура чтения, о чем пишет Хельмут Крассер⁹⁵.

«Написание истории в античности, – отмечает Андреас Мель, – было, прежде всего, литературой», «приближаясь к драме, особенно к трагедии»⁹⁶. Не исключение из этого правила и Тит Ливий, «первый римский историк без собственного политического или военного опыта»⁹⁷, к труду которого при изучении децемвирата мы, в первую очередь, должны обратиться⁹⁸. «Все изображение Ливия, – писал В. Золь-

⁹² Felmy A. Die Römische Republik im Geschichtsbild der Spätantike: zum Umgang lateinischer Autoren des 4. und 5. Jahrhunderts n. Chr. mit den exempla maiorum. Berlin, 2001.

⁹³ Ibid. S. 35-36.

⁹⁴ Ibid. S. 36-37.

⁹⁵ Krasser H. Lesekultur als Voraussetzung für die Rezeption von Geschichtsschreibung in der Hohen Kaiserzeit // Geschichtsschreibung und politischer Wandel im 3. Jh. n. Chr. Stuttgart, 1999. S. 57-69.

⁹⁶ Mehl A. Römische Geschichtsschreibung. Grundlagen und Entwicklungen. Eine Einführung. Stuttgart, Berlin, Köln, 2001. S. 21, 23.

⁹⁷ Nippel W. Historiographi and Historical Thought: Classical Period (especially Greece and Rome) // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. Vol. 10. Amsterdam-Paris-New York-Oxford-Shannon-Singapore-Tokyo, 2001. P. 6769.

⁹⁸ Отражению ранней истории Рима в труде Ливия посвятил свое исследование Кэри Форсайт (см.: Forsythe C. Livy and Early Rome. A Study in Historical Method and Judgment. Stuttgart, 1999), проведя анализ первоисточников знаменитого историка, но не остановившись специально на интересующем нас сюжете.

тау, – читается как драма или как диалогами оформленный роман»⁹⁹, но это, на наш взгляд, не слишком мешает вычленению реальных фактов. Не вполне справедливым нам представляется замечание, что «во имя возвеличивания Рима он, не задумываясь, искажает или умалчивает факты»¹⁰⁰. Мы согласны с Михаилом Ивановичем Ростовцевым, определявшим преимущество Ливия перед другими античными авторами: «он создал нам цельное произведение, а не компиляцию... он прочувствовал, если не продумал, судьбы родного ему народа»¹⁰¹. В последовательном изложении событий, всегда в его трактовке имеющих логику развития, децемвирату не просто отведено обусловленное продолжительностью времени существования место, а уделено вполне профессиональное внимание историка как заметному явлению общественной жизни. Стремясь нарисовать красочную картину происходившего, Ливий наполнял повествование яркими подробностями (даже если и руководствовался при этом преимущественно литературными критериями¹⁰²), которые позволяют исследователю увидеть и детали политико-правового механизма функционирования магистратуры (притом что Ливий не рисует его в «собранном виде»), и предпосылки ее появления, и конкретную деятельность децемвиров. Для нас важны также оценки и пояснения Ливия, касающиеся причин возникновения магистратуры децемвиров, осуществления ими властных полномочий и их личных качеств. Мы не можем согласиться с точкой зрения Г. Мартынова, что «Ливий объясняет смысл децемвирата неверно, и что дух этого римского учреждения, как и многих других, для него не понятен»¹⁰³. Разумеется, мнение Ливия – это взгляд историка, неизбежно, в той или иной степени, субъективный, но основанный на знании первоисточников и содержащихся в них фактов. Нам гораздо ближе вывод Н. Радцига, сделанный при анализе текста Ливия, что у римского писателя «в своем целом история децемвирата является достоверной. Иное дело многочисленные его подробности»¹⁰⁴. Правда, мы расходимся с Н. Радцигом в том, какие из подробностей о децемвирах заслуживают или не заслуживают доверия, но это не мешает нам согласиться с вы-

⁹⁹ Soltan W. Die Anfänge der Römischen Geschichtsschreibung. Leipzig, 1909. S. 98.

¹⁰⁰ Гребенюк А. В. Цивилизации античного мира и средневековой Европы. Методологический очерк. Вып. II. М., 1997. С. 35.

¹⁰¹ Ростовцев М. И. Лекции по истории Рима. Литограф. изд. СПб., 1901–1902. С. 17.

¹⁰² Дуров В. С. Художественная историография Древнего Рима. СПб., 1993. С. 71.

¹⁰³ Мартынов Г. О начале римской летописи // Уч. Зап. Императорского Московского ун-та. Отдел историко-филолог. 1904. Вып. 32. С. 31.

¹⁰⁴ Радциг Н. Начало римской летописи // Уч. Зап. Императорского Московского ун-та. Отдел историко-филолог. 1904. Вып. 32. С. 84.

водом о важном источниковом значении труда Тита Ливия для исследования коллегий десяти законодателей.

Цицерон в трактатах «О государстве» и «О законах»¹⁰⁵ специально обращает внимание на особенности правового положения децемвиров, характер их полномочий, определяет задержку второй коллегии у власти свыше установленного срока как государственный переворот (*Cic. De rep.* XXXVII. 62). Конечно, как подчеркивал Л. Л. Кофанов, следует быть осторожным «при анализе норм Цицерона о магистратах, так как в эпоху децемвиров процесс формирования римских магистратур находился еще в начальной стадии»¹⁰⁶. А. Хойс полагал, что, с точки зрения Цицерона, децемвират был регрессивным шагом в эволюции государства, но его ликвидация привела к восстановлению прежних отношений¹⁰⁷. Видимо, все же следует уточнить, что не саму магистратуру децемвиров Цицерон воспринимал негативно, а именно попытку узурпации власти второй коллегией десяти законодателей. Наверное, мы бы больше знали о восприятии Цицероном деятельности децемвиров, если бы до нас полностью дошло его изложение законов XII таблиц, но оно, во многом, утрачено¹⁰⁸, однако и сохранившееся содержание названных трактатов дает нам очень ценную информацию.

Фрагменты сочинения Помпония, посвященные децемвирату и содержащиеся в Дигестах, для нас необходимы, в первую очередь, как отражающие раннереспубликанскую магистратуру с позиций юриста эпохи Империи. Помпония децемвиры интересовали преимущественно как составители законов XII таблиц, и в этом отношении он очень важный информатор. Вместе с тем, попутно он фиксирует правовой статус самих децемвиров, делая это юридически корректно и исторически конкретно.

В «Анналах» Тацита, имеющих, по определению Г. С. Кнабе, «характер старинной городской хроники»¹⁰⁹, в погодной повести которой важную роль играют отступления¹¹⁰, в числе этих отступлений приводится, хотя и краткое, но интересное наблюдение о целях введе-

¹⁰⁵ Новый обзорный очерк творчества Цицерона см.: *Nippel W. Cicero* (106-43 v- Chr.) // *Klassiker des politischen Denkens*. Bd. 1. Von Plato bis Thomas Hobbes. München, 2001. S. 54-64.

¹⁰⁶ Кофанов Л. Л. К вопросу о палингенезе... С. 210.

¹⁰⁷ Heuß A. *Ciceros Theorie vom römischen Staat*. Göttingen, 1976. S. 223. (Nachrichten der Akademieder Wissenschaften in Göttingen. I. Philologisch-Historische Klasse. 1975. № 8).

¹⁰⁸ См.: Demandt A. *Der Idealstaat*. Die politischen Theorien der Antike. Köln, Weimar, Wien, 1993. S. 236.

¹⁰⁹ Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. М., 1981. С. 162.

¹¹⁰ Там же. С. 161.

ния децемвирата и составления децемвирального свода законов (*Tac. App. III. 27*). Комментируя его, Дитер Флах отметил, что Тацит рассматривал законодательство XII таблиц в качестве конечной точки развития по направлению к примирению противоречий в обществе, как *finis aequi iuris* (тогда как последующие законы принимались в обстановке сословных раздоров)¹¹¹. Причем, как акцентировал данное обстоятельство Д. Флах, это была не произвольная трактовка Тацитом истории римской конституции – его описание восходит непосредственно к одной из ветвей раннеанналистической традиции, на которой основывался и Диодор. Собственно, объективность изображения Тацитом республиканского времени историки стали подчеркивать еще век тому назад¹¹².

Латинские авторы I-II вв. н. э. – Публий Овидий Назон, Валерий Максим, Плиний Старший, Гай Светоний Транквилл, Авл Геллий, Луций Анней Флор, Секст Помпей Фест (*Ovid. Fasti. II. 53-54; Val. Max. VI. 1. 2; Plin. Nat. Hist. XXXIV. 5. 21; Suet. Tib. 2. 2; Gell. N. A. XVII. 21. 15; XI. 18. pr.; Flor. Epit. I. 17. 24; Fest. 422 L*) – оставили нам небольшие по объему и фрагментарные, если брать их в отдельности, упоминания о децемвирате, но в совокупности довершающие историческую картину яркими штрихами. Большинство из перечисленных писателей приводят повествование о Вергинии, представляющее историческую беллетристику, но не являющееся, по нашему мнению, полным вымыслом традиции, закрепившей художественный рассказ о реальном факте.

Римская историография III-IV вв. до н. э. пополняет нашу источниковую базу сочинениями Луция Ампелия, Евтропия и Аврелия Виктора. Они свидетельствуют о причинах введения децемвирата и о направленности сецессии плебеев против самовластья децемвиров (*Ampel. XXV. 2; XXIX. 2; Eutrop. I. 18; Aurel. Vict. De vir ill. XXI. 1*). По наблюдениям А. И. Немировского, Луций Ампелий в систематизации сецессий зависит от Флора¹¹³, что, в целом, характеризует опору поздних авторов на сочинения предшественников и устойчивость представления античной традиции о связи падения децемвиров с сецессией плебеев. Фридрих Мюллер, рассматривая источники Евтропия, приводит соответствия (точные и приблизительные) его книг книгам Ливия,

¹¹¹ Flach D. Tacitus in der Tradition der antiken Geschichtsschreibung. Göttingen, 1973. S. 184.

¹¹² Münzer F. Die Entstehung der Historien des Tacitus // Klio. Beiträge zur Alten Geschichte. Leipzig, 1901. Bd. 1. Heft 12. S. 302.

¹¹³ Немировский А. И. Liber memorialis Луция Ампелия // Вестник древней истории (в дальнейшем – ВДИ). 1989. № 1. С. 257.

но полагает, что вряд ли следует наверняка говорить о том, что Ливий послужил ему основным источником¹¹⁴ Ф. Мюллер находит, что конец VII книги совпадает с текстом Светония, для трех последних книг отсутствует возможность для сравнения. Для первых книг (а нас в связи с децемвиратом интересует именно первая книга Евтропия) Ливий засвидетельствован как источник, но Ф. Мюллер полагает, что с некоторой уверенностью можно утверждать, что не собственно само сочинение Ливия было использовано Евтропием, а утраченная эпитома его объемного труда.

На рубеже III-IV вв. н. э. была написана «Хроника» Евсевия Кесарийского, апологетическая цель которого как христианского писателя состояла, по мнению современных исследователей, в частности Майнольфа Фильберга, в подтверждении древности библейской традиции¹¹⁵ Хроника Евсевия сохранилась не в греческом оригинале, а в расширенном переводе Иеронима, сделанном на рубеже IV-V вв. Для нас в ней имеют источниковое значение упоминания о годе избрания децемвиров, отправке посольства в Афины, а также сюжета о Вергинии и сецессии.

Из латиноязычных писателей IV в. – начала V в. н. э. приводят интересующую нас информацию епископ Аврелий Августин, испанский священник и литератор Павел Орозий¹¹⁶, римский грамматик Сервий, чиновник и прозаик-эрудит Амвросий Феодосий Макробий (*August. De civ. Dei. II. 16; Serv. Ad. Aen. VII. 695; Oros. Adv. pag. II. 13. 1-2; Macrob. Sat. I. 13. 21*). Если Августин, Орозий и Сервий сообщают о заимствовании римлянами греческих законов, то Макробий – о реформе децемвирами календаря. Орозий к тому же не только отмечает мотивы передачи власти децемвирам, но и дает определение этой власти.

Самые поздние из составлявших свои труды на латыни и привлекаемых нами авторов – Флавий Магн Аврелий Кассиодор (рубеж V-VI вв. н. э.) и Исидор Севильский (рубеж VI-VII вв. н. э.). Первый передает сведения о посольстве в Грецию за законами, а второй – о целевом предназначении децемвиров, а также о переводе и включении ими в свой свод греческих норм (*Cassiod. 596; Isid. Orig. VI. 13. 4*).

Перечень греческих авторов, в сочинениях которых до нас дошли свидетельства о децемвирате, гораздо короче, но информация двух из

¹¹⁴ Müller F. L. Einleitung // *Eutropii Breviarium ab urbe condita*. Stuttgart, 1995. S. 8-9.

¹¹⁵ Vielberg M. Untertanentopik. Zur Darstellung der Führungsschichten in der kaiserlichen Geschichtsschreibung. München, 1996. S. 99.

¹¹⁶ О произведениях Орозия и Августина см.: Vielberg M. Op. cit. S. 113-117.

них, Диодора Сицилийского и Дионисия Галикарнасского, относится к основополагающей для его изучения. Диодор называет имена децемвиров, повествует о событиях, относящихся к сложению полномочий второй коллегией; «единением между патрициями и плебеями после свержения децемвирата оканчивается сообщение Диодора о римской конституции»¹¹⁷ Он связывает составление двух таблиц с деятельностью не децемвиров, а консулов Валерия и Горация, что противоречит остальным данным традиции¹¹⁸. В историографии многократно поднимался вопрос о первоисточниках Диодора в его повествовании о римской истории. Предлагали считать таковыми сочинения анналистов, писавших по-гречески (Фабий Пиктор и др.), но Эдуард Мейер обосновывал точку зрения, что источники Диодора – латинские хроники, в которых при изложении событий того или иного года имена магистратов-эпонимов стояли в аблятиве, что сказалось на воспроизведении имен греческим историком¹¹⁹. Случаи отклонения называемых Диодором имен от перечисления должностных лиц (в том числе и децемвиров) другими древними авторами Герхард Перль объяснял наличием отдельного самостоятельного варианта традиции, представленного первоисточниками Диодора, а не его ошибками или последующей испорченностью текста, поскольку объем несоответствий значителен¹²⁰. При всех трудностях, которые влечет использование его сочинения, следует отметить понимание в историографии второй половины XX в. того, «что Диодор критичен и что он стремился придать своему произведению определенную концепцию универсализма»¹²¹.

Труд Дионисия Галикарнасского ценен при исследовании децемвирата как источник, отражающий эту римскую структуру исполнительной власти многосторонне и достаточно подробно. Как отмечает Джон Маринкола, Дионисий использовал раннюю римскую историю в качестве ключа для понимания современного ему Рима; «его уникальный подход состоит в признании того, что истинная природа и характер Рима на настоящий момент не известен, но он может быть понят, как это ни парадоксально, посредством изучения его ранней исто-

¹¹⁷ von Unger-Sternberg J. Die Wahrnehmung des „Ständekampfes“ in der römischen Geschichtsschreibung // Staat und Staatlichkeit in der Frühen Römischen Republik. Stuttgart, 1990. S. 94.

¹¹⁸ De Sanctis G. Storia dei Romani. Firenze, 1964. Vol. 2. P. 53.

¹¹⁹ Meyer Ed. Untersuchungen über Diodor's römische Geschichte // Rheinische Museum für Philologie. 1882. Bd. 37. S. 612.

¹²⁰ Perl G. Kritische Untersuchungen zu Diodors Römischer Jahrzahlung. Berlin, 1957. S. 85.

¹²¹ Немировский А. И. Изучение истории Древнего Рима царской и республиканской эпох в послевоенной итальянской историографии // ВДИ. 1974. № 1. С. 218.

рии»¹²² Эмилио Габба обращает внимание на то, что Дионисий мог игнорировать сведения традиции, которые были ему хорошо известны, в угоду своей концепции (например, твердо придерживаясь теории греческого происхождения римлян, он преуменьшал греческое влияние на децемвиральное законодательство, несмотря на то, что был информирован о посольстве в Балканскую и Великую Грецию)¹²³ Андреас Мель отмечает два главных недостатка труда Дионисия, – он не имел ни политического, ни военного опыта, а также историко-критического чутья¹²⁴ Это приводило к искажениям реалий, например, он ошибочно отождествлял римский сенат с афинским советом – буле¹²⁵ Тем не менее Дионисий стремился подробно изложить государственное устройство, право, нравы римлян, поэтому его произведение (хотя заключенные в нем свидетельства нуждаются в сопоставлении с данными иных источников) позволяет корректировать показания Ливия и других античных писателей.

Краткое замечание Плутарха в биографии Цицерона (*Plut. Cic. XII*) о предложении плебейских трибунов возродить полновластную магистратуру десяти мужей углубляет характеристику не только исторических представлений в общественном сознании римлян, но и собственно децемвирата.

Греческая позднеантичная историография вносит вклад в комплекс источников о децемвирате в виде сочинения антиквара из Малой Азии Иоанна Лиды «О магистратах» (*Ioan. Lyd. De mag. I. 34*). Труд написан в VI в. н. э., посвящен управлению Римской и Византийской империй, но содержит любопытные для нас замечания о ситуации, вызвавшей к жизни децемвират, о посольстве в Грецию, составлении децемвирами законов и ведении ими государственных дел. Хотя Иоанн Лид – автор далеко не безукоризненный, он позволяет проследить сохранение в традиции памяти о децемвирате.

Так же как и при изучении других экстраординарных магистратур, дополнительный свет на децемвират проливает византийский автор (чиновник и монах) Иоанн Зонара (*Zon. VII. 18*), благодаря которому мы имеем представление о том, что писал о децемвирах Дион Кассий, – основной источник Зонары для раннереспубликанской истории

¹²² *Marincola J.* Authority and Tradition in Ancient Historiography. Cambridge, 1997. P. 244.

¹²³ *Gabba E.* Dionisius and the History of Archaic Rome. Berkeley, Los Angeles, Oxford, 1991. P. 157.

¹²⁴ *Mehl A.* Op. cit. S. 102.

¹²⁵ *Ibid.*

Рима, использованный им как непосредственно, так и по извлечению, сделанному Ксифилином.

Таким образом, несмотря на кратковременность применения в римской государственной практике магистратуры децемвиров, имеется не так уж мало источников, в которых она нашла свое отражение (что обусловлено, видимо, значимостью результатов деятельности коллегий десяти законодателей). При всей противоречивости заложенной в них информации, они позволяют, если использовать рационально-критический метод их анализа, создать логически непротиворечивую историческую модель децемвирата, охватывающую как механизм его функционирования, так и реконструкцию персонального состава коллегий и причин передачи им власти. Мы, следовательно, предпринимаем попытку всестороннего изучения магистратуры децемвиров, стараясь максимально полно выявить конституционные основы ее существования, ее характер, объем полномочий занимавших ее должностных лиц и их практическую деятельность.

Г л а в а I

СОЗДАНИЕ МАГИСТРАТУРЫ ДЕЦЕМВИРОВ. ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

1.1. Причины создания и целевое назначение децемвирата

Исторически вполне очевидно, что создание децемвирата в середине V в. до н. э. было обусловлено сложным переплетением ряда факторов: остротой социальных противоречий, назревшими задачами правового регулирования общественной жизни, потребностями развития политической системы. Однако на вопросы о том, производными какого из этих факторов следует признать конкретные причины появления коллегии десяти, какие процессы и обстоятельства непосредственно вызвали к жизни этот орган власти, что было доминирующим и решающим в его возникновении (а, следовательно, предопределило его целевое назначение) – в историографии двух последних веков были предложены разнообразные, иногда пересекающиеся, иногда не имеющие точек соприкосновения, а то и взаимоисключающие ответы. При этом сами авторы часто весьма нечетко определяли свою исследовательскую позицию по данной проблеме, нередко совсем не вспоминали о наличии иных концепций ее разработки, не проявляя даже желания отметить, оригинальна ли их оценка, или же их мысль двигается в фарватере чьих-то мнений. Поэтому для начала мы предпримем попытку «препарирования» историографии по вопросу о причинах возникновения децемвирата, отдавая себе отчет в том, что в стремлении выявить суть той или иной точки зрения, мы неизбежно будем в чем-то ее огрублять, полагая, вместе с тем, что без сведения к главному, без известной схематизации, анализ, в принципе, не возможен.

Если мы бросим общий взгляд на антиковедческие изыскания в очерченной проблеме, то главными линиями в подходах и трактовках будут, по нашему мнению, с одной стороны, представления о необходимости кодификации законов как главной причине создания коллегии децемвиров, а с другой стороны, – выделение в качестве такой причины стремления реорганизовать систему исполнительной власти путем создания новой магистратуры. Сторонники как одного, так и другого направления достаточно тесно связывают предпосылки воз-

никновения децемвирата с сословной борьбой патрициев и плебеев, при заметной вариативности в определении нитей этой связи, а также при многообразии точек зрения не только на причинно-следственные характеристики процессов, принятых исследователями за основополагающие, но и на существенные детали, образующие их канву.

Гипотеза, рассматривающая в качестве основной причины создания децемвирата потребность в записи законов, очевидным образом базируется на том, что главным итогом деятельности его членов было составление первого римского свода правовых норм. Важнейший результат существования коллегии, то есть следствие, тем самым воспринимается как первоочередной побудительный мотив, вызвавший к жизни ее появление. Хотя прямолинейная логика причинно-следственных связей в исторических событиях вполне может реализоваться, тем не менее, происходит это далеко не всегда, поэтому реконструкция причины только по известному следствию может привести и к неадекватным выводам. Ибо обусловить возникновение того или иного государственного органа могут определенные причины, а результаты его деятельности могут серьезно расходиться с целевым назначением, вытекавшим из этих причин. Это соображение заставляет нас внимательно отнестись не столько к общей логике данной концепции (так как для нас она не может быть решающим аргументом), сколько к нюансам хода исследовательской мысли отдельных ее сторонников. Поэтому, не останавливаясь на работах, посвященных, главным образом, римскому праву или обзорному изложению истории республиканского Рима, в которых тезис о кодификации законов как причине возникновения и целевом назначении децемвирата только постулируется, но не подкрепляется доказательствами¹²⁶, обратимся к тем трудам, где авторы стремились обосновать этот тезис.

Исходной посылкой практически для всех приверженцев данной концепции является констатация настойчивого требования записи законов именно со стороны плебеев¹²⁷. Но этим отправным моментом общность взглядов и исчерпывается, поскольку в ответе на прин-

¹²⁶ См., например: *Jones A. H. M.* Op. cit. P. 34; *Bleicken J.* Geschichte... S. 25; *Bellen H.* Grundzüge der römischen Geschichte. Von der Königszeit bis zum Übergang der Republik in den Prinzipat. Darmstadt, 1994. S. 25.

¹²⁷ *Вегнер В.* Рим. История и культура римского народа для любителей классической словесности и для самообразования. СПб., 1902. С. 140; *D' Ippolito F.* Op. cit. P. 398-399; *Mustakallio K.* Death and Disgrace Capital Penalties with Post Mortem Sanctions in Early Roman Historiography. Helsinki, 1994. P. 67.

ципиальный вопрос о том, что было содержательной целью законотворческой деятельности децемвиров (и, следовательно, в чем заключалась непосредственная причина составления свода законов), они явно расходятся. Суть одной из точек зрения состоит в признании того, что при законодательной работе децемвиров целевая установка сводилась к уравниванию в правах плебеев с патрициями. Как формулировал Йозеф Фогт, «их поручение состояло в том, чтобы через запись права ввести равенство между патрициями и плебеями»¹²⁸, то есть именно указанное стремление обусловило составление XII таблиц, а значит, и сам факт существования в политической жизни комиссии десяти мужей. В качестве попытки обеспечить уравнивание сословий романисты рассматривали законодательную деятельность децемвиров начиная со времен Георга Пухты, который характеризовал это уравнивание как не совсем честное и открытое, а попытку считал неудавшейся¹²⁹. Вильгельм Ине, со своей стороны, подчеркивал, что при возникновении задачи кодификации законов (в конце 60-х гг. V в. до н. э.) речь шла только о частном праве, а не о государственном устройстве¹³⁰. Доведение до логического конца идеи о достижении равенства плебеев и патрициев в рамках формировавшегося частного права как целевой установке кодификационной деятельности децемвиров неизбежно приводит, на наш взгляд, к выводу о принципиальной новизне законодательства, которое предстояло создать децемвирам. Однако тогда же, в первой половине XIX в. было сформулировано противоположное утверждение, согласно которому целью деятельности коллегии десяти было не собственно законотворчество, не написание новых правовых норм, а приведение в порядок, запись и объяснение прежних законов¹³¹. Этот взгляд сохранился и в историографии следующего столетия¹³², и, например, Д. В. Дождев определяет степень новаторства децемвиров в области частного права как крайне низкую, отмечая, что «само их назначение соответствует более консервативным, нежели реформаторским целям»¹³³. Весомым доводом против трактовки задачи составления XII таблиц как достижения равенства сословий стало обоснование О. Тойблером в начале

¹²⁸ Vogt J. Op. cit. S. 46.

¹²⁹ Пухта Г. Ф. Указ. соч. С. 80-81.

¹³⁰ Ine W. Op. cit. Bd. 1. S. 175.

¹³¹ Конн У. Римские древности. М., 1868. С. 62.

¹³² См., например: Покровский И. А. История римского права. СПб., 1998. С. 117; Alföldy G. Römische Sozialgeschichte. Wiesbaden, 1975. S. 15.

¹³³ Дождев Д. В. Римское частное право. 2-е изд. М., 1999. С. 18.

20-х гг. XX в. вывода, что сведения источников об этом есть след младшей, малодостоверной, анналистической традиции¹³⁴ В любом случае, признание уравнивания сословий в сфере действия частного права целью создания децемвирального законодательства заставляет исследователей говорить о том, что она не была достигнута, ибо содержание статей XII таблиц свидетельствует о сохранении неравенства сословий, а подтвержденный в них запрет смешанных браков был, по определению Алана Уотсона, прямым оскорблением плебеев¹³⁵ Признание же целью децемвирального законодательства только записи обычного права, в том виде, как оно сложилось к середине V в. до н. э., без внесения принципиальных изменений в положение сословий, позволяет исследователям считать изначальную цель достигнутой.

Иная точка зрения, высказанная в рамках той же гипотезы о потребности в кодификации законов как основополагающей причине введения магистратуры децемвиров, сводится к утверждению, что эта кодификация преследовала цель политических перемен, изменений в осуществлении государственной власти. В частности, по рассуждениям Ханса Фолькмманна, законодательство XII таблиц поддержало «маленького человека» перед произволом патрицианских должностных лиц, что имело следствием требование верхушки плебеев участия в занятии должностей, а затем и реализацию этих притязаний¹³⁶ Разделяя, как нам кажется, мнение сторонников этого направления, Л. Л. Кофанов акцентирует внимание на том, что в составе кодекса децемвиров были статьи, посвященные сакральному и публичному праву¹³⁷ То же самое параллельно утверждает Петер Штайн¹³⁸

Подчеркнем, что, как показывает наш анализ историографии проблемы, авторы, придерживающиеся означенной позиции, считают главной целью законодательства не установление равенства сословий в сфере действия частного права, а именно ограничение возможностей патрицианской олигархии в области публичного права, государственного руководства (ибо ее сила, по замечанию Р. М. Огилви, заключалась в возможности управлять посредством неписаных зако-

¹³⁴ Täubler E. Untersuchungen... S. 59.

¹³⁵ Watson A. Op. cit.

¹³⁶ Volkman H. Op. cit. S. 27.

¹³⁷ Кофанов Л. Л. К вопросу о палингенезе... С. 175-210.

¹³⁸ Stein P. G. Römische Recht und Europa. Die Geschichte einer Rechtskultur. Frankfurt am Main, 1996. S. 15.

нов¹³⁹). Тем самым, как считал Р. М. Огилви, произошел, благодаря кодификации законов децемвирами, переход от олигархической формы правления к демократическим основам¹⁴⁰. Делая такой вывод, сторонники данной концепции неожиданно близко подходят к трактовке причин создания децемвирата приверженцами теории, усматривающей таковые в потребностях реорганизации римской политической системы. Разница в данном случае только в том, что если одни видят предпосылки создания децемвирата в необходимости кодификации законов, которая была направлена, по их мнению, на трансформацию государственно-правовых институтов, то вторые – непосредственно в назревшей необходимости реформирования таких установлений путем учреждения новой магистратуры. Иначе говоря, те и другие видят конечную цель введения децемвирата в изменениях политического устройства, но одни рассматривают ее достижение «трехступенчато» (выстраивая такую цепочку: потребности в кодификации законов вызвали к жизни комиссию десяти, которая, создав писаное право, обеспечила тем самым реформирование исполнительной власти), а другие считают, что цель эта достигалась прямо – самим фактом создания новой магистратуры из десяти членов. Здесь мы уже касаемся главного (и, без сомнения, принципиального) различия между двумя основными подходами в решении вопроса о причинах возникновения децемвирата, – авторы, разделяющие второй из этих подходов, понимают, в большинстве своем, комиссию десяти как вновь образованный постоянный орган исполнительной власти.

Первым, кто предложил трактовку децемвирата в качестве ординарной магистратуры, видоизменившей государственное управление римской общины, был Бартольд Нибур¹⁴¹. В соответствии с его концепцией, децемвират заменил собой высшие органы власти, существовавшие до него, совместив в себе функции и консулата, и плебейского трибуната. Причем, это совмещение, на его взгляд, предполагалось не временным, двухгодичным, а регулярным, ежегодным. Тем самым создавалась постоянная, впервые патрицианско-плебейская по составу, структура исполнительной власти. В дальнейшем она расчленилась на три магистратуры (с тем же совокупным количест-

¹³⁹ *Ogilvie R. M.* Op. cit. P. 412.

¹⁴⁰ *Ibid.* P. 452.

¹⁴¹ *Niebuhr B. G.* *Römische Geschichte.* (1812). S. 107-144; (1853). S. 526-539, 553. Целью децемвирального законодательства Б. Нибур считал сближение и, по возможности, уравнивание патрициев и плебеев, создание общего для всех римлян, без различия сословий, государственного права.

вом должностных мест – 10): консульский военный трибунал (шесть человек), цензуру (двое) и квестуру (двое). Основные положения этой гипотезы были восприняты Альбертом Шwegлером, который, считая ее наполненной глубоким смыслом, впрочем, не поддерживал в отдельных моментах: в частности, он не был солидарен с Б. Нибуром в представлении о разделении децемвирата как объединенного органа на несколько магистратур¹⁴². Из следовавшей непосредственно за Б. Нибуром плеяды немецких историков скептически отнесся к принципиальным положениям его концепции, пожалуй, только Вильгельм Беккер¹⁴³. Безоговорочно отстаивал ее Иоганн Мадвиг¹⁴⁴, а в определенном отношении развил, но в целом и существенно видоизменил Теодор Моммзен¹⁴⁵.

Считая предназначением децемвирата создание нового порядка, Т. Моммзен усмотрел в качестве главного новшества задуманного переустройства упразднение плебейского трибуната через уравнивание сословий в политических правах. При этом, по его мнению, ликвидация консулата не планировалась, а, следовательно, как можно продолжить мысль Т. Моммзена, не предполагалось сохранять децемвират в качестве постоянного органа высшей исполнительной власти. По сути, следует выделить трактовку Т. Моммзена в отдельную концепцию, имеющую точки соприкосновения с другими (в том числе и с гипотезой о кодификации права как главной причине создания децемвирата), но заметно отличающуюся от них.

Подходы Б. Нибура и Т. Моммзена к проблеме причин возникновения магистратуры *decemviri legibus scribundis* (имеющие общую посылку в виде признания причиной возникновения децемвирата потребности кардинального преобразования политической системы посредством создания новой магистратуры, но отличающиеся в трактовке ее характера), нашли сторонников и противников не только в немецкой историографии, но и у представителей других национальных школ антиковедения. Среди русских ученых более других склонялся к поддержке идей Б. Нибура В. И. Герье, но он не считал закрытым вопрос о том, был ли децемвират задуман как постоянное

¹⁴² Schwegler A. Op. cit. S. 6-17, 112-114.

¹⁴³ Becker W. A. Op. cit. S. 128-133.

¹⁴⁴ Madvig J. N. Op. cit. Bd. 1. S. 499-501.

¹⁴⁵ Mommsen Th. Römische Staatsrecht... Bd. 2. S. 662-666; *idem*. Abriss... S. 188-189; *idem*. Römische Geschichte. Berlin, 1874. S. 279-282; Моммзен Т. История Рима... Т. 1. С. 231-234.

или как временное учреждение¹⁴⁶. И. В. Нетушил, соглашаясь с Б. Нибуром в том, что при оформлении комиссии децемвиров все прежние магистратуры были объединены в одну общую коллегия, не был уверен в правильности его вывода о постоянном характере созданного органа. «Неизвестно, – писал И. В. Нетушил, – предполагалось сохранить это нововведение на все будущее время... или только на время составления свода законов»¹⁴⁷

Продолжателем «линии Моммзена» в решении данной проблемы явился Отто Карлова, подчеркивавший, что децемвират имел характер не постоянной, а чрезвычайной магистратуры, предназначенной не для установления надолго, а для решения временной задачи записи законов¹⁴⁸. Пожалуй, О. Карлова, видевший в создании децемвирата важные изменения государственного управления, более, чем кто бы то ни было другой, занимал исследовательскую позицию «на стыке» двух направлений в объяснении причин возникновения децемвирата, – точек зрения о превалирующей задаче законодательной деятельности и о доминировании потребности реорганизации исполнительной власти. О. Тойблер в своей обзорной работе о римском государстве тоже отнес децемвират к числу «непостоянных чрезвычайных должностей»¹⁴⁹

Своеобразным оппонентом мнению Т. Моммзена выступил Вильгельм Зольтау, также исходивший из того, что во время децемвирата были проведены важные политические реформы¹⁵⁰. Он подробно аргументировал положение о том, что речь шла не о ликвидации плебейского трибуната, как полагал Т. Моммзен, а о стремлении «привести эту революционную должность в связь с государственным правом, поручить плебейским должностным лицам государственные функции»¹⁵¹. В исследовании В. Зольтау также делались выводы о превращении со времен децемвирата должности эдилов из чисто плебейской в общегосударственную, об изменении политической роли *concilium plebis*, возвышении сената над магистратами и др.¹⁵² Таким образом, считая причиной политического рождения коллегии децемвиров необходимость преобразований государственного управления, В. Зольтау видел суть этих реформ по-своему.

¹⁴⁶ Герье В. И. История Рима... С. 126.

¹⁴⁷ Нетушил И. В. Обзор римской истории. Харьков, 1916. С. 50.

¹⁴⁸ Karlowa O. Op. cit. S. 103.

¹⁴⁹ Täubler E. Der römische Staat. Stuttgart, 1985. S. 28.

¹⁵⁰ Soltau W. Der Dezemvirat... 38. S. 2.

¹⁵¹ Ibid. S. 6.

¹⁵² Ibid. S. 7-12.

Взгляд на появление децемвирата как на конституционную реформу разделял Франческо Де Мартино¹⁵³, находя в этом органе своеобразное возвращение ко множественности правителей, существовавшей в первые дни республики (по его мнению, перед учреждением децемвирата высшая власть была сосредоточена в руках одного *magister populi*). В отношении характера магистратуры Ф. Де Мартино был близок к трактовке Т. Моммзена и О. Карловы, рассматривая ее как временный орган для оформления законодательства.

Отдельно следует остановиться на точке зрения Жака Эргона, который усматривал причины появления децемвирата в желании патрициев сохранить олигархическое правление, не допустить плебеев к консулату¹⁵⁴. То есть, считая, что причины эти лежат в плоскости государственного управления, Ж. Эргон, в отличие от многих исследователей видел целевое назначение коллегии десяти мужей не в развитии демократизации, а в прямо противоположном направлении. Соответственно, хотя Ж. Эргон связывал введение децемвирата с сословной борьбой, инициативу его создания он, очевидным образом, относил не к плебейам (как это распространено в историографии), а к патрициям. Главной же целью (и результатом) законодательной деятельности децемвиров он считал не уравнивание в правах плебеев, не замену обычного права письменными законами, а «секуляризацию» закона, отказ от *fas* в пользу *ius*¹⁵⁵.

В определенном смысле сочетанием традиционного представления о характере связи возникновения магистратуры децемвиров с сословной борьбой и точки зрения Ж. Эргона можно считать мнение Эндре Ференци, который, с одной стороны, рассматривал появление децемвирата как уступку патрициев плебейам, а с другой – задачей его деятельности полагал закрепление ведущей роли патрициев в государственном устройстве¹⁵⁶. Э. Ференци трактовал целевое назначение децемвирата как не просто кодификацию права, но как реформирование римской общественной системы¹⁵⁷, пребывая, тем самым, в русле теории о реорганизации исполнительной власти как коренной причине появления коллегии десяти мужей.

¹⁵³ *De Martino F.* Op. cit. (1958). P. 253-254.

¹⁵⁴ *Heurgon J.* Op. cit. P. 172.

¹⁵⁵ *Ibid.* P. 170.

¹⁵⁶ *Ferenczy E.* From the Patrician State... P. 20.

¹⁵⁷ *Idem.* Zur Verfassungsgeschichte der Frührepublik // Beiträge zur Alten Geschichte und deren Nachleben. Festschrift für Franz Altheim. Bd. 1. Berlin, 1969. S. 149.

В современной отечественной историографии представлены оба главных подхода в объяснении причин создания данной магистратуры. В частности, не соглашается с идущей от Б. Нибура гипотезой, «что децемвират был создан не как законодательная комиссия, а как постоянное учреждение с целью реорганизации государственного механизма», Н. В. Чеканова, поддерживающая точку зрения о разработке законодательства как целевом назначении этой коллегии¹⁵⁸

Наоборот, в рамках теории, связывающей децемвират в первую очередь с потребностями развития государственных институтов, находится, в целом, О. В. Сидорович. Отмечая существование в анналистической традиции двух направлений в трактовке причин создания децемвирата (кодификация права и реформирование управления общиной), она подчеркивает его конституционное значение¹⁵⁹, а анализируя деятельность двух коллегий десяти мужей, делает вывод, что децемвират «расширил социальную базу существовавшего режима, превратив его из узко олигархического в аристократический за счет включения представителей обоих сословий»¹⁶⁰. Таким образом, О. В. Сидорович по-своему определяет вектор политических преобразований, заданных децемвиратом, понимая их и не как переход от олигархического правления к демократическим основам, и не как закрепление олигархических порядков (две названные нами ранее версии в историографии). Заметим, что ее точка зрения диаметрально противоположна представлению об эволюции римской политической системы от аристократической к олигархической, идущему, как подчеркивает Габриэлла Пома, от Полибия¹⁶¹. Тем не менее, изначально олигархическим видит формирование римского республиканского государства, например, М. Кроуфорд¹⁶², давая, по словам Н. Н. Трухиной, «расплывчатое определение правящей олигархии»¹⁶³. Очевидно, здесь мы сталкиваемся с терминологическим вопросом, требующим выяснения, в первую очередь того, какое содержание исследователи вкладывают в понятия аристократическое и олигархическое устройство, как на уровне категориального аппарата, так и применительно к римской общине. Ибо при всей расхожести названных терминов становится ясно, что смысл их различными авторами определяет-

¹⁵⁸ Чеканова Н. В. Указ. соч. С. 23.

¹⁵⁹ Сидорович О. В. Некоторые аспекты... С. 75-77.

¹⁶⁰ Она же. Теория смешанной конституции... С. 52.

¹⁶¹ Пома G. Op. cit. P. 146.

¹⁶² Crawford M. The Roman Republic. New Jersey, 1978; 2. ed. London: Fontana Press, 1992.

¹⁶³ Трухина Н. Н. Рецензия на книгу: M. Crawford The Roman Republic. 2. ed. London: Fontana Press, 1992. // ВДИ. 1994. № 4. С. 207-208.

ся по-разному, а это обесценивает формулировки их выводов в плане создания общетеоретических построений.

На слабые места имеющихся теорий о создании децемвирата (как в качестве новой постоянной магистратуры, так и в качестве временной законодательной коллегии) обратил внимание в середине 90-х гг. XX в. Т. Корнелл¹⁶⁴. При этом он уклонился от сколько-нибудь представительного историографического обзора с изложением конкретных взглядов исследователей, сосредоточившись на чисто логических нестыковках. Т. Корнелл выявляет следующие противоречия: если децемвират предназначался в качестве постоянной замены консулов и плебейских трибунов, то составление законов явилось непредвиденной и временной функцией, с чем не согласуется название магистратуры; с другой стороны – если он был основан как временный орган для составления законов, то почему была приостановлена деятельность консулов и трибунов? Попытки разрешить это затруднение путем разделения первой и второй комиссий децемвиров по целевому назначению (первая сформирована для законодательства, а вторая – для управления государством в качестве постоянного органа) Т. Корнелл считает «неудовлетворительным компромиссом», потому что в этом случае следовало бы ожидать приостановки деятельности консулов и трибунов именно в начале второго децемвирата, тогда как она имела место при первом. Интерпретация объединения в рамках одной магистратуры плебеев и патрициев путем упразднения должностей консулов, трибунов и эдилов, по его мнению, имела бы смысл, если бы новый орган власти был открыт для всех граждан, включая плебеев, а их участия в коллегии децемвиров он не находит. Указывая на уязвимые, с его точки зрения, моменты гипотез о причинах создания и целевом назначении коллегии децемвиров, Т. Корнелл, вместе с тем, не предлагает своего позитивного решения этих вопросов, не выстраивает собственной концепции.

Однако концептуальное осмысление предпосылок, причин, поводов, целей и задач введения комиссии децемвиров как высшего органа исполнительной власти является, на наш взгляд, необходимым, прежде всего, для понимания характера этой магистратуры, а, следовательно, для ее целостной исторической реконструкции. Поэтому мобилизуем и проанализируем свидетельства источников по вопросам, относящимся к введению децемвирата в римскую конституцию.

Тацит упоминает об избрании децемвиров как о действии плебеев, направленном на защиту свободы и укрепление согласия (*Тас.*

¹⁶⁴ Cornell T. J. Op. cit. P. 272-275.

App. III. 27)¹⁶⁵, но не конкретизирует, достигалось ли это самим фактом вручения им власти или же составлением свода законов.

Целевое предназначение децемвирата как законодательной коллегии отмечается в ее названии, содержащемся в капитолийских фастах и уже приведенном нами: *decemviri consulari imperio legibus scribendis* (CIL. V. 1. P. 16). Традиция добавлять, упоминая децемвират в целом или его отдельных членов, уточнение «для записи законов» сохранилась и в последующее время. Так, Гай Светоний Транквилл пишет об Аппии Клавдии: «*decemvir legibus scribendis*» (*Suet. Tib. II. 2*)¹⁶⁶, а Авл Геллий обо всей коллегии – «*decemviri legibus scribendis*» (*Gell. N. A. XVII. 21. 15*)¹⁶⁷

Тит Ливий определяет целью назначения коллегии децемвиров составление законов, прямо отмечая, что для этого она и была сформирована – *ab decemviris ad condenda iura creatis* – «децемвирами, учрежденными для создания права» (*Liv. XXXIV. 6. 8*)¹⁶⁸. Делает это он ретроспективно, при описании событий конца III в. до н. э., но и контекст изложения в третьей книге его труда ситуации прихода к власти децемвиров в середине V в. до н.э. не противоречит данному выводу. Речь идет о настойчивом требовании плебейских трибунов приступить к составлению законов – «к тому прилагали усилия трибуны, чтобы наконец-то было положено начало записи законов» (*Liv. III. 32. 6*)¹⁶⁹. После этого замечания у Ливия не-

¹⁶⁵ *Pulso Tarquinio adversum patrum factiones multa populus paravit tuendae libertatis et firmandae concordiae, creatique decemviri et accitis quae usquam egregia compositae duodecim tabulae, finis aequi iuris* – «После изгнания Тарквиния простой народ, чтобы защитить свободу и укрепить согласие, принял многочисленные меры против партии знатных, и были избраны децемвиры, которые, взяв отовсюду все лучшее, составили Двенадцать таблиц – последний свод нелицеприятного права» (пер. А. С. Бобовича.)

¹⁶⁶ *Contra Claudius Regillianus, decemvir legibus scribendis, virginem ingenuam per vim libidinis gratia in servitutem asserere conatus causa plebi fuit secedendi cursus a patribus* – «С другой стороны, Клавдий Региллиан, децемвир для сочинения законов, подстрекаемый страстью, покушался силою обратить в рабство свободную девушку, и это было причиной второго отделения патрициев от плебеев» (пер. М. Л. Гаспарова).

¹⁶⁷ *Romae autem per eas tempestates decemviros legibus scribendis creatos constitit tabulasque ab his primo decem conscriptas, mox alias duas additas*. – «В Риме же в то время, как известно, учредили децемвиров для составления законов, и сперва они записали десять таблиц, а потом были добавлены еще две.»

¹⁶⁸ *Regia lex simul cum ipsa urbe nata aut, quod secundum est, ab decemviris ad condenda iura creatis in duodecim tabulis scripta...* – «Разве то древний закон, что установлен еще царями и родился чуть ли не вместе с Городом? Или он из тех, что возникли немногим позже и были записаны на Двенадцати таблицах коллегией децемвиров, созданной для оставления законов?» (пер. Г. С. Кнабе).

¹⁶⁹ *Eo intentius instabant tribuni ut tandem scribendarum legum initium fieret*.

посредственно и следует фраза о решении упразднить все другие должности и избрать децемвиров, чьи действия не подлежали бы обжалованию¹⁷⁰

Дионисий Галикарнасский, сообщая, что восторжествовало мнение Аппия Клавдия, требовавшего избрания децемвиров, так формулирует, ради каких дел они были учреждены: ...чтобы эти десять мужей, выбрав из отеческих обычаев и греческих законов, привезенных послами, наилучшее и полезное для римского полиса, составили бы законы» (*Dionys. X. 55. 4-5*)¹⁷¹. При этом, Дионисий видел задачу деятельности децемвиров на данном поприще в написании законов, обязательных для патрициев и плебеев.

Близкая трактовка причин избрания децемвиров, хотя из-за лаконичности манеры изложения не столь явным образом присутствует и у Диодора Сицилийского – «в Риме были учреждены десять мужей, записывающих законы» (*Diod. XII. 23. 1*)¹⁷². Никакого иного оттенка, кроме смысла «для записи законов», его описание ситуации учреждения децемвирата не содержит. Понимание Диодором именно начертания законов в качестве цели введения децемвирата подтверждают его слова об избрании второй коллегии децемвиров: «римляне опять избрали десять мужей – законодателей» (*Diod. XII. 24. 1*)¹⁷³

Четкая и однозначная причинно-следственная связь между потребностью в записи законов и введением децемвирата прослеживается у Помпония в Дигестах: «После изгнания царей все законы, по закону трибунов, потеряли силу, и снова римский народ начал жить более по неопределенному праву и некоему обычаю, чем по обнародованному закону, и такое продолжалось почти двадцать лет. Затем, чтобы этого больше не происходило, постановлено было общим решением, чтобы были учреждены десять мужей...» (*Dig. I. 2. 2. 3-4*)¹⁷⁴

¹⁷⁰ Placet creari decemviros sine provocatione, et ne quis eo anno alius magistratus esset.

¹⁷¹ ...τούτους δὲ τοὺς ἄνδρας ἐκ τε τῶν πατρίων ἐθῶν καὶ ἐκ τῶν Ἑλληνικῶν νόμων, οὓς ἐκόμισαν οἱ πρέσβεις, ἐκλεξαμένους τὰ κράτιστα καὶ τῇ Ῥωμαίων πόλει πρόσφορα νομοθετήσεσθαι...

¹⁷² ...ἐν δὲ τῇ Ῥώμῃ δέκα ἄνδρες κατεστάθησαν νομογράφοι...
...Ῥωμαῖοι πάλιν δέκα ἄνδρας νομοθέτας εἵλοντο...

¹⁷⁴ Exactis deinde regibus lege tribunicia omnes leges hae exoleverunt iterumque coepit populus Romanus incerto magis iure et consuetudine aliqua uti quam per latam legem, itque prope [q]vi[nqua]gint[i] annis passus est. Postea ne diutius hoc fieret, placuit publica auctoritate decem constitui viros...

Сохраняют подобное представление о целях учреждения комиссии децемвиров два поздних автора – Павел Орозий и Исидор Севильский. Орозий так характеризует мотивы введения должности: «...переданная децемвирам ради установления аттических законов консульская власть...» (*Oros. Adv. pag. II. 13. 1-2*)¹⁷⁵ Исидор практически повторяет слова Ливия, что римский народ учредил децемвиров для составления законов – *decemviri ad condenda iura creati* – (*Isid. Orig. VI. 1. 34*).

Несколько иначе акценты в трактовке причин введения коллегии десяти в конституционное устройство Рима расставлены Цицероном. На первое место в принятом решении он выдвигает сам факт отказа от исполнения должностей консулами и плебейскими трибунами, далее подчеркивает величайшую власть децемвиров, и уже затем, как частное ее проявление, указывает на задачу составления законов (*Cic. De rep. II. XXXVI. 61*)¹⁷⁶ Как справедливо отметила О. В. Сидорович, «законодательные функции децемвирата у Цицерона явно вторичны по отношению к теме согласия сената с народом»¹⁷⁷ Именно Цицерон, в первую очередь, дает аргументы в пользу понимания цели создания децемвирата как реформирования системы магистратур. Хотя Габриэлла Пома, подвергнув детальному рассмотрению оценку децемвирата Цицероном¹⁷⁸, в одном из выводов отметила влияние на его восприятие этой коллегии социально-политических отношений послегракханского времени¹⁷⁹, тем не менее, оставить без должного внимания мнение Цицерона нельзя по причине глубокого осмысления им римских государственно-правовых отношений и его бесспорной эрудиции. Учитывая к тому же, что, в соответствии с детальным текстологическим анализом О. Тойблера, источники Цицерона в данном случае должны быть отнесены к древней ступени ан-

¹⁷⁵ ...potestas consulum decemviris tradita constituendarum legum Atticarum gratia ...

¹⁷⁶ Sed aliquot ante annis, cum summa esset auctoritas in senatu populo patiente atque parente, inita ratio est, ut et consules et tribuni pl. magistratu se abdicarent, atque ut xviri maxima potestate sine provocatione crearentur, qui et summum imperium haberent et leges scriberent – «Но несколькими годами ранее, когда сенат обладал высшим авторитетом, а народ соглашался и повиновался ему, было принято решение о том, чтобы консулы и плебейские трибуны отказались от своих магистратур, и чтобы были избраны децемвиры, облеченные величайшей властью и избавленные от возможности провокации, и чтобы они обладали высшим империем и составили законы» (пер. В. О. Горенштейна).

¹⁷⁷ Сидорович О. В. Некоторые аспекты... С. 76.

¹⁷⁸ *Poma G.* Op. cit. P. 129-146.

¹⁷⁹ *Ibid.* P. 146.

налистической традиции (хотя они и младше, чем первоисточники Диодора)¹⁸⁰, следует признать весьма высокую ценность его свидетельства.

Из авторов эпохи Империи в той или иной мере перекликаются во мнении с Цицероном Луций Ампелий (III в. н. э.), Евтропий (IV в. н. э.), Аврелий Виктор (IV в. н. э.) и Иоанн Лид (VI в. н. э.). Так, Ампелий пишет: «Римский народ... учредил децемвиров для обнародования законов и устройства государства» (*Ampel. XXIX. 2*)¹⁸¹, отмечая потребность в преобразовании публичной власти, но ставя эту цель появления децемвирата на второе место после письменной фиксации права. Евтропий в своем бревиарии констатирует прекращение власти консулов, учреждение децемвиров, наделенных высшей властью (*Eutrop. I. 18*)¹⁸², и затем сообщает о том, как они правили в первом и втором году, не отмечая ни словом их законодательную деятельность. Аврелий Виктор подчеркивает, что обстоятельством, приведшим к появлению децемвирата, была невозможность для римского народа терпеть суровость магистратов, вызывавшую раздоры в обществе, почему и были избраны децемвиры для – тут же уточняет античный автор – записи законов (*Aurel. Vict. De vir. ill. XXI. 1*)¹⁸³. Иоанн Лид, опять-таки, соединяет такую предпосылку перехода к децемвирату как необходимость записи законов и целевую задачу избрания децемвиров – для руководства государственными делами: «Так как законы были сильно запутаны из-за того, что не была произведена их запись, в государстве возникли раздоры властей и народа; по совместному решению сената и народа ушли все магистраты, и забота об управлении государством была передана только десяти мужам» (*Ioan. Lyd. De mag. I. 34*)¹⁸⁴.

¹⁸⁰ Täubler E. Untersuchungen... S. 19, 27, 53.

¹⁸¹ *populus Romanus... decemviros legum ferendarum et rei publicae constituendae causa paravit...*

¹⁸² *Anno trecentesimo et altero ab urbe condita imperium consulare cessavit et pro duobus consulibus decem facti sunt, qui summam potestatem haberent, decemviri nominati* – «В триста втором году от основания города империй консулов перестал действовать, и вместо двух консулов были учреждены десять человек, которые имели высшую власть, и их называли децемвирами».

¹⁸³ *Populus Romanus cum seditiosos magistratus ferre non posset, decemviros legibus scribendis creavit, qui eas ex libris Solonis translates duodecim tabulis exposuerunt.*

¹⁸⁴ πολλῆς δὲ συγχύσεως τῶν νόμων, οἷα μὴ γράμμασι τεθειμένων, τοῖς πρόγμασι γινομένης ἐκ τῆς τῶν ἀρχόντων καὶ τοῦ δήμου διαφορᾶς, δόγματι κοινῷ τῆς βουλῆς καὶ τοῦ δήμου πάντες μὲν οἱ ἄρχοντες ἐκινήθησαν, δέκα δὲ μόνοις ἀνδράσι τὴν φροντίδα τῆς πολιτείας παρέδοσαν.

Таким образом, в античной традиции наряду со свидетельствами в пользу чисто законодательного предназначения децемвирата присутствует версия причин его появления как сочетания потребностей в публикации законов и переустройстве публичной власти, при этом во главу угла ставится то одна, то другая из названных целей. Тем самым древние авторы предоставляют аргументы сторонникам обоих главных направлений в историографии означенной проблемы. Точно также характеристика цели законодательства децемвиров – и как уравнивания в правах плебеев с патрициями, и как стремления иметь писаное право вместо обычного – находят опору в источниках.

В подавляющем большинстве приведенных сообщений античных писателей содержится указание на то, что потребность в записи законов появилась до создания коллегии десяти мужей и что эта коллегия была призвана эту потребность удовлетворить. О том, что необходимость кодификации правовых норм возникла как непредвиденное обстоятельство после прихода к власти децемвиров, не говорит ни один древний автор. Часть их обращают внимание на задачу совершенствования политической системы (как путем записи законов, так и непосредственно организацией новой многоместной должности) или просто управления гражданским коллективом. Причем, сам факт наделения комиссии децемвиров (действовавшей в качестве единственной магистратуры) максимально широкими полномочиями, о чем также сообщает античная традиция, может служить аргументом в пользу концепции о стремлении римлян изменить важные элементы политической системы, приведшем к передаче управления общиной данной коллегии. Заметим, однако: прямо ни один из античных авторов не пишет о том, что предполагалось при введении децемвирата сохранить его в роли ординарной магистратуры, в виде постоянного органа исполнительной власти. Такой взгляд есть логическое построение на основе интерпретации источников, но не собственно их показания. Все же, прежде чем мы попытаемся сделать свои выводы о причинах возникновения децемвирата, продолжим поиск источниковой информации и ее анализ, ибо пролить дополнительный свет на изучаемый вопрос помогают обстоятельства, предшествовавшие выборам в комиссию децемвиров (они описаны в сочинениях периода поздней Республики, Империи, а также византийской эпохи. Таких важных обстоятельств особо выделено два – предложение плебейского трибуна Терентилия Гарсы и ознакомление с греческим законодательством. Рассмотрим по порядку сведения о каждом из них.

О факте рогагии Гая Терентилия Гарсы в 462 г. до н. э. сообщают Тит Ливий (*Liv.* III. 9. 1-13; 10. 5-7; 14. 1-5) и Дионисий Галикарнасский (*Dionys.* X. 1). Но о содержании законодательной инициативы плебейского трибуна нам повествует, главным образом, Ливий. Дионисий косвенно говорит о том, на что направлено было это предложение, отмечая отсутствие у римлян тогда письменно зафиксированного права равного участия всех граждан в законодательной деятельности и равенства всех перед законом (*Dionys.* X. 1)¹⁸⁵ Поэтому о связи законопроекта Гарсы с принятием десятилетие спустя *lex de creandis decemviris legibus scribundis* можно судить на основе сочинений древних историков вполне определенно. Эта связь обычно признается в историографии¹⁸⁶, хотя понимается не вполне одинаково. Собственно, сам Ливий так определяет суть предложения Терентилия Гарсы, направленного на ограничение консульской власти: «принять закон об избрании квинквевиров для написания законов о консульском империи; что народ в этом праве предоставит, тем консулам пользоваться, но, однако не самим, по произволу, своей неограниченной властью вместо закона обходить» (*Liv.* III. 9. 5)¹⁸⁷ То есть Ливий говорит о задаче потенциальной деятельности предложенной Терентилием комиссии пяти как составлению законов, но именно тех, которые бы касались консульских полномочий, следовательно, конечная цель – изменение механизма осуществления властных функций высших магистратов. Поэтому формулировка содержания законопроекта Терентилия Гарсы в том виде, как она дана Джованни Ротонди: «*rogatio Terentilia de quinqueviris legibus scribundis*»¹⁸⁸ – неполна; комиссия не вообще для записи законов, а законов «*de imperio consulari*», уточнение существенно меняет смысл. Дионисий

¹⁸⁵ οὐπω γὰρ τότε ἦν οὗτ' ἰσονομία παρὰ Ῥωμαίοις οὗτ' ἰσχυροία, οὐδ' ἐν γραφαῖς ἅπαντα τὰ δίκαια τεταγμένα...

¹⁸⁶ Ihne W. Op. cit. Bd. 1. S. 175; Schwieger A. Op. cit. Bd. 3. S. 1; Lange L. Op. cit. S. 624-625; Madvig J. Op. cit. S. 499; Karlowa O. Op. cit. S. 103; Виллемс П. Римское государственное право. Киев, 1890. С. 297; Нептушил И. В. Очерк... С. 167-168; Kübler B. Decemviri... Sp. 2257-2258; Никольский Б. В. Указ. соч. СПб., 1897. С. 69; Нич К. В. История Римской республики. М., 1908. С. 72-73; Heurgon J. Op. cit. P. 171; Stewart R. Public Office in Early Rome. Ritual Procedure and Political Practice. The University of Michigan Press, 2000. P. 57-58; Маяк И. Л. Римляне ранней республики... С. 28; Чеканова Н. В. Указ. соч. С. 22-23; Сидорович О. В. Теория смешанной конституции... С. 50.

¹⁸⁷ ...legem se promulgaturum ut quinque viri creentur legibus de imperio consulari scribendis; quod populus in se ius dederit, eo consulem usurum, non ipsos libidinem ac licentiam suam pro lege habituros.

¹⁸⁸ Rotondi G. Leges publicae populi Romani. Hildesheim, 1962. P. 191.

же несколько иначе характеризует требование плебеев о составлении законов, которое вылилось в законопроект Терентилия, – у него речь идет о законах вообще, а не только регламентирующих консульскую власть. К тому же, в соответствии с его текстом, предложено было избрать коллегия не из пяти (как у Ливия), а из десяти человек. По Дионисию получается, что 11 лет спустя комиссия децемвиров по количественному составу и предназначению была избрана в точном соответствии с законодательным предложением Терентилия Гарсы. Вполне вероятно, что Дионисий сделал, как это назвал Н. Радциг, «уступку будущему»¹⁸⁹, т. е. видоизменил информацию о количестве членов комиссии и задачах ее избрания в законопроекте Терентилия Гарсы сообразно с тем, что реализовалось впоследствии в децемвирате. У Ливия общность описания коллегии, предложенной Терентилием, и децемвирата состоит, как отмечает Роберта Стюарт, в том, что они названы по количественному составу, числительными, с указанием функций в *герундиве*¹⁹⁰, однако количество магистратских мест не совпадает, также как нет и полной идентичности в описании целевого назначения.

Французский исследователь Жан Гаге сделал гипотетическое построение, что Терентилий Гарса принадлежал к числу тех плебейских лидеров, которые выдвинулись на военной службе в роли командиров «среднего звена», полагая, что к этому времени центурионы назначались из плебейской массы римских воинов¹⁹¹. По логике его рассуждений, именно такие командиры были заинтересованы в принятии законов, ограничивавших действие консульского империя.

Общий контекст и прямые указания в сообщении Ливия на обострение сословной борьбы и заинтересованность именно плебеев в принятии законопроекта Терентилия заставляют исследователей в принципе признать его проявлением этой борьбы, но конкретная направленность ее в данном случае – вопрос дискуссионный. Так, Б. В. Никольский отмечал, что предложения Терентилия Гарсы были «не борьбою за право, а скорее борьбою из-за прав»¹⁹², имея в виду, очевидно, что это было столкновение не по поводу письменной фиксации имеющегося обычного права, а за принятие новых законов, уравнивающих в правах патрициев и плебеев. И. Л. Маяк также полагает, что в предложении Теренти-

¹⁸⁹ Радциг Н. Указ. соч. С. 71.

¹⁹⁰ Stewart R. Op. cit. P. 68.

¹⁹¹ Gagé J. La "rogatio Terentilia" et le probleme des cadres militaires plébéiens dans la premiere moitié du V siècle av. J.-C. // *Revue Historique*. 1978. Т. 260. P. 289-311.

¹⁹² Никольский Б. В. Указ. соч. С. 69.

лия Гарсы отразилась борьба плебеев за равноправие, но вместе с тем в противоположность точке зрения Б. В. Никольского она подчеркивает, что одним из требований в этой борьбе было опубликование законов. Иначе говоря, И. Л. Маяк считает, – если использовать в формулировке сути ее вывода афористичный принцип Б. В. Никольского, – что борьба за право (собственно за запись уже действовавших обычных норм) есть проявление борьбы из-за прав (т. е. за уравнивание плебеев в правах с патрициями). Как замечает И. Л. Маяк, плебеи при отсутствии писаных законов чувствовали себя ущемленными в сфере права и судопроизводства, поскольку даже определение дней судебных заседаний (по фастам, в тайне составлявшимся и хранившимся патрицианской по составу коллегией понтификов) находилось в руках патрициев¹⁹³. Карл Вильгельм Нич полагал, что в свидетельстве Ливия отразились две версии: древнейшая, в соответствии с которой главное требование, присутствовавшее в рогации Терентилия, «заключалось в разделении высшей должности между обоими сословиями», и более поздняя, в которой речь шла о записи права¹⁹⁴. Так или иначе, мы должны констатировать, что в сообщении нашего основного в данном случае источника о содержании не принятого законопроекта плебейского трибуна 462 г. до н. э.¹⁹⁵ заключена информация как о цели преобразования высшей исполнительной власти, так и о составлении необходимых для этого законов. Таким образом, в изложении предыстории создания децемвирата содержатся все те же объяснения причин и целей формирования многочисленной комиссии, которые античная традиция непосредственно приводит применительно к коллегии десяти мужей.

Другим событием, зафиксированным источниками в качестве предшествовавшего децемвирату и связанного с ним общей логикой развития социально-политической ситуации, была отправка посольства в Грецию для ознакомления с эллинским законодательством.

По информации Тита Ливия (III. 31. 7), в 454 г. до н. э., когда снова обострились межсословные конфликты, и плебейские трибуны предложили избрать законодателей из представителей обоих сословий, чтобы они принесли пользу той и другой стороне, сенаторы не отклонили идею создания комиссии, но выступили против смешанного ее состава, заявляя, что лишь патриции имеют право быть зако-

¹⁹³ Маяк И. Л. Римляне ранней Республики... С. 28.

¹⁹⁴ Нич К. В. Указ. соч. С. 72-73.

¹⁹⁵ Каким образом было осуществлено противодействие принятию этого закона отмечено в статье: Токмаков В. Н. *Tribunica potestas* в Ранней республике: военно-правовой аспект // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 1998. № 1 (3). С. 68.

нодателями. Именно тогда, – т. е., по Ливию, до формирования законодательной комиссии, – «в Афины отправились послы Спурий Постумий Альб, Авл Манлий и Публий Сульпиций Камерин, которым было приказано переписать знаменитые законы Солона и познакомиться с учреждениями, нравами и правом других греческих государств»¹⁹⁶ Рассказ Ливия фиксирует возвращение посольства в 452 г. до н. э. (*Liv.* III. 32. 3). И только после того, как послы возвратились с аттическими законами, было решено избрать комиссию децемвиров¹⁹⁷

Весьма похожая версия событий, связанных с посольством, имеется и у Дионисия Галикарнасского, при сохранении логики их развития (сначала выборы и отправка послов, затем их возвращение с законами, и уже после этого избрание децемвиров), однако с той разницей, что делегации направлялись не только в Афины, но и в греческие города Италии. Как свидетельствует Дионисий, Тит Ромилиий в своей речи советовал сенату направить послов, «одних в греческие города в Италии, других – в Афины, с тем, чтобы они, получив от греков самые лучшие и наиболее соответствующие нашему образу жизни законы», привезли их в Рим (*Dionys.* X. 51. 5)¹⁹⁸. «После написания законодательного предложения и утверждения его народом, были избраны послы, чтобы получить законы у греков – Спурий Постумий, Сервий Сульпиций, Авл Манлий; им были приготовлены за счет казны триремы и другое снаряжение, в доказательство достаточной гегемонии государства» (*Dionys.* X. 52. 4)¹⁹⁹ Далее Дионисий сообщает, что в консульство Луция Менения и Публия Сестия вернулись послы из Афин и из итальянских греческих полисов, привезя

¹⁹⁶ *Liv.* III. 31. 8: ...missi legati Athenas Sp. Postumius Albus A. Manlius P. Sulpicius Camerinus, iussique inclitas leges Solonis describere et aliarum Graeciae civitatum instituta mores iuraque noscere.

¹⁹⁷ *Liv.* III. 32. 6: Iam redierant legati cum Atticis legibus. eo intentius instabant tribuni ut tandem scribendarum legum initium fieret. placet creari decemuiros sine provocatione...

¹⁹⁸ ...πρέσβεις ἐλέσθαι τοὺς μὲν εἰς τὰς Ἑλληνίδας πόλεις τὰς ἐν Ἰταλίᾳ, τοὺς δ' εἰς Ἀθήνας οἵτινες αἰτησάμενοι παρὰ τῶν Ἑλλήνων τοὺς κρατίστους νόμους καὶ μάλιστα τοῖς ἡμετέροις ἀρμόττοντας βίους οἴσουσι δεῦρο.

¹⁹⁹ γραφέντος δὲ τοῦ προβουλεύματος, καὶ μετὰ ταῦτ' ἐπικυρώσαντος τοῦ δήμου πρέσβεις ἀπεδείχθησαν οἱ τοὺς παρὰ τῶν Ἑλλήνων νόμους ληφόμενοι, Σπόριος Ποστόμιος καὶ Σερούσιος Σολπίκιος καὶ Αὐλὸς Μάλλις οἷς τριήρεις τε παρεσκευάσθησαν ἐκ τοῦ δημοσίου καὶ ἄλλος κόσμος εἰς ἐπίδειξιν τῆς ἡγεμονίας ἀποχρῶν.

законы (*Dionys. X. 54. 3*)²⁰⁰ Затем в число децемвиров были выбраны три посла, которые доставили законы от греков (*Dionys. X. 56. 2*)²⁰¹

Цицерон не говорит непосредственно о посольстве в Афины, но в диалоге «О законах» отмечает включение децемвирами в текст XII таблиц законов Солона (*Cic. De leg. II. XXIII. 59; XXV. 64*). Хотя в другом своем сочинении, трактате «Об ораторе», написанном примерно тремя годами ранее, Цицерон, сравнивая римские законы с греческим законодательством, в том числе и с законами Солона (*Cic. De or. I. 44. 197*), подчеркивает превосходство римского гражданского права, это не свидетельствует, на наш взгляд, об отрицании им в данном случае использования греческих законов, как это видится Петеру Зиверту²⁰² Ибо речь здесь идет только о «неупорядоченности» права других народов, которой противопоставляется мудрость римлян, чему, в принципе, не противоречит привлечение ими лучшего из законодательства иноплеменников. П. Зиверт полагает, что Цицерон изменил свой взгляд на греческие заимствования в римском законодательстве за время, прошедшее между написанием этих двух трактатов, под воздействием «легенды о посольстве в Грецию». Нам представляется, что изменения позиции Цицерона не прослеживаются. Мы думаем, что Цицерон всегда придерживался мнения о заимствовании греческих законов при составлении кодекса децемвиров, но информации именно о посольстве в Грецию, перед их избранием или после такового, в его сочинениях нет.

Тацит тоже сообщает, хотя и косвенно, о греческих заимствованиях в законодательстве XII таблиц, указывая, что децемвиры при его составлении взяли отовсюду все лучшее (*Tac. Ann. III. 27*), предварительно причислив к этому лучшему законы Миноса для критян, Ликурга для спартанцев и Солона для афинян (*Tac. Ann. III. 26*). При этом, так же как и Цицерон, Тацит не констатировал сам факт посольства в Грецию. Нет упоминаний о посольстве и у известного юриста Гая, – возможно, в силу характера текста как правового комментария к конкретным статьям XII таблиц, но, может быть, и вследствие того, что нам известны лишь незначительные его фрагменты.

²⁰⁰ ἐν δὲ τῷ αὐτῷ καιρῷ παρεγένοντο ἀπὸ τ' Ἀθηναίων καὶ τῶν ἐν Ἰταλοῖς Ἑλληνίδων πόλεων οἱ πρέσβεις φέροντες τοὺς νόμους.

²⁰¹ ...τρεις δὲ οἱ κομίσαντες παρὰ τῶν Ἑλλήνων τοὺς νόμους, Σπόριος Ποστόμιος καὶ Σερούιος Σολπίκιος καὶ Αὔλος Μάλλιος...

²⁰² Siewert P. Op. cit. S. 338.

Однако он абсолютно определенно отмечает заимствования в кодексе децемвиров из Солоновых законов (Dig. X. 1. 13; XLVII. 22. 4)²⁰³

В сохраненном в тех же Дигестах фрагменте сочинения Помпония говорится о том, что именно через децемвиров были испрошены законы в греческих полисах²⁰⁴, что может свидетельствовать об отправке посольства после избрания комиссии десяти мужей, но с не меньшей вероятностью и просто об участии в ней троих послов, ранее совершивших поездку в греческие государства. Не что иное, как запись децемвирами греческих норм усматривает в их деятельности Луций Анней Флор: «десять избранных первых лиц по приказу народа начертали привезенные из Греции законы, и все правосудие упорядочено было на двенадцати досках...» (*Flor. Epit. I. 17. 24*)²⁰⁵ Связывают содержание XII таблиц, составленных децемвирами, с греческими законами Авл Геллий²⁰⁶ и Аврелий Виктор²⁰⁷

Практически вся последующая поздняя античная и постантичная историография совершенно определенно придерживалась версии об использовании децемвирами при кодификации права греческих законов. Отчасти выпадает из общего ряда сообщение Аврелия Августина (начало V в.), в котором говорится о заимствовании римлянами от афинян законов Солона уже через несколько лет после основания Рима (*Aug. De civ. Dei. II. 16*)²⁰⁸ Поскольку ранее начала VI в. до н. э. эти законы никем заимствоваться не могли, ибо еще не существовали, то о нескольких годах после традиционной даты основания Рима говорить не приходится. Это означает, что Августин имел весьма

²⁰³ *Gai. 4 ad 1. XII tab. = D. 10. 1. 13: ...ad exemplum quodammodo eius legis scriptum est, quam Athenis Solonem dicitur tulisse* (комментарий к XII таб. 7.2); *Gai. 4 ad 1. XII tab. = D. 47. 22. 4: ...haec lex videtur ex lege Solonis translata esse* (комментарий к XII таб. 8. 27).

²⁰⁴ *Pomp. l.s. enchir. = D. I. 2. 2. 4: ...placuit publica auctoritate decem constitui viros, per quos peterentur leges a Graecis civitatibus et civitas fundaretur legibus.*

²⁰⁵ *Adlatas a Graecia leges decem principes lecti iubente populo conscripserant, ordinataque erat in duodecim tabulis tota iustitia...*

²⁰⁶ *Gell. N.A. XI. 18. pr.: Qua poena Draco Atheniensis in legibus, quas populo Atheniensi scripsit, fures adfecerit; et qua postea Solon et qua; item decemviri nostri, qui duodecim tabulas scripserunt...*

²⁰⁷ *De vir. ill. XXI. 1-2: decemviros legibus scribendis creavit, qui eas ex libris Solonis translatas duodecim tabulis exposuerunt.*

²⁰⁸ *Si autem a diis suis Romani vivendi leges accipere potuissent, non aliquot annos post Roman conditam ab Atheniensibus mutuarentur leges Solonis, quas tamen non ut acceperunt <tenuerunt>...*

смутные представления о времени ознакомления римлян с законами Солона, произвольно соотнеся это событие с указанным хронологическим отрезком. Следовательно, понаслышке зная об использовании законов Солона в римском законодательстве, он просто мог исказить эту информацию, связав ее не с децемвирами, а с более ранним временем. Остальные же авторы находятся в русле представления об использовании греческих законов римлянами именно при составлении XII таблиц, в рамках которого все же прослеживаются некоторые вариации. Так, в «Хронике» Евсевия (рубеж III-IV вв.), сохранившейся в латинском переводе Иеронима, отмечается, что «римляне через послов заимствовали от афинян законы, из которых составлены XII таблиц» (*Euseb. Chron.* 194 F)²⁰⁹ Римский грамматик, комментатор Вергилия, Сервий (около 400 г. н. э.) также сообщает об использовании при составлении децемвирами XII таблиц взятых у афинян законов (*Serv. Ad. Aen.* VII. 695)²¹⁰ Павел Орозий (рубеж IV-V вв.) повторяет идею заимствования, указывая и на посольство в Афины, и на установление децемвирами аттических законов: «В год, предшествовавший трехсотому от основания Города, пока поджидали послов, направленных к афинянам, чтобы доставить законы Солона, голод и чума подорвали военное могущество Рима. В трехсотый же год, а именно в девяносто пятую олимпиаду, переданная децемвирам для установления аттических законов консульская власть, причинила государству великое несчастье». (*Oros. Adv.* pag. II. 13. 1-2)²¹¹ В отличие от Орозия, Кассиодор (рубеж V-VI вв.) относит отправку послов в Афины непосредственно к трехсотому году от основания Рима, а не к предыдущему (*Cassiod.* 596). Но, если Кассиодор связывает посольство со временем правления консулов Спурия Тарпея и Авла

²⁰⁹ Romani per legatos ab Atheniensibus iura petierunt, ex quibus XII Tabulae conscriptae. Фрагмент «Хроники» пронумерован нами в соответствии с публикацией текста источника в издании: Eusebius Werke. Bd. 7. Die Chronik des Hieronymus. Berlin, 1956. S. 112. В историографии на него ссылаются также следующим образом: Euseb. Chron. II. 104 или Hieron. II. 105.

²¹⁰ Iustos autem dicit Faliscos, quia populus Romanus missis Xviris ab ipsis iura fetialia collegit et nonnulla supplementa XII tabularum accepit, quas habuerat ab Atheniensibus...

²¹¹ Anno, qui proximus trecentesimo ab Urbe condita fuit, dum legati ad Athenienses propter Solonis leges deferendas missi exspectantur, arma Romana fames pestilentiaquecompescuit. Ipso autem trecentesimo anno, hoc est, olympiade nonagesimaquinta, potestas consulum decemviris tradita constituendarum legum Atticarum gratia magnam perniciem Reip. invexit.

Атерния (точно так же, как и Ливий – *Liv.* III. 31. 5), то Иоанн Лид (VI в. н. э.) – с нахождением у власти децемвиров: ...забота об управлении государством была передана только десяти мужам. Они же, гласит история, посылают в Афины Спурия Постумия, Авла Марция и Публия Сульпиция» (*Ioan. Lyd. De mag. I. 34*)²¹². Далее же Иоанн Лид, некоторым образом противореча сам себе, пишет об избрании децемвиров в Риме во время нахождения послов в Афинах: «В то время, когда они там пребывали в течение трех лет, пока не собрали остальных афинских законов на десяти таблицах, народ избрал десять мужей, которым были поручены государственные дела» (*Ioan. Lyd. De mag. I. 34*)²¹³. Из описания событий Исидором (*Isid. Orig. V. 1. 3*) следует, что децемвиры перевели греческие законы из книг Солона и включили их в XII таблиц. Наконец, византийский историк Иоанн Зонара сохраняет основную линию изложенных представлений: «И трех мужей направили в Грецию за законами и тамошними обычаями» (*Zon. VII. 18*)²¹⁴.

Особняком в античной традиции стоит версия об участии в составлении римских законов некоего грека Гермодора. Страбон (рубеж нашей эры), называя Гермодора жителем Эфеса, замечает: «этот человек, кажется, составил римлянам некоторые законы» (*Strabo. XIV. 25*)²¹⁵. При этом, правда, он ссылается на характеристику Гермодора, данную Гераклитом Темным. Если учесть, что Гераклит умер в 483 г. до н. э., то он не мог знать об отношении Гермодора к комиссии децемвиров, т. е., либо информация об этом была Страбоном почерпнута из другого источника, либо у Гераклита речь шла об ином, а не о деятельности Гермодора как члена комиссии десяти. Плиний Старший, автор чуть более поздний, чем Страбон, упоминая установленную на комиции статую Гермодора Эфесского, считает его толкователем законов, написанных децемвирами (*Plin. N. H. XXXIV. 5. 21*)²¹⁶. Помпоний же во II в. н. э. приписывал Гермодору

²¹² ...δέκα δε μόνοις ἀνδράσι τὴν φροντίδα τῆς πολιτείας παρέδοσαν. αὐτοὶ δὲ στέλλουσιν (ἡ ἱστορία φησὶν) εἰς Ἀθήνας Σπούριον Ποστούμιον, Αὔλον Μάρκιον καὶ Πούπλιον Σουλπίκιον.

²¹³ τῶν δὲ ἐπὶ τριετὴ χρόνον, ἐκεῖ βραδυνόντων, ἕως καὶ τοὺς λειπομένους Ἀθηναίων νόμος ταῖς δέκα δέλτοις ἀναλάβωσιν, δέκα προεβάλετο ὁ δῆμος ἀνδράς ἀνθεξιμένους τῶν πραγμάτων...

²¹⁴ καὶ τρεῖς ἀνδρας εἰς τὴν Ἑλλάδα διὰ τοὺς νόμους καὶ τὰ παρ' ἐκείνοις ἔσθῃ πελόμφοσι.

²¹⁵ δοκεῖ δ' οὗτος ὁ ἀνὴρ νόμους τινὰς Ῥωμαίους συγγράψαι.

²¹⁶ statua... fuit et Hermodori Ephesii in comitio, legum, quas decemviri scribebant, interpretis, publice dicata.

руководство комиссией децемвиров при составлении законов²¹⁷ Фридрих Мюнцер замечал, что рассказ об участии Гермодора в составлении децемвирального законодательства исходит не от анналистов, а от ученых исследователей древности, опирающихся на *докеи* Страбона и *quidam rettulerunt Помпония*²¹⁸. Тем не менее некоторые зацепки в источниках для точки зрения об отношении Гермодора к составлению законов XII таблиц имеются. По поводу статуи Гермодора Маркус Зельмейер, специально исследовавший вопрос о римских почетных памятниках, писал, что она «с большой вероятностью являлась аутентичной мемориальной статуей»²¹⁹.

Проблема греческого влияния на первый свод римских законов и, соответственно, вопросы о посольстве в Грецию, а также участии Гермодора в составлении законодательства давно занимают исследователей – как историков, так и юристов. Разброс мнений при этом находится практически в максимально возможном диапазоне. Бартольд Нибур не находил следов использования законов Солона в тексте статей XII таблиц, посвященных частному праву, но допускал влияние афинских установлений в сфере права государственного, не отрицая при этом участия Гермодора в кодификации римских норм²²⁰. Усматривали греческое влияние В. Беккер, Г. Пухта, В. Вегнер и А. Шwegлер²²¹, но по-разному трактовали его пути. В. Беккер наряду с утверждением о посольстве в Афины приводил информацию о консультативной помощи Гермодора. Г. Пухта считал, что хотя сходство в правовых нормах греков и римлян имелось, греческие писатели преувеличивали влияние законов собственного народа на римские, и во всяком случае римское «частное право осталось совершенно свободным от такой примеси»²²². По мнению Г. Пухты, общность правовых установлений двух народов может объясняться именно этническим родством, а не заимствованием путем посольской экспедиции, ибо никому, например, не придет в голову утвер-

²¹⁷ *Pomp. l.s. enchir.* = Dig. I. 2. 2. 4: *leges duodecim tabularum, quarum ferendarum auctorem fuisse decemviris Hermodorum quendam Ephesium, exulantem in Italia, quidam rettulerunt.*

²¹⁸ *Münzer F. Hermodores* // Pauli / Wissowa Real-Encyclopedie der classischen Alterthumswissenschaft. Bd. 8. Stuttgart, 1913. S. 859-861.

²¹⁹ *Sehlmeier M. Stadtrömische Ehrenstatuen der republikanischen Zeit.* Stuttgart, 1999. S. 86-87.

²²⁰ *Niebuhr B. Römische Geschichte* (1853). S. 523-524.

²²¹ *Becker W.* Op. cit. S. 133; *Пухта Г. Ф.* Указ. соч. С. 73-74; *Вегнер В.* Рим. Начало, распространение и падение всемирной монархии римлян. СПб., М., 1873. (М., 2002). С. 190 (177); *Schwegler A.* Op. cit. S. 19.

²²² *Пухта Г.* Указ. соч. С. 74.

ждать, что сходство в языке было приобретено через послов. (Здесь Г. Пухта явно игнорировал принципиальное различие между близостью языков одной семьи и сходством правовых установлений разных государств). В. Вегнер полагал, что посольство, избранное сенатом из своей среды, посетило сначала греческие колонии Южной Италии, а затем уже отправилось собственно в Грецию. А. Шwegler, хотя и находил отличия римского законодательства от солоновского, признавал историчность факта отправки посольства в Грецию. В Гермодоре он, так же как затем Л. Ланге и Э. Херцог²²³, видел переводчика греческих законов. Людвиг Ланге считал достоверными сведения о посольстве в Афины, полагая, что целью его прежде всего было изучение формальной стороны кодификации, а не заимствование содержания эллинских законов²²⁴. Век спустя подобную трактовку давал Андре Магделен, утверждавший, что сама идея кодификации была греческой, формулировки законов следовали греческим образцам, но содержание XII таблиц было римским²²⁵. Эрнст Херцог приводил сообщения источников о посольстве в Афины и итальянские греческие полисы в качестве подготовительной работы для составления законов XII таблиц, однако он не находил греческого влияния в существенных их частях, оставляя открытым вопрос об этом влиянии на второстепенные детали и на сам процесс кодификации²²⁶. У Теодора Моммзена достоверность информации источников о посольстве не вызывала сомнения²²⁷.

На позиции абсолютного отрицания связи посольства в Грецию с составлением децемвирального законодательства находился, проводя гиперкритическую линию в восприятии сведений источников, Б. В. Никольский²²⁸. По его мнению, экспедиция относилась к более позднему времени и была «пришита к децемвирату впоследствии какими-нибудь догадливыми анналистами»²²⁹. Б. В. Никольский связывал посольство в Грецию с «сооружением медного памятника XII таблиц», относя возведение этого памятника к концу IV в. до н. э., видя к тому же в Гермодоре мастера, создавшего его по инициативе плебеев²³⁰. Против греческого влияния на законы XII таблиц высказывался также Эрнст Корнеманн²³¹.

²²³ Lange L. Op. cit. Bd. 1. S. 627; Herzog E. Op. cit. Bd. I. S. 186-187.

²²⁴ Lange L. Op. cit. Bd. 1. S. 626.

²²⁵ Magdelain A. Les XII Tables... P. 14-33.

²²⁶ Herzog E. Op. cit. S. 186-187.

²²⁷ Mommsen Th. Römische Geschichte.... S. 280.

²²⁸ Никольский Б. В. Указ. соч. С. 50, 65, 72.

²²⁹ Там же. С. 50.

²³⁰ Никольский Б. В. Указ. соч. С. 59, 80.

²³¹ Kornemann E. Römische Geschichte. 5. Aufl. Stuttgart, 1961. S. 87.

По-своему аргументировал несогласие с признанием достоверности информации источников о посольстве в Грецию Арнальдо Момильяно, высказывавший мнение, что, если бы римские посланники действительно посетили Афины в 454 г. до н. э., Перикл дал бы им более современное законодательство, чем составленное Солоном²³² Такой взгляд тоже нашел поддержку исследователей²³³

Эрих Байер, также рассматривая историю римского посольства в Грецию в качестве позднейшего изобретения традиции (времен Цицерона), полагал невероятным появление в Афинах чужаков-варваров, испытывавших языковые трудности в общении, со странной просьбой об «известных» законах Солона²³⁴.

Оригинальную трактовку информации античной традиции о посольстве за афинскими законами предложил Жан Гаге²³⁵ Рассматривая промежуток времени между рогацией Терентилия Гарсы и децемвиратом и обращая внимание на интенсивную борьбу за предложенный плебейскими лидерами законопроект, длившуюся несколько лет, Ж. Гаге полагал, что отмеченный античными авторами консулат Спурия Тарпея и Авла Атерния (по Ливию, 454 г. до н. э.), в действительности был комиссией дуумвиров для записи законов – *duumviri legibus Tarpeis Aterniis scribendis*²³⁶. Анналисты же, как считал Ж. Гаге, привнесли путаницу в изложение событий, превратив так и не созданные «*leges Aterniennes*» в «*leges Athenienses*».

Учитывая, что в дошедших до нас статьях законов XII таблиц действительно можно усмотреть греческое влияние, в том числе и использование греческого слова для обозначения наказания (ροπα / ροιμή), те авторы, кто находит это влияние, но не признает посольства в Афины, встают на одну из двух точек зрения: либо утверждают, что посольство было организовано в греческие полисы Южной Италии²³⁷, либо считают это влияние результатом участия в составлении римского свода законов Гермодора Эфесского, философа в изгнании²³⁸

²³² Momigliano A. Osservazioni sulla distinzione fra patrizi e plebei // *Entretiens sur l'antiquité classique*. Geneve, 1967. Vol. 13. P. 357.

²³³ Crifo G. Op. cit. P. 124-127.

²³⁴ Bayer E. Rom und Westgriechen bis 280 v. Chr. // *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*. Bd. 1. 1. Berlin–New-York, 1972. S. 323-325.

²³⁵ Gagé J. Op. cit. P. 289-311.

²³⁶ Ibid. P. 290-291.

²³⁷ Радциг Н. Указ. соч. С. 77-78; Ковалев С. И. История Рима. Курс лекций. Л., 1986. С. 83; Cornell T. J. Op. cit. P. 275; Flach D. Die Gesetze... S. 108.

²³⁸ Heurgon J. Op. cit. P. 170.

В антиковедении второй половины XX в. прослеживали связь содержания законов XII таблиц с греческими Рудольф Дюль²³⁹, Йозеф Дельц (он, находя греческое влияние, полагал трудным однозначное решение вопроса о посольстве в Афины и иные греческие города)²⁴⁰, Франц Виаккер²⁴¹ и многие другие авторы. Противоположную точку зрения излагали Эберхард Рушенбуш,²⁴² Г. Чулеи²⁴³, Петер Зиверт²⁴⁴ (не только считающий легендой посольство в Грецию, но и скептически относящийся к известиям о Гермодоре), Хайнц Беллен (повторяющий тезис о легендарном характере сведений о посольстве и Гермодоре)²⁴⁵; ряд этот также можно продолжить. При этом, естественно, велась заочная полемика между исследователями. Например, Франц Виаккер отрицал факт посольства в Южную Италию на том основании, что он не мог быть засвидетельствован исторической традицией, поскольку таковой в середине V в. до н. э. в Риме еще не было²⁴⁶. На это Маркус Зельмейер возражал, что передать этот факт в традиции могли историки из Южной Италии²⁴⁷.

Две отмеченные линии решения названного вопроса представлены и в современной отечественной историографии. Если И. Л. Маяк²⁴⁸ и Л. Л. Кофанов²⁴⁹ придерживаются мнения об историчности посольства в Грецию и влиянии эллинского законодательства на первый римских свод правовых норм, то на взгляд Н. В. Чекановой, «посольство в Афины вряд ли можно считать вероятным»²⁵⁰.

Мы со своей стороны обратим внимание на устойчивость представления в античной традиции о заимствовании греческого законодательства при составлении децемвирального. Как видно из аккумулярованного нами источникового материала, столь длительное время самые разные древние авторы, опиравшиеся на самые различные источники, сохраняли это представление. То, что не все из них писали прямо о по-

²³⁹ Düll R. Op. cit. S. 6.

²⁴⁰ Delz J. Op. cit. S. 70-83.

²⁴¹ Wieacker F. Solon und die XII Tafeln... P. 757-784.

²⁴² Ruschenbusch E. Op. cit. S. 250-253.

²⁴³ Ciulei G. Op. cit. S. 21-46.

²⁴⁴ Siewert P. Op. cit. S. 331-344.

²⁴⁵ Bellen H. Op. cit. S. 25.

²⁴⁶ Wieacker F. Römische Rechtsgeschichte. München, 1988. S. 303.

²⁴⁷ Sehlmeier M. Stadtrömische Ehrenstatuen... S. 86-87.

²⁴⁸ Маяк И. Л. Ранняя республика в Риме (V-IV вв. до н. э.) // История Европы. Т. 1. М., 1983. С. 356.

²⁴⁹ Кофанов Л. Л. Обязательственное право... С. 145-146; он же. Законы XII таблиц... С. 16-17; он же. К вопросу о палингенезе... С. 192.

²⁵⁰ Чеканова Н. В. Указ. соч. С. 24.

сольстве, не является аргументом против историчности данного факта, ибо упоминание о заимствовании законодательства косвенно означает признание если не посольства в Афины, то контактов по этому поводу с италийскими греками. Точка зрения Э. Байера, базирующаяся на утверждении об отсутствии связей в середине V в. до н. э. между греческими полисами и римской общиной, исходит из явно преувеличенного, как нам кажется, представления о разделявшей их социо-культурной пропасти. Разумеется, афинское и римское государства находились на разных ступенях развития; процесс политогенеза в Риме еще только завершился, а Афины уже переживали период расцвета демократического устройства, но это отнюдь не свидетельствует о противоестественности и ненужности контактов между ними. Во всяком случае, в Риме интенсивно формировалась гражданская община, являющая собой плоть от плоти полисной античной цивилизации, кровное родство которой с греческим миром должно было возникнуть уже на стадии рождения и первых шагов становления. Замечание А. Момильяно о том, что, если бы посольство было осуществлено, в Афинах нашлись бы более современные законы, чем составленные Солоном, тоже не может быть воспринято как существенный контраргумент, так как законодательство Солона было классическим образцом приведенного в систему права и являлось фундаментом греческих норм.

Прямого отрицания греческого влияния на римское законодательство мы нигде в источниках не находим, никто из античных авторов об этом не писал. Вывод в историографии об отсутствии этого влияния, следовательно, есть не результат восприятия информации античной традиции, а конструкция исследователей, сделанная на иной основе. Помимо того, что все одновременные упоминания в античной и постантичной историографии греческого и римского законодательства констатируют эту связь и ни одно ее не отрицает, практически все относят ее ко времени децемвиров (за исключением сообщения Аврелия Августина, явно анахронистичного). При этом те античные и византийские писатели, которые прямо говорят о посольстве в греческие города, в подавляющем большинстве хронологически привязывают это посольство к годам, предшествовавшим децемвирату. Лишь два сообщения можно трактовать в смысле отправки посольства после создания комиссии десяти. Во-первых, это – упоминание Помпония о том, что греческие законы были испрошены через децемвиров. Но если учесть не опровергаемые ни одним древним автором сообщения Ливия, Дионисия и других о включении в нее по возвращении из греческих государств троих послов, более вероятно, что речь идет об испрашивании греческих законов через бу-

душих децемвиров. Во-вторых, – это указания Иоанна Лида на то, что именно децемвиры направили послов за греческими законами. Однако, поскольку у этого автора тут же имеется свидетельство об избрании децемвиров во время трехлетнего пребывания посольства в греческих городах, первое из этих двух сообщений обесценивается либо как небрежность формулировки, либо как неаккуратное обращение с источниками, когда одна фраза первоисточника Иоанна Лида об избрании децемвиров оказалась в его тексте раньше другой фразы о посольстве, а в следующем предложении логика первоисточника была соблюдена (или же была неряшливо проведена компоновка разных источников). Так или иначе, ту информацию античных писателей, которую можно истолковать как отправку посольства после прихода децемвиров к власти, трудно предпочесть сведениям о противоположной последовательности событий, поскольку она или двусмысленна, или внутренне противоречива.

Таким образом, анализ источников приводит нас к выводу о том, что посольская экспедиция за греческими законами предшествовала избранию коллегии десяти, а следовательно, задача составления законов встала перед децемвирами не спонтанно. Это в свою очередь означает, что такая цель создания коллегии – составление законов – была предварительно определена. Подтверждением тому служит устойчивость передачи в античной традиции факта включения послов в комиссию децемвиров. То, что в перечне послов в сочинении Иоанна Лида фигурирует Марций вместо Манлия вполне допустимо объяснить искажением при греческой передаче его имени автором, имевшим латинский первоисточник и небрежно с ним общавшимся.

Вывод на основе анализа комплекса сохранившихся нарративных источников о существовании такой причины введения децемвирата (и заранее определенной целевой установки), как оформление законодательства, отнюдь не заставляет нас отказаться от признания того, что при создании комиссии десяти преследовалась цель реорганизации исполнительной власти римской общины. Ибо непредвзятое рассмотрение сообщений Цицерона, Луция Ампелия, Аврелия Виктора, Евтропия, Иоанна Лида дает основание говорить о явно отмеченном ими стремлении римлян преобразовать государственное управление самим фактом создания новой магистратуры, призванной видоизменить его не только составлением законодательства, но и непосредственным руководством общественной жизнью. Точно также сведения Тита Ливия о содержании рогации Терентилия Гарсы по созданию комиссии квинквевиров как прообраза будущего децемвирата позволяет нам говорить о назревшей потребности в реформировании звеньев исполнительной власти.

Итак, на вопрос о том, было ли целью введения децемвирата составление законодательства, мы отвечаем: безусловно, да. На вопрос о том, являлось ли целью создания децемвирата реформирование системы магистратур, мы тоже отвечаем: безусловно, да. И тот и другой положительный ответ нас заставляют дать имеющиеся источники. Но как быть тогда с совмещением этих причин и целей, поскольку, признание хотя бы одной из них уже содержит, по наблюдениям Т. Корнелла, явные противоречия: если децемвират учреждался в качестве постоянной замены консулов и плебейских трибунов, то составление законов надо рассматривать непредвиденной функцией (с чем не согласуется, как мы видели, информация источников); а если он был основан как временный орган, для составления законов, то не ясно, для чего должна была быть приостановлена деятельность консулов и трибунов. Наш ответ, снимающий эти нестыковки, таков: децемвират вводился не как ординарная постоянная магистратура, а как магистратура чрезвычайная. Этот ответ позволяет не отвергать никаких сведений источников о причинах его появления и одновременно не оказаться в замкнутом круге сформулированных Т. Корнеллом противоречий. Децемвират есть замена консулов (точнее сказать, ранних преторов), но замена в случае необходимости, как всякая замена органов постоянной власти на органы власти экстраординарной. Действительно, если признание постоянного характера магистратуры децемвиров не позволяет совместить это утверждение с тезисом о непосредственном ее целевом предназначении как систематизации и записи права, то отнесение ее к системе чрезвычайной власти совершенно определенно дает такую возможность. Как всякий переход к экстраординарной власти, он требовал приостановки полномочий ординарных магистратов (независимо от того, какая непосредственная задача стояла перед чрезвычайными должностными лицами), поэтому нет никакого противоречия и в том, что при децемвирате они не функционировали.

Подтверждает вывод о чрезвычайном характере магистратуры децемвиров отнесение ее Авлом Геллием к должностям экстраординарной власти – *deinde extraordinario iure tribunos quoque militares, qui pro consulibus fuissent, item decemuiros, quibus imperium consulare tum esset* (*Gell. N. A. XIV. 7. 5*)²⁵¹ Хотя Вольфганг Кункель замечал, что в этой передаче Геллием содержания рукописи Варрона надо понимать по отношению к консульским трибунам и децемвирам выражение «*extraordinario iure*» только как наличие у них права проводить заседа-

²⁵¹ «...затем и военные трибуны с экстраординарной властью, которые были вместо консулов, равным образом и децемвиры, у которых был тогда консульский империй...»

ния сената²⁵², позволим себе с ним не согласиться. Понятие *iūs*, как свидетельствуют правовые источники, в том числе фрагменты сочинений римских юристов, сохранившиеся в Дигестах Юстиниана, нередко означало «власть», но даже если в данном случае переводить *extraordinario iūre* «с экстраординарным правом», речь идет о компетенции вообще, которая названа экстраординарной, а не о конкретном праве совершать отдельные действия.

Появление новой чрезвычайной магистратуры есть, несомненно, реформирование системы римской исполнительной власти в целом, но это не реорганизация звеньев ординарной власти. Соглашаясь с Б. Нибуром в том, что речь должна идти о существенном преобразовании государственного механизма, мы не разделяем его точку зрения об ординарном характере новой магистратуры десяти мужей. Наиболее плодотворной мы, тем самым, считаем идею Т. Моммзена и О. Карловы об экстраординарности магистратуры децемвиров (не поддерживая некоторых других положений гипотезы Т. Моммзена о причинах ее введения, например, якобы имевшегося стремления полностью ликвидировать плебейский трибунат), ибо она позволяет создать логически непротиворечивую историческую модель децемвирата, опирающуюся на всю совокупность сообщений античной традиции, без тенденциозной избирательности в использовании источниковой базы и при непредвзятом осмыслении содержащихся в ней сведений.

Итак, на наш взгляд, в середине V в. до н. э. в Риме в процессе словесной борьбы по инициативе плебейских лидеров целенаправленно была впервые создана чрезвычайная коллегиальная, годичная по сроку полномочий магистратура, сам факт введения которой в конституционное устройство означал его изменение. При этом перед ней ставилась и непосредственная задача письменной фиксации законов, которая была решена в ее практической деятельности при одновременном осуществлении общего руководства политической жизнью общины.

²⁵² Kunkel W. Staatsordnung und Staatspraxis der Römischen Republik. 2. Abschnitt: Die Magistratur. München, 1995. S. 41.

1.2. Конституционные основы существования децемвирата

Проблема конституционных основ функционирования магистратуры децемвиров включает в себя вопросы о характере и датировке правовых актов, которыми она была создана и упразднена, о количестве коллегий данных должностных лиц, механизме прихода к власти и отставки каждой из них. Ответы на эти вопросы не только позволяют «вписать» децемвират в процесс формирования государственной системы Римской Республики, но и глубже понять сущностные черты этой системы и пути ее становления.

Введение магистратуры децемвиров в римскую конституцию неизбежно должно было иметь правовое оформление. Однако был ли это закон (принятый голосованием в комициях акт) или постановление сената, или какое-либо иное, имеющее юридическую силу решение – в этом следует внимательно разобраться. Главная трудность определения вида и характера данного акта обусловлена предельной краткостью информации о нем в имеющихся источниках. Тит Ливий сообщает о субъекте принятия решения безлично: *placet creari decemviros sine provocatione, et ne quis eo anno alius magistratus esset* – «было принято решение избрать (или, в данном случае, возможен, а, вероятно, даже и предпочтителен, вариант перевода «учредить» – В. Д.) децемвиров без подчинения провокации и никаких других магистратов в этом году не иметь» (*Liv. III. 32. 6*)²⁵³ Этот же глагол *placere* употреблен Помпонием в Дигестах, но уже с указанием на субъект действия: *placuit publica auctoritate decem constitui viros* – «постановлено было общим решением, чтобы были учреждены десять мужей...» (*Dig. I. 2. 2. 3-4*). Выражение *publica auctoritate* имеет отношение ко всему гражданскому коллективу, речь идет о всеобщем решении, то есть, на наш взгляд, должно пониматься как постановление народных собраний. Цицерон излагает введение децемвирата в римское политическое устройство через оборот *inita ratio est* (*Cic. De rep. II. XXXVI. 61*), который в переводе на русский язык В. О. Горенштейна дан как «было принято решение»²⁵⁴, но который может иметь широкое толкование. Ведь *ratio* – понятие в латинском языке полисемантическое; в него вкладывался смысл и «поря-

²⁵³ *Iam redierant legati cum Atticis legibus. Eo intentius instabant tribuni ut tandem scribendarum legum initium fieret. Placet creari decemuiros sine provocatione, et ne quis eo anno alius magistratus esset. Admiserenturne plebeii controuersia aliquamdiu fuit; postremo concessum patribus, modo ne lex Icilia de Auentino aliaequae sacraeae leges abrogarentur.*

²⁵⁴ Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М., 1994. С. 50.

док», «устройство», и «сообразность с законами», «правило», и, наконец, собственно «закон». Но в любом случае, Цицерон если и не подтверждает прямо слова Помпония о законодательном характере принятого решения о создании магистратуры децемвиров, то и не противоречит им. Скорее, на наш взгляд, все-таки косвенно подтверждает. Дионисий Галикарнасский, в свою очередь, упоминает предложение Аппия Клавдия о создании комиссии децемвиров, одобрение его в сенате (*Dionys. X. 55. 4*)²⁵⁵, а затем подчеркивает активность плебейских трибунов и избрание десяти мужей народом. То есть, у Дионисия не выделяется собственно инстанция принятия решения о введении децемвирата: одобрение инициативы Аппия Клавдия сенатом не означает факта принятия постановления непосредственно о создании новой магистратуры, а избрание децемвиров на комициях не свидетельствует прямо в пользу того, что на них же был голосованием утвержден закон о введении в политическое устройство их магистратуры. Таким образом, у Дионисия не акцентируется, а, наоборот, «смазывается» интересующий нас момент. Греческие авторы, в целом, не вносят ясности в определение вида изучаемого акта; из римских же писателей приходится опираться, главным образом, на сообщения названных выше.

Информация Помпония, как мы уже говорили, однозначно понимается нами в качестве указания на народное волеизъявление, так как «публичное дело» – это дело народа, а выразителями воли народа были комиции. Поэтому публичное (общее, государственное) решение – это решение народных собраний. Более того, у Помпония есть и другое красноречивое свидетельство, что народ (*populus*) был непосредственным участником принятия постановления о том, чтобы все магистраты ушли в отставку и вместо них на год были учреждены децемвиры (*Dig. I. 2. 2. 24*)²⁵⁶. Что касается сведений Ливия, то безличность грамматической формы дополняется у него в том же предложении выражением *postremo concessum patribus* – «затем согласились с мнением патрициев (или, возможный вариант перевода уступили патрициям)». Такая конструкция фразы позволила Джованни Ротонди сделать вывод об обсуждении вопроса на народном собрании и принятии на нем же соответствующего решения. Поэтому Дж. Ротонди фиксировал этот акт как

²⁵⁵ ἐνῖκα δὲ ἡ τῶν εἰς νέωτα μελλόντων ὑπατεύειν γνώμη, ἣν Ἀππίος Κλαύδιος πρῶτος ἐρωτηθεὶς ἀπεφώνητο, ἄνδρας αἰρεθῆναι δέκα τοὺς ἐπιφανεστάτους ἐκ τῆς βουλῆς.

²⁵⁶ ...latum est ad populum, uti omnes magistratu se abdicarent {qu} <pr>o decemviri<s> constituit<s> anno uno.

закон – *lex de creandis decemviris legibus scribundis*²⁵⁷ В таком же качестве рассматривал его и Джордж Ботсфорд²⁵⁸ Оспорить это мнение попытался в 90-е гг. XX в. Унто Паананен²⁵⁹, стоящий на позициях отрицания законодательного характера всех относящихся к римским магистратурам актов за период 499-171 гг. до н. э. По его мнению, и глагол *placere*, и словосочетание *publica auctoritate* не имеют никакого отношения к народным собраниям, но должны быть связаны только с постановлением сената. Нам такая трактовка представляется не только ни на чем не основанной натяжкой в угоду постулируемого автором общего тезиса, но, более того, заведомым искажением содержания понятия *auctoritas publica* путем подмены его очевидного значения смыслом «решение сената», для которого существовали особые понятия *auctoritas patrum* и *senatusconsultum*. Глагол же *placere* всегда употреблялся Ливием и другими латинскими авторами как универсальный, поэтому сужение его смысла явно надуманно. Сказанное заставляет нас не согласиться с точкой зрения У. Паананена, имевшего, кстати, предшественников в российском антиковедении (И. В. Нетушил тоже полагал, что дело ограничилось сенатским постановлением²⁶⁰), а, наоборот, поддержать вывод о введении децемвирата в государственное устройство римской общины на основе закона.

Признание законодательного характера акта о создании магистратуры децемвиров требует его датировки. Постараемся привлечь в полном объеме имеющиеся по этому поводу свидетельства источников, чего исследователи обычно не делают, полагая, видимо, что кроме Ливия и Диодора их в текстах других древних авторов нигде больше нет. Тит Ливий относит принятие решения об этом к 452 г. до н. э. (*Liv.* III. 32. 5-6) и, соответственно, избрание первой коллегии десяти мужей к 451 г. до н. э. (*Liv.* III. 33. 1). Он, датируя события от основания Города, называет первым годом децемвирата 302-й год *anno trecentensimo altero quam condita Roma* (*Liv.* III. 33. 1). В соответствии с Ливием дает указания на время прихода к власти децемвиров и Евтропий: *anno trecentessimo et altero ab urbe condita* (*Eutrop.* I. 18). В публикациях консульских фаст первую коллегию децемвиров помещают под 303 г. от основания Рима (CIL. Vol. 1. P. 16). Практически это та же самая дати-

²⁵⁷ Rotondi G. Op. cit. P. 201.

²⁵⁸ Botford G. W. The Roman Assemblies from the Origin to the End of the Republic. New York, 1909. P. 233.

²⁵⁹ Paananen U. Legislation in the comitia centuriata // Acta Instituti Romani Finlandiae. Helsinki, 1993. Vol. XIII. P. 21.

²⁶⁰ Нетушил И. В. Очерк... С. 168.

ровка, так как разница в один год может быть обусловлена расхождением календарных и административных лет, а также просто способами арифметических подсчетов. Это наглядно показывает и Хроника Евсевия, в которой значителен: CCCII anno ab urbe condita decemviri creati (*Euseb. Chron.* 194 F), что издатели переводят на летоисчисление от рождения Христова как 453 г. до н. э.²⁶¹ Близок к Ливию в выстраивании хронологической цепочки событий Кассиодор (*Cassiod.* 596), расхождение составляет год (у Кассиодора чуть более ранняя датировка). Двумя годами ранее ливиевой традиции датирует вручение консульских полномочий децемвирам Павел Орозий, – ipso autem trecentesimo anno, hoc est, olympiade nonagesimaquinta («в трехсотый же год, а именно в девяносто пятую олимпиаду...» – *Oros. Adv. pag.* II. 13. 1-2). Заметим, что девяносто пятая олимпиада при переводе счета лет по эре от основания Рима должна приходиться не на 300, а на 356 год (400 г. до н. э.). В данном случае, очевидно, что Орозий неправильно соотносит римскую дату, имевшуюся в его первоисточниках, с летоисчислением по олимпиадам.

Диодор Сицилийский, также ведя счет лет по олимпиадам, связывает создание в Риме комиссии десяти с восемьдесят четвертыми Олимпийскими играми ὀλυμπιάς μὲν ἦχθη τετάρτη πρὸς ταῖς ὀγδοήκοντα – (*Diod.* XII. 23. 1)²⁶². Учитывая, что точкой отсчета в таком случае служит 776 г. до н. э. (год первой Олимпиады), проведя элементарные расчеты, получаем 444 г. до н. э. как дату введения децемвирата по Диодору (о дате принятия собственно решения о создании новой коллегии должностных лиц греческий историк не упоминает). Но поскольку Диодор соотносит время деятельности первой комиссии децемвиров еще и со временем нахождения у власти в Афинах архонта Праксителя, то датировка децемвирата автором «Римской археологии» должна быть понята как 444–443 гг. до н. э., на что обратила внимание Габриэлла Пома²⁶³.

Цицерон не называет конкретный год введения децемвирата в римскую конституцию или начала его применения в политической практике, но отмечает, что это произошло aliquot ante annis – за несколько лет до описанных им выше событий (*Cic. De rep.* II. XXXVI. 61). Перед сведениями же о децемвирате Цицерон упоминает закон

²⁶¹ Eusebius Werke. Bd. 7. S. 112.

²⁶² Ἐπ' ἀρχοντος δ' Ἀθήνησι Πραξιτέλους ὀλυμπιάς μὲν ἦχθη τετάρτη πρὸς ταῖς ὀγδοήκοντα, καθ' ἣν ἐνίκα στάδιον Κρίσων Ἱμεραῖος, ἐν δὲ τῇ Ρώμῃ δέκα ἄνδρες κατεστάθησαν νομογράφοι...

²⁶³ Poma G. Op. cit. P. 137.

консулов Спурия Тарпея и Авла Атерния (о денежной пене и иске с внесением залога), указывая, что он был принят «приблизительно на пятьдесят четвертом году после первого консульства» (*Cic. De rep. II. XXXV. 60*). Получается, что Цицерон датирует их консулат приблизительно 455 г. до н. э. Консульские же фасты помещают эту пару под 300 г. от основания Рима, т. е. 453 г. до н. э. По Ливию, этих консулов следует связать с 454 г. до н. э. (*Liv. III. 31. 5*). Далее Цицерон сообщает, что двадцать лет спустя после закона Спурия и Атерния, из-за того, что цензоры Луций Папирий и Публий Пинарий назначением пени отобрали много скота у частных лиц, законом консулов Гая Юлия и Публия Папирия была установлена дешевая оценка скота при наложении пени. То есть закон *Iulia et Papiria* следует в соответствии с хронологической цепочкой Цицерона продатировать примерно 435 г. до н. э. Так как после описанных двух законов сказано *aliquot ante annis*, может показаться, что несколькими годами ранее последнего из названных Цицерон и датирует децемвират. Но, возможно, это не так. О законе Юлия и Папирия Цицерон говорит в развитии ситуации действия закона Спурия и Атерния, фиксируя как важное событие именно их закон, датируемый им 455 г. до н. э. Есть вероятность, что «за несколько лет» до этого закона были учреждены, по мнению Цицерона, децемвиры. Таким образом, не исключено, что Цицерон в определении хронологии событий дает датировку децемвирата как «ранее 455 г. до н. э.», хотя и понимание слов Цицерона как «за несколько лет» до 435 г. до н. э. вполне допустимо, и в таком случае его датировка приближается к хронологии Диодора. Поскольку информация Цицерона о времени создания децемвирата не слишком конкретна и дает повод для ее двойного толкования, она не может быть принята за основу датировки изучаемого закона.

Тит Ливий (*IV. 30. 1*) относит правление консулов, предложивших закон о предельном размере пени, Юлия и Папирия (называя, правда, и Юлия, и Папирия Луциями, что не соответствует их личным именам у Цицерона), к 430 г. до н. э. Тем самым, промежуток от консульства Спурия и Атерния до консульства Юлия и Папирия у Ливия составляет 24 года, а это значит, что относительная хронология его близка к использовавшейся Диодором, но разница в абсолютной составляет для закона Юлия и Папирия примерно пять лет, а для закона Спурия и Атерния, и, соответственно, для установления децемвирата, лет семь-восемь.

В историографии датировка в соответствии с греческим писателем не получила распространения, поскольку хронология Диодора призна-

ется большинством антиковедов в части римской истории менее надежной, чем хронология Ливия. Исключения в этом отношении редки; в частности, к их числу можно отнести исследовательскую позицию Роберта Вернера, который, основываясь на свидетельстве Диодора и усматривая к тому же наличие лишь одной коллегии децемвиров, датировал ее создание и деятельность 443 г. до н. э.²⁶⁴ Мы склонны придерживаться версии Ливия, практически совпадающей в данном случае с датировкой возникновения комиссии децемвиров, зафиксированной консульскими фастами и применявшейся в позднеантичных хрониках, подчиняясь основной линии историографической традиции, поскольку в данный момент не находим решающих аргументов против нее. Хотя мы соглашались с тем, что версия Диодора более древняя, а потому могла бы считаться предпочтительной, но репутация Диодора в отношении знания римской хронологии у историков нового и новейшего времени столь невысока, что нужны специальные усилия, чтобы ее изменить.

Таким образом, датируя первое избрание комиссии *decemviri legibus scribundis* 451 г. до н. э., логично, вслед за Ливием, говорить о принятии решения по этому поводу в 452 г. до н. э. Но Дж. Ротонди закон (*lex*) об учреждении данной магистратуры относил к 451 г. до н. э.²⁶⁵ Все же, на наш взгляд, решение о переходе власти в руки децемвиров было принято до начала 451 административного года, так как Ливий свидетельствует о том, что избранные на этот год консулы еще не успели вступить в должность (*Liv.* III. 33. 4); данная информация подтверждается и Дионисием (*Dionys.* X. 55. 4). Поэтому, принимая версию Ливия, мы должны датировать закон о введении децемвирата в римское государственное устройство предшествовавшим консульским годом, т. е. 452 г. до н. э.

Попытаемся теперь реконструировать политико-правовой механизм прихода к власти коллегий децемвиров и сложения ими ее полномочий. Предложение о введении новой магистратуры, согласно Ливию, исходило от консула 452 г. до н. э. Публия Сестия (*Liv.* III. 33. 4), с которым он выступил в сенате против воли его товарища по должности Гая Менения, а, в соответствии с Дионисием – от Аппия Клавдия Красса, с согласия его коллеги Тита Генуция Авгурина, уже избранных в консулат (раннюю претуру), но не начавших исполнять обязанности высшей власти (*Dionys.* X. 55. 4). Формирование первой коллегии децемвиров, по описанию Ливия и Дионисия, проходило, как уже было сказано, по-

²⁶⁴ Werner R. Op. cit. S. 280-282, 291.

²⁶⁵ Rotondi G. *Leges publicae*... P. 201.

сле консульских выборов. Избранные на 451 г. до н. э. консулы Аппий Клавдий и Тит Генуций еще не приступили к исполнению обязанностей (административный год еще не начался) и находились в положении десигнатов, Ливий использует именно это понятие: *quia designati consules in eum annum fuerant* (*Liv.* III. 33. 4)²⁶⁶ Правда, далее в тексте Ливия говорится от лица Аппия Клавдия, что он отказался от консульства для уравнивания законов (*Liv.* III. 56. 9)²⁶⁷, – данная фраза иногда заставляет исследователей думать, будто консулы 451 г. до н. э. уже вступили в должность, а затем сложили полномочия. Но Ливий употребляет глагол *abire*, имеющий весьма широкое значение «удалиться», в том числе «удалиться от должности», вне зависимости от того, началось ее исполнение или нет. Собственно, даже более строгий в этом отношении глагол *abdicere*, означающий досрочный уход магистрата в отставку, и то не содержит в себе исключительный смысл отказа от должности после ее начала; однако его применение означает, что избрание магистрата уже произошло. Об абдикации магистратов при учреждении децемвирата упоминает Помпоний (*uti omnes magistratu se abdicarent* – *Dig.* I. 2. 24), но он имеет в виду всех вообще должностных лиц, в том числе и плебейских трибунов, срок полномочий которых не был связан с консульским годом. Главное же, отказ от должности (*abdicatio*) мог последовать и до вступления в нее (но после избирательных комиций).

Таким образом, мы считаем, что консулы (преторы) Клавдий и Генуций так и остались в данном случае десигнатами. Согласно мнению Теодора Моммзена, срок их вступления в должность наступал 15 мая, поскольку по датировке от основания Рима за период с 294 по 304 г. включительно именно майские иды, по его расчетам, были началом административного года²⁶⁸ Естественно, на должность консулов-преторов Клавдий и Генуций были избраны на центуриатных комициях (что подтверждает Дионисий – *Dionys.* X. 56. 2), но так как они вошли в состав коллегии децемвиров, возникают вопросы о том, переизбирались ли они заново уже в новой роли вместе с другими восьмью магистратами, проходило ли только доизбрание остальных членов децемвирата, либо была осуществлена кооптация их и т. д. Т. Моммзен пола-

²⁶⁶ *Claudio et Genucio, quia designati consules in eum annum fuerant, pro honore honos redditus...* – «Клавдий и Генуций, которые были в этом году консулами-десигнатами, получили почетную должность в обмен на другую.»

²⁶⁷ *...quo aequandarum legum causa cum maxima offensione patrum consulatu abisset...* – «...для уравнивания законов отказался, к значительному неудовольствию патрициев, от консулата...»

²⁶⁸ *Mommsen Th. Die Römische Chronologie...* S. 91-92.

гал, что избрание ограничилось двумя консулами, а остальные восемь были кооптированы в коллегию²⁶⁹ Возражал ему Эрнст Херцог, подчеркивавший, что выборы и кооптация «не уживаются вместе»²⁷⁰

Обратимся к свидетельствам источников. Ливий говорит о нескольких голосованиях в первую коллегию децемвиров, употребляя словосочетание *novissimis suffragiis*, т. е. при самом последнем голосовании (III. 33. 6)²⁷¹, что заставляет нас усмотреть их в количестве более двух (или, по крайней мере, никак не менее двух). Причем Ливий перечисляет имена лиц, вошедших в состав коллегии децемвиров, как бы «группами»: два консула-десигната Аппий Клавдий и Тит Генуций, затем Публий Сестий, экс-консул, далее три члена Афинского посольства – Спурий Постумий, Авл Манлий и Публий Сульпиций – и, наконец, «остальные» или «прочие», которыми заполнили «надлежащее число мест» – *suppleuere ceteri numerum*. Получается, по Ливию, что коллегия комплектовалась поэтапно. В историографии имеется точка зрения, в последнее время отстаиваемая Д. Флахом, что сведения Ливия о составе комиссии децемвиров заслуживают мало доверия, поскольку он пишет о включении в нее консулов, тогда как никакого консулата в качестве особой должности римская политическая система к этому времени еще не знала²⁷². Поддерживая теорию об ординарной диктатуре как единственной высшей магистратуре первой фазы Республики, Д. Флах гиперкритически относится к сведениям античной традиции, выплескивая с водой (в данном случае употреблением Ливием термина «консул») и ребенка (суть информации источника). Мы полагаем, что перед децемвиратом высшая ординарная магистратура, будучи двухместной, называлась претурой (*Liv.* III. 55.11-12; *Cic.* *Orat.* XX. 165; *Plin.* *NH.* XLIII. 3. 12; *Fest.* P. 249; *Gell.* N. A. VI. 8. 3; *Zonar.* VII. 19. 1), а в консулат с равной коллегиальностью она была преобразована после децемвирата и второй сецессии плебеев. Ливий же использовал более позднее ее название применительно к раннему времени, хотя и был осведомлен о том, что до середины V в. до н. э. высшие магистраты назывались преторами (*Liv.* III. 55. 12). Поэтому, повторяя вслед за римским историком термин «консулы» мы понимаем под ними первона-

²⁶⁹ *Mommsen Th.* Die Römische Chronologie... S. 91-92.

²⁷⁰ *Herzog E.* Op. cit. S. 177.

²⁷¹ *Suppleuere ceteri numerum.* Graves quoque aetate electos novissimis suffragiis ferunt, quo minus ferociter aliorum scitis adversarentur. – «Остальные заполнили надлежащее число мест. При самом последнем голосовании выбирали только стариков, которые бы менее дерзко выступали против решений других.»

²⁷² *Flach D.* Die Gesetze... S. 106.

чальных преторов и не испытываем недоверия на этом основании к сообщаемым им сведениям о составе децемвирата. Итак, Ливий говорит об избрании, причем неоднократно, членов первой коллегии десяти мужей. В ряде других мест Ливий использует для характеристики наделения полномочиями первых децемвиров глагол *creare* (*Liv.* III. 32. 6; XXXIV. 6. 8), который по отношению к римским должностным лицам обычно означает «избирать».

Именно этот термин *creare* употребляет также и Цицерон применительно к ситуации прихода к власти децемвиров (*atque ut xviri... crearentur* – *Cic. De rep.* II. XXXVI. 61). Его же используют Тацит (*creatique decemviri* – *Tac. Ann.* III. 27), Авл Геллий (*decemviro legibus scribundis creatos* – *Gell. N. A.* XVII. 21. 15) и Аврелий Виктор (*decemviro legibus scribendis creavit* – *Aurel. Vict. De vir. ill.* XXI. 1). Сохраняют традицию описания появления децемвиров как высших магистратов через этот глагол поздние латинские авторы Исидор и Иероним. У того и другого находим устойчивое сочетание *decemviri creati* (*Isid. Orig.* VI. 1. 34; *Euseb. Chron.* 194 F). Точности ради следует сказать, что латинский глагол *creare* может здесь быть переведен в значении «учреждать», т. е. не исключено, что он фиксирует в названных фрагментах, в первую очередь, сам факт введения магистратуры в конституционное устройство, а не собственно порядок прихода к власти магистратов. Однако важный смысловой пласт в понимании этого термина – «избирать» – заставляет нас думать, что и в тех случаях, где возможен или даже предпочтителен вариант перевода как «создать», «учредить», речь должна идти об учреждении именно путем избрания. Поэтому мы, нередко переводя *creare* как «учредить», видим и этот оттенок, а, следовательно, считаем, что в него вкладывалось содержание «создать посредством избирательной процедуры». Однозначно понимаются нами как избрание децемвиров слова Луция Аннея Флора, который применяет при указании на получение ими полномочий глагол *legere* (*decem principes lecti* – *Flor. Epit.* I. 17. 24), имеющий одним из значений, и единственно возможным здесь, «избирать».

Диодор использует выражение *δέκα ἄνδρες κατεστάθησαν νομοῦργοι* (*Diod.* XII. 23. 1), опять-таки с аналогичным латинскому *creare* глаголом греческого языка, имеющим в подобном контексте смысловую нагрузку «избирать» или «учредить через избрание» *καθίστημι*. Дионисий Галикарнасский, отмечая предложение о формировании коллегии децемвиров, применяет глагол *αἰρέω* – с единственным здесь смыслом «избрать» (*ἄνδρας αἰρεθῆναι δέκα* – *Dionys.* X. 55. 4). Говоря непосредственно о наделении децемвиров властными пол-

номочиями, Дионисий прямо употребляет глагол $\psi\phi\phi\omicron\rho\omicron\rho\epsilon\omega$ (подавать голоса) – $\tau\omicron\upsilon\varsigma \nu\omicron\mu\omicron\theta\epsilon\tau\alpha\varsigma \psi\phi\phi\omicron\rho\omicron\rho\epsilon\iota\nu$ (*Dionys.* X. 56. 2). Так же как и Ливий, Дионисий последовательно «группирует» участников первой коллегии децемвиров, создавая впечатление о поэтапном их вхождении в нее; во всяком случае, он отделяет избрание консулов Аппия Клавдия и Тита Генуция на центуриатных комициях²⁷³ от последующего заполнения коллегии консулом предыдущего года, участниками афинского посольства и остальными лицами. Иоанн Зонара сохраняет представление о «добавлении» восьми мужей к тем, кому власть была предоставлена первым, – Аппию Клавдию и Титу Генуцию (называя в числе этих восьми также Сестия и трех послов без упоминания их имен), но вручение властных полномочий членам коллегии характеризует через широкое понятие «быть провозглашенными (объявленными)»²⁷⁴ Хотя естественно понять это как торжественное провозглашение на комициях (ренунциацию), все же это косвенное свидетельство об участии народного собрания в получении высшей власти децемвирами. Прямо и однозначно об участии народа в процедуре наделения властью децемвиров говорит Иоанн Лид, – $\delta\epsilon\kappa\alpha \pi\rho\omicron\epsilon\beta\acute{\alpha}\lambda\epsilon\tau\omicron \acute{o} \delta\eta\mu\omicron\varsigma \acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\alpha}\varsigma$ (*Ioan. Lyd.* De mag. I. 34).

Таким образом, анализ сведений источников позволяет сделать вывод о том, что механизм прихода к власти первой коллегии децемвиров включал главным составным элементом процедуру избрания на комициях (со всей очевидностью, на центуриатных), но избрание это не было, скорее всего, единовременным актом. Нам представляется наиболее вероятным, что к ренунцированным ранее консулам-десигнатам до начала их административного года были «доизбраны» еще восемь человек (одновременно или в несколько приемов). При этом проведены были именно выборы восьми высших магистратов, составивших вместе с консулами-десигнатами десятиместную коллегию, а не кооптация первых вторыми. Мы не находим серьезных оснований для поддержки гипотезы о кооптации, усматривая в совокупности донесенных до нас античной традицией свидетельств явно прослеживающееся голосование народа по всему персональному составу первой коллегии децемвиров.

²⁷³ *Dionys.* X. 56. 2: $\acute{\epsilon}\delta\epsilon\iota \pi\rho\acute{\omega}\tau\omicron\upsilon\varsigma \epsilon\iota\lambda\epsilon\tau\omicron \tau\omicron\omega\nu \acute{\alpha}\lambda\lambda\omega\nu \kappa\alpha\iota \acute{\alpha}\pi\epsilon\delta\epsilon\iota\chi\theta\eta\sigma\alpha\nu \acute{\epsilon}\nu \acute{\alpha}\rho\chi\alpha\iota\rho\epsilon\sigma\iota\alpha\varsigma \acute{\upsilon}\pi\omicron \tau\eta\varsigma \lambda\omicron\chi\acute{\iota}\tau\iota\delta\omicron\varsigma \acute{\epsilon}\kappa\kappa\lambda\eta\sigma\iota\alpha\varsigma$ Ἀππίος μὲν Κλαύδιος καὶ Τίτος Γενύκιος...

²⁷⁴ *Zon.* VII. 18: $\kappa\alpha\iota \acute{\alpha}\nu\delta\rho\alpha\varsigma \omicron\kappa\tau\omega \acute{\epsilon}\kappa \tau\omicron\omega\nu \pi\rho\acute{\omega}\tau\omicron\omega\nu \acute{\alpha}\nu\theta\epsilon\iota\lambda\omicron\nu\tau\omicron, \kappa\alpha\iota$ Ἀππίον Κλαύδιον Τίτον τε Γενούκιον ἀπέδειξαν...

Рассмотрим теперь, каким образом первая коллегия децемвиров сложила свои полномочия, кому и посредством каких политико-правовых процедур она их уступила. Большинство античных авторов, повествующих о децемвирате, отмечают две последовательно сменявшие друг друга коллегии данных магистратов. Но прежде чем мы проанализируем их информацию об этом, отметим имеющуюся в историографии двух последних веков устойчивую тенденцию непризнания самого факта существования второй коллегии децемвиров. Б. В. Никольский на волне гиперкритики античной традиции конца XIX в. полагал, что двукратное избрание децемвиров возникло только в предании о них, исторически же оно не существовало²⁷⁵. На его взгляд, единственная коллегия децемвиров была избрана не на годичный магистратский срок, а на период порученного им дела, «с дискреционной продолжительностью доверенных им должностей»²⁷⁶. Из бессрочности полномочий, по мнению Б. В. Никольского, и появилось «у догадливых историков» представление об узурпации власти, о двух коллегиях, о различном их составе. Подобный же вывод, что «удвоение децемвирата есть фальсификация» делал Ойген Тойблер²⁷⁷, исследовательский авторитет которого (особенно в немецкой историографии), по-видимому, в первую очередь, и способствовал устойчивости этого представления в специальной литературе. Его, например, придерживались такие видные специалисты, как Роберт Вернер и Альфред Хойс. Р. Вернер считал, что второй децемвират, являясь в античной традиции частью «легенды о Вергинии», служил «хронологическим манипуляциям»²⁷⁸. А. Хойс называл второй децемвират «мнимым», изобретенным в традиции для мотивировки последовавших затем событий²⁷⁹. Высказывал сомнения в историчности второй коллегии децемвиров Р. М. Огилви, но его скептическое восприятие относилось в первую очередь к сведениям о составе этой коллегии (имена ее членов он считал сфабрированными)²⁸⁰.

Вопреки исследовательским гипотезам, наши основные информаторы, – Ливий, Цицерон, Диодор, Дионисий Галикарнасский вполне определенно повествуют о двух коллегиях децемвиров. Присоединяются к ним Евтропий, Макробий, Зонара. Фиксируют вторую коллегию кон-

²⁷⁵ Никольский Б. В. Указ. соч. С. 19–20.

²⁷⁶ Там же. С. 19.

²⁷⁷ Täubler E. Untersuchungen... S. 18.

²⁷⁸ Werner R. Op. cit. S. 282.

²⁷⁹ Heuß A. Gedanken und Vermutungen zur frühen römischen Regierungsgewalt // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. 1982. № 10. S. 395.

²⁸⁰ Ogilvie R. M. Op. cit. P. 453.

сульские фасты (CIL. Vol. 1. P. 16). Не отмечают ее сообщающие о децемвирате Помпоний, Тацит, Флор, Аврелий Виктор. Вместе с тем, их умолчание не означает отрицания второй коллегии (никто из них не пишет, что была всего одна комиссия десяти), просто они обобщенно говорят о децемвирах как составителях законов XII таблиц. Те римские и греческие авторы, которые констатируют наличие двух призывов децемвиров, в основном мотивируют необходимость избрания десяти мужей второго года потребностью завершить запись законов, добавить к составленным первой коллегией десяти таблицам еще две (*Liv.* III. 34. 7; *Cic. De rep.* II. XXXVI. 61; *Dionys.* X. 57; *Zonar.* VII. 18; *Macrob.* Sat. I. 13. 21). Несколько отличается информация Диодора, в соответствии с которой две последние таблицы были не результатом деятельности децемвиров, а вкладом консулов следующего за вторым децемвиратом года – Марка Горация и Луция Валерия (*Diod.* XII. 26. 1), но тем не менее, и из лаконичного сообщения Диодора можно понять, что избрание вторых децемвиров было обусловлено необходимостью продолжения законодательной работы (*Diod.* XII. 24).

В том, что вторые децемвиры были наделены полномочиями высшей исполнительной власти через избрание на комициях, сомнений античные авторы у нас не оставляют. Причем они излагают обстоятельства прихода второй комиссии к власти как законное проведение выборов в положенный срок под председательством действовавшего высшего магистрата. Цицерон отмечает: *in annum posterum decemviros alios subrogaverunt* («на следующий год они избрали посредством народа других децемвиров» – *Cic. De rep.* II. XXXVI. 61). Весьма подробно освещает события, связанные с выборами второй коллегии десяти законодателей, Тит Ливий. Указывая, что именно ожидание завершения законодательства вызвало к политической жизни вторую коллегию, он прямо пишет об избрании ее на комициях: *ea exspectatio, cum dies comitiorum adpropinquaret, desiderium decemuiros iterum creandi fecit* («это ожидание, когда день комиций приближался, создало потребность во второй раз избрать децемвиров» – *Liv.* III. 34. 7). Далее Ливий детально описывает предвыборную агитацию, прежде всего Аппия Клавдия (*Liv.* III. 35. 1-7), и председательствование его на избирательных комициях (*Liv.* III. 35. 8-9). В поручении со стороны коллег руководить выборными собраниями «хитрость была в том, что он не мог бы избрать себя самого» (*ars haec erat, ne semet ipse creare posset* – *Liv.* III. 35. 8). Но, вопреки политической практике, Аппий Клавдий явил первый пример «саморенунциации» при выборах высших магистратов (*Liv.* III. 35. 10), до этого, по за-

мечанию Ливия, подобное имело место только при избрании плебейских трибунов (*Liv.* III. 35. 8).

Таким образом, отступлений от правовых норм проведения избирательной кампании по выборам вторых децемвиров мы не усматриваем. Были соблюдены все ее элементы: своевременное назначение даты созыва избирательных комиций (*Liv.* III. 35. 1), активное соискательство должностей (*Liv.* III. 35. 1-6), руководство выборами высшим магистратом с империем. Нарушение было именно сложившейся практики не провозглашения председателем самого себя в качестве вновь избранного магистрата, но не правовым образом оформленного запрета (единичные отступления от этого правила будут и в дальнейшем). Что же касается манипуляций Клавдия в роли председателя комиций для обеспечения избрания угодных ему лиц, о чем также сообщает Ливий (*Liv.* III. 35. 9), то это было обычным делом и опять-таки не являлось отступлением от регламентированной правовым способом процедуры. Следовательно, конституционные основы комплектования высшей магистратуры при выборах второй коллегии децемвиров были выдержаны. При этом в отношении первой коллегии была выдержана норма, предписывавшая носителям высшей исполнительной власти обладать ей не более чем в течение года. Мы принципиально не согласны с Б. В. Никольским в его трактовке избрания единственной коллегии изначально «бессрочно», до выполнения поставленной задачи²⁸¹, в государственном механизме первого века Республики четко работал принцип, по которому законно быть носителем империя должностное лицо могло максимально год, затем непременно требовались новые выборы (пророгация империя появится лишь в последней трети IV в. до н. э., а наделение им на неопределенный срок только в период поздней Республики).

Если первые децемвиры сложили полномочия в положенный срок, то как обстояло дело с прекращением властных функций членами второй коллегии децемвиров? В соответствии с расчетами Т. Моммзена, вторые децемвиры вступили в должность на майские иды. При этом, по его подсчетам, шел уже 304 год от основания Рима, а не 303, как получается по Ливию; Т. Моммзен устанавливал это соответствие по консульским фастам, а дату начала административного года по срокам триумфов и сообщениям Ливия²⁸². Год их пребывания в должности, таким образом, истекал, по Т. Моммзену, к 14 мая 305 года от основания Рима, и именно в этот 305 год, как делал вывод немецкий ученый, произошла

²⁸¹ Никольский Б. В. Указ. соч. С. 19.

²⁸² Mommsen Th. Die Römische Chronologie... S. 91-92.

смена даты вступления в должность избранных магистратов, – ею стало 13 декабря²⁸³ Заметим, что С. Б. Оукли, комментируя Ливия, полагает, что перенос начала административного года на 13 декабря следует отнести только к 443 году; в годы децемвирата магистраты должны были приступать к исполнению обязанностей в майские иды²⁸⁴.

Согласно Т. Моммзену, задержка начала административного года была обусловлена именно нежеланием вторых децемвиров в срок сложить свои полномочия. Возможность такой задержки в должности он объяснял тем, что «магистратура, призванная экстраординарным образом к пересмотру государственных учреждений, не могла быть – по римскому государственному праву – связана назначенным ей сроком»²⁸⁵ Но тут же, явно противореча этому утверждению, он называл власть вторых децемвиров после истечения годовичного срока «незаконно присвоенной». На наш взгляд, представления Т. Моммзена о том, что чрезвычайные магистраты, имевшие целевым назначением политические преобразования, получали высшую власть не на оговоренное законом время, а до решения стоящей перед ними задачи, основывались на эпохе Суллы и Цезаря. Понимание же этого принципа как универсальной обобщенной нормы, действовавшей и в период ранней Республики абсолютно необоснованно; подобная неоправданная экстраполяция была характерна для Т. Моммзена и в ряде других случаев при объяснении государственного механизма (его концепция римского публичного права вообще базируется на историческом материале классической и поздней Республики и не всегда адекватна более раннему времени). Мы, таким образом, не можем согласиться с тезисом Т. Моммзена о «несвязанности» полномочий вторых децемвиров определенным сроком, но вполне поддерживаем вывод о незаконности нахождения у власти второй коллегии децемвиров по прошествии года.

Ливий ясно свидетельствует, что утверждение о правомерности сохранения децемвирами власти более годовичного срока, до тех пор, пока не будут приняты законы, принадлежало им самим как политическая уловка. (*Liv.* III. 51. 13)²⁸⁶ Неспроста от Аппия Клавдия, как председательствовавшего на выборах второй коллегии децемвиров, требовали

²⁸³ Mommsen Th. Die Römische Chronologie... S. 91-92.

²⁸⁴ Oakley S. B. A Commentary on Livy. Books VI-X. Vol. 2. Oxford, 1998. P. 612-613.

²⁸⁵ Моммзен Т. История Рима... Т. 1. С. 233.

²⁸⁶ Decemviri querentes se in ordinem cogi, non ante quam perlatis legibus quarum causa creati essent deposituros imperium se aiebant. – «Децемвиры возражали, что сложат с себя власть и перейдут в разряд частных граждан не раньше, чем будут приняты законы, ради которых они и были избраны.» (Пер. Г. Ч. Гусейнова.)

отчета, действительно ли ее избирали до принятия недостающих законов, или все-таки на обычный магистратский год (*Liv.* III. 40. 12)²⁸⁷ Не исключено, конечно, что Ливий «домыслил» такую мотивировку, которой децемвиры якобы оправдывали свою самовольную задержку в должности; римский историк мог исходить из имевшихся прецедентов вручения бессрочных чрезвычайных полномочий в более близкие ему времена поздней Республики. Но в любом случае, вторых децемвиров не избирали на неопределенный срок, — они либо пытались выдать желаемое за действительное, либо Ливию, опиравшемуся в своих представлениях на политические реалии иного времени, было естественнее именно так объяснить их позицию.

Античные авторы ярко рисуют картину событий последнего отрезка правления коллегии десяти человек; устойчивыми элементами описания при этом являются произвол децемвиров, недостойное поведение Аппия Клавдия и история о Вергинии (*Liv.* III. 36, 37; 44–48; *Cic. De rep.* XXXVII. 63; *Diod.* XII. 24; *Flor. Epit.* I. 17. 24.; *Val. Max.* VI. I. 2; *Eutrop.* I. 18; *Aurel. Vict. De vir. ill.* XXI. 2–4; *Oros. Adv. pag.* II. XIII. 1–2; *Ioan. Lyd.* I. 34). Однако эти события те древние писатели, которые отмечают наличие двух коллегий децемвиров, относят либо ко времени после завершения второго года децемвирата, либо еще ко второму году. Первая версия представлена у Цицерона и Ливия, вторая — у Диодора (обе они имеют приверженцев и в позднеантичной историографии). Цицерон пишет: «Последовал третий год децемвиров; остались те же, предпочитавшие не избирать других на свое место» (*Cic. De rep.* II. XXXVII. 62)²⁸⁸. Ливий акцентирует внимание на том, что майские иды прошли, а децемвиры не были никем замещены (*Liv.* III. 38. 1)²⁸⁹ У Диодора обозначены два полных года децемвирата, к которым непо-

²⁸⁷ ...et iam nunc ita se parare Ap. Claudium ut comitiorum quae decemviris creandis decemvirum ipse habuerit sciat sibi rationem reddendam esse utrum in unum annum creati sint, an donec leges quae deessent perferrentur. — «...однако именно теперь Ап. Клавдий должен быть готовым к тому, чтобы как руководивший комициями, на которых были избраны децемвиры, дать отчет, действительно ли децемвиры были избраны на один год, или же до тех пор, пока не будут проведены составленные ими законы.»

²⁸⁸ Tertius est annus xvralis consecutus, cum iidem essent nec alios subrogare voluissent.

²⁸⁹ Idus Maiæ venere. nullis subrogatis magistratibus, privati pro decemviris, neque animis ad imperium inhibendum imminutis neque ad speciem honoris insignibus prodeunt. — «Настали иды мая. Никто не был избран магистратами вместо них; в качестве децемвиров были частные лица, но однако они не только самоуверенно, с нарушением правил, удерживали империй, но и выставляли для вида инсигнии почетной должности.»

средственно примыкает консульский год, и ни о каком временном «зазоре» между ними не говорится (*Diod.* XII. 24-26). Герхард Перль, стремясь объяснить данную информацию Диодора, предположил наличие в его первоисточниках упоминаний о двухгодичном правлении вторых децемвиров, но греческий писатель эти сведения опустил²⁹⁰, нечаянно не присчитав третий год потому, что не вступили в должность новые магистраты²⁹¹.

Иногда в литературе можно встретить утверждение, что версия Диодора ровно о годичном, но не более того времени нахождения у власти вторых децемвиров находит подтверждение в консульских фастах²⁹². Однако Капитолийские фасты, фиксируя вторую коллегию децемвиров под 304 г. от основания Рима²⁹³, не доносят до нас информации о высших магистратах следующего года из-за утраты фрагмента текста. Но даже если в них вторые децемвиры действительно значились только под одним годом, это ничего не доказывает, так как третий год децемвирата явно был меньше календарного (и составители фаст имели полное право связать его с новыми должностными лицами, законно сменившими децемвиров).

Поскольку римские авторы видят в сохранении децемвирами полномочий по истечении второго года децемвирата принципиальный момент, мы склонны опираться на их представление, ибо для греческого писателя тонкости римских процедур, связанных с обладанием империей (в греческой политической организации не имевшем аналога) всегда были не важны, и он не придавал им особого значения.

Итак, взяв за основу версию Цицерона и Ливия о том, что после окончания второго года децемвирата не произошла смена носителей высшей власти (т. е. заблаговременно не были проведены избирательные комиции с последующим вручением империя новым лицам, их присягой и вступлением в должность), определим статус членов второй коллегии децемвиров после майских ид 304 года от основания Рима (по хронологии Ливия). В тексте Ливия явно бросается в глаза многократное повторение слов о том, что в этот период децемвиры стали частными лицами – *privati* (*Liv.* III. 38. 1; 38. 10; 38. 13; 40. 6; 40. 7; 41. 1; 41. 3). Но они не хотели это признать, сохраняя инсигнии высшей власти (*Liv.* III. 38. 1; *Flor. Epit.* I. 17. 24), на практике пытаясь осуществлять верховные полномочия управления общиной: созывали сенат (*Liv.* III.

²⁹⁰ *Perl G. Kritische Untersuchungen...* S. 116.

²⁹¹ *Ibid.* S. 147.

²⁹² *Werner R. Op. cit.* S. 280.

²⁹³ *CIL.* Vol. I. P. 16.

38. 6; 38. 13, проводили воинский набор (*Liv.* III. 41. 7), командовали войсками (*Liv.* III. 41. 8-10). Будучи действительно *de iure* частными лицами, децемвиры *de facto* действовали как магистраты с империем. Как отмечает Флор, «переданные им фаски с самодержавным неистовством удерживали» (*traditos fasces regio quodam furore retinebant* – *Flor. Erit.* I. 17. 24). Единственной правовой «защепкой» при этом являлось, на наш взгляд, лишь то, что они официально не совершили процедуру сложения полномочий, которая, хотя и была формальным актом, тем не менее входила в основной набор действий магистрата, регулировавших начало и конец исполнения должности. О том, что они действительно не объявили о своей отставке, совершенно определенно позволяет нам сделать вывод Ливий (*Liv.* III. 38. 1; 51. 13; 54. 5). Факт неизбрания новых магистратов не мог в их задержке играть решающую роль, ибо в таком случае просто должен был включиться механизм интеррегнума. То, что дело упиралось именно в отсутствие торжественного объявления о прекращении полномочий, подтверждает и развязка событий: только когда децемвиры на форуме публично совершили акт сложения должности (*decemviri prodeunt in contionem abdicantque se magistratu* – *Liv.* III. 54. 6), проведено было избрание новых магистратов.

Таким образом, вторая коллегия децемвиров самовольно продлила себе полномочия высшей исполнительной власти, не проведя своевременную положенную процедуру отставки, т. е. задержалась в должности незаконно. Поэтому следует вполне определенно говорить о попытке узурпации власти. Поскольку эта узурпация сопровождалась произволом, несправедливостью и жестокостью децемвиров по отношению к римским гражданам, в источниках, главным образом в тексте Дионисия, они иногда называются тиранами (*Dionys.* XI. 31. 4; 37. 6; 40. 6-8; 41. 3; *Oros. Adv. pag.* II. 13. 1-2). В свою очередь, по-видимому, это обстоятельство дало возможность некоторым историкам уподобить правление вторых децемвиров греческой эсимнетии²⁹⁴. Но эсимнетиия, – это, как показывают исследования, в частности Э. Д. Фролова²⁹⁵, – именно выборная тирания, «сознательное избрание народом социальных посредников для форсированного упорядочения гражданских дел»²⁹⁶. После того, как вторая коллегия децемвиров «перешагнула» годичный рубеж пребывания у власти, она перестала быть (по римским

²⁹⁴ *Ferenczy E.* Zur Verfassungsgeschichte... S. 149; *Чеканова Н. В.* Указ. соч. С. 28; и др.

²⁹⁵ *Фролов Э. Д.* Эсимнетиия – выборная тирания (к вопросу об институте социального посредничества в архаической Греции) // Проблемы античного источниковедения. Сб. науч. трудов. М., Л., 1986. С. 141-152.

²⁹⁶ Там же. С. 152.

конституционным нормам) избранной народом, и стала представлять собой отнюдь не выборную тиранию, которой народ сознательно доверил путем избрания решение важнейших государственных задач. Поэтому мы не усматриваем должных оснований для отождествления правления вторых децемвиров (избравшихся не как тираны) с греческой эсимнетией или уподобления его ей, считая, что оно не попадает под определение «выборная тирания».

Здесь же мы должны обратить внимание и на другую, имеющуюся в историографии, в том числе и отечественной²⁹⁷, трактовку тирании и узурпации власти со стороны децемвиров как вымысел античной традиции, опирающийся на легенду о Вергинии, предание о которой, в свою очередь, есть дубликат легенды о Лукреции (общий мотив – вопрос о целомудрии является поводом к крупному политическому и законодательному акту²⁹⁸). Тем не менее, как отмечено в монографии Марио Бретоне, и в легенде о Вергинии есть аутентичное ядро²⁹⁹, а главное, если мы отвергнем на основе легендарного характера сведений о Вергинии все сообщения античных авторов о конце правления децемвиров, то следует вообще отказаться от историко-правовой реконструкции магистратуры децемвиров и от признания историчным самого факта ее существования. Однако сложно отрицать реальность законов XII таблиц и не менее сложно не признавать их связь с деятельностью децемвиров (хотя такие попытки имеются, но они выглядят недоказательно, – см. третий параграф второй главы). Поэтому мы не можем встать на точку зрения, отвергающую достоверность всей информации античной традиции об узурпации власти децемвирами.

Итак, проведенный анализ убеждает нас в том, что вторая коллегия децемвиров нелегитимно находилась у власти по истечении годичного срока полномочий. Именно так расценивали это и сами римские граждане, – в общественном мнении децемвиры стали рассматриваться как внеконституционный орган (*Liv.* III. 38. 1-2), а их сверхсрочное пребывание у власти как нечестивый сговор коллег – *foederis nefarie icti cum collegis* (*Liv.* III. 40. 2). Поэтому перед коллективом римской общины встала задача ликвидации правления децемвиров. Методы воздействия на обладателей «мнимых фасок» – *imaginariis fascibus* (*Liv.* III. 41. 1) включали в себя позицию сената как важного государственного органа (*Liv.* III. 39. 1; 61. 11-12), активность отдельных политиков, проявивших гражданское мужество (*Liv.* III. 39. 1-10; 40. 1-4; 41. 1), и, на-

²⁹⁷ Герье В. И. История Рима... С. 12-132.

²⁹⁸ Там же. С. 129.

²⁹⁹ Bretone M. Geschichte... S. 59.

конец, массовый уход плебеев на Священную гору (*Liv.* III. 52. 1-4). Вторая сецессия представлена в источниках именно как направленная против незаконной власти децемвиров. Так ее понимает не только Ливий, но и Цицерон (*Cic. De Rep.* II. XXXVII. 63). Луций Ампелий прямо подчеркивает, что она произошла по причине самовластия децемвиров – *secunda (secessio) propter impotentiam decemvirum* (*Ampel.* XXV. 2). У Диодора, Саллюстия, Флора, Аврелия Виктора, Помпония, Феста и Орозия речь идет о занятии плебеями Авентина (*Diod.* XII. 24-25; *Sallust. Iug.* XXXI. 17; *Flor. Epit.* I. 17. 24; *Aurel. Vict. De vir. ill.* XXI. 3; *Dig.* I. 2. 2. 21; *Fest.* 422 L; *Oros. Adv. pag.* II. 13. 1-2), но суть событий отражена и у этих авторов как массовый протест против правления децемвиров. Независимо от того, куда территориально помещают античные авторы демонстрацию плебеями своего несогласия с режимом вторых децемвиров (у Ливия в качестве места назван и Авентинский холм, и Священная гора – *Liv.* III. 50. 13; 52. 2, что позволяет не противопоставлять сведения источников), они единодушны в оценке этих действий как имевших целью ликвидацию децемвирата. Поэтому мы не можем согласиться с точкой зрения Вильгельма Зольтау, что сецессия была предпринята не против децемвиров, но только на защиту законов XII таблиц³⁰⁰. Не разделяем мы в полной мере и исследовательскую позицию по данному вопросу В. Н. Токмакова, в соответствии с которой сецессия произошла уже после падения децемвиров и направлена была прежде всего против возможной узурпации власти сенатской аристократией³⁰¹. Хотя мы согласны с тем, что знатные патрицианские роды не хотели мириться с появлением в высшей магистратуре плебейских представителей и стремились вернуть себе монополию на исполнительную власть, все же полагаем, что серьезное недовольство децемвирами имелось и со стороны плебса. Мы допускаем, что хронологически сецессия могла произойти и после падения децемвиров как протест против нестабильной политической ситуации вообще, в которой ни децемвиры-узурпаторы, ни сенатская аристократия не устраивали массы народа, лишавшегося в ней перспектив правового воздействия на власть. Однако мы более склоняемся к отнесению протеста плебейских масс к периоду незаконного нахождения у власти вторых децемвиров (ибо это выглядит более логичным) и признанию сведений традиции об этом достоверными. Мы не оспариваем точку зрения О. В. Сидорович в той части, что руководили свержением децемвиров армейские коман-

³⁰⁰ Soltau W. Der Dezemvirat... S. 14.

³⁰¹ Токмаков В. Н. Луций Сикций Дентат... С. 162- 168.

диры, представлявшие патрицианские роды и правившие римской общиной первые пятьдесят лет Республики³⁰², но не думаем, что только от них исходила инициатива устранения децемвиров и только они имели основание активно протестовать против их режима. В обобщающих работах последних лет намечается возвращение к трактовке падения децемвирата в соответствии с античной традицией. Так, Эндрю Линтотт констатирует, что вторая коллегия децемвиров была свергнута армией посредством второй сецессии³⁰³.

В. Зольтау считал, что противниками децемвиров были лишь патрицианские *gentes* под руководством *pontifex maximus*, которые и оклеветали вторых децемвиров³⁰⁴. Такая исследовательская позиция не подтверждается нарративными источниками, которые отнюдь не только в тенденциозном виде непосредственно дают расклад политических сил и интересов при свержении децемвиров, но и косвенным образом свидетельствуют о реальных стремлениях плебеев переломить сложившееся далеко не в их пользу положение. Точка зрения, подобная мнению В. Зольтау, может опираться только на отрицание содержащейся в источниках конкретной информации, а следовательно, не разделяется нами. На наш взгляд, плебеев не устраивал возврат к правлению старой сенатской аристократии, но еще более их не устраивало нарушение государственно-правовых основ осуществления власти в общине, которое вообще закрывало им легитимный путь борьбы за свои права.

Итак, мы полагаем, что под давлением всего гражданского коллектива, сената, патрицианских и плебейских лидеров децемвиры были принуждены сложить с себя полномочия. Не видя иного выхода из создавшейся ситуации, они подчинились постановлению сената и при стечении и ликовании народа официально объявили о своей отставке (*Liv.* III. 54. 6), исполнив, тем самым, недостающую процедуру прекращения должностных обязанностей.

Судьба вторых децемвиров, изменивших гражданской общине и государственным устоям, была плачевной. Против них было возбуждено судебное дело, главным ответчиком в ходе которого был определен Аппий Клавдий (*Liv.* III. 56. 1). Причем, судя по описанию Ливия, несмываемым пятном род Клавдиев покрыло бы заключение руководителя децемвиров в тюрьму, поэтому Гай Клавдий, дядя Аппия, просил о помиловании для своего родственника (*Liv.* III. 58. 1-3). На то, что по-

³⁰² Сидорович О. В. Некоторые аспекты.... С. 75-77; она же. Теория смешанной конституции... С. 47-52.

³⁰³ Lintott A. The Constitution of the Roman Republic. Oxford, 1999. P. 35.

³⁰⁴ Soltau W. Der Dezemvirat... S. 17.

зором для рода в римском сознании было именно нахождение его представителя в тюрьме, обратила внимание Катарина Мустакаллио³⁰⁵. Это наблюдение объясняет версию Ливия, по которой Аппий Клавдий, не дождавшись суда, покончил собой. По изложению Дионисия, он был все же убит в тюрьме (*Dionys.* XI. 46. 3). Если доверять Ливию, то в темнице наложил на себя руки Спурий Оптий, а остальные децемвиры были отправлены в изгнание, их имущество было конфисковано в пользу государственной казны (*Liv.* III. 58. 9).

Гораздо больший интерес, чем судьбы отдельных децемвинов, представляет в плане изучаемой темы политическая судьба магистратуры десяти мужей после отставки их второй коллегии. Завершилась ли ее конституционная жизнь, и в чем следует усмотреть государственно-правовые изменения после ухода децемвинов второго призыва с политической сцены? Мы считаем необходимым заострить внимание на этих вопросах, поскольку первый из них (имеющий, на наш взгляд, принципиальное значение) даже не формулируется сколько-нибудь четко в историографии, а ответ на второй сводится, в основном, к тому, что были восстановлены прежние политические отношения³⁰⁶, старая конституция³⁰⁷. Но что значит реставрация «старой конституции»? О. Карлова полагал, что с отставкой децемвинов снова вступила в силу временно приостановленная консульская конституция³⁰⁸. Конечно, если исходить из того, что децемвират был введен в роли ординарной магистратуры, совместившей в себе консулат и плебейский трибунал, следует говорить именно о возврате к прежнему устройству после абдикации второй коллегии децемвинов. Если же понимать возникновение децемвирата как введение новой чрезвычайной магистратуры, не отменившей высшую ординарную должность, а только временно (как и всякая экстраординарная власть) приостановившей ее деятельность, то ни о какой реставрации предшествовавшей конституции – раз не было ее отмены – рассуждать не приходится. На наш взгляд, децемвират появился как структура чрезвычайной власти, он при своем возникновении не разрушил органы ординарного управления, но, будучи элементом системы исполнительной власти в целом, дополнил государственную организацию римской общины. Другое дело, что после ухода децемвинов высшая ординарная магистратура – первоначальная претора – была реорганизована в консулат с равной коллегиальностью (о чем, как мы уже отмечали, сообщают многие древние

³⁰⁵ Mustakallio K. Op. cit. P. 67–68.

³⁰⁶ Heuß A. Ciceros Theorie... S. 223.

³⁰⁷ Cornell T. J. Op. cit. P. 273.

³⁰⁸ Karlowa O. Op. cit. S. 104.

авторы), а законы Валерия и Горация способствовали укреплению государственно-правовых основ римской полисной организации. Но это уже опосредованное влияние опыта применения экстраординарной должности на процесс совершенствования ординарной исполнительной власти.

Означала ли отставка вторых децемвиров ликвидацию децемвирата как магистратуры? Само по себе прекращение должностных полномочий и даже осуждение деятельности конкретных лиц, разумеется, не могут являться показателем упразднения властного органа. Для ликвидации магистратуры, введенной, как мы видели, в конституционное устройство на основе особого закона, требовалось также принятие закона на комициях. Никаких же следов специального закона об упразднении магистратуры децемвиров в V в. до н. э. источники не содержат. Lex Valeria Horatia о запрете избрания должностных лиц, на которых бы не распространялось право провокации, не может рассматриваться в таком качестве. Он не имел универсального действия, поскольку и после его принятия, например, диктаторы как чрезвычайные должностные лица не были им ограничены. Отсутствие упоминаний о законе, отменившем коллегия десяти как государственную структуру, наводит нас на мысль о том, что конституционная жизнь децемвирата с абдикацией вторых децемвиров не прекратилась. Вероятнее всего, община могла к ней прибегнуть в случае необходимости (например, если бы возникла потребность в составлении нового свода законов), но обстоятельства сложились так, что в политической практике она оказалась в дальнейшем невостребованной. О неудачной попытке возродить магистратуру децемвиров в I в. до н. э. сообщает Плутарх в биографии Цицерона, подчеркивая, что плебейские трибуны предлагали законы об избрании децемвиров с чрезвычайными полномочиями (νόμους εἰσηγόν οἱ δῆμαρχοι... δεκάδαρχίαν καθιστάντες ἀνδρῶν αὐτοκρατόρων – *Plut. Cic. XII*). Поскольку в изложении Плутарха для учреждения децемвиров в период поздней Республики требовалось принятие закона, то, если доверять познаниям греческого автора в области римской политической системы, получается все же, что когда-то, задолго или незадолго до времен Цицерона, магистратура децемвиров была законодательно упразднена. Однако, по нашему мнению, если это и осуществилось, то не ранее реорганизации исполнительной власти по реформе Лициния-Секстия. Непосредственно же после отставки второй коллегии децемвиров ликвидации децемвирата как магистратуры, введенной в конституционное устройство в качестве особой структуры системы чрезвычайной власти (за два с половиной – три года до того), на наш взгляд, не произошло.

Глава II

ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ВЫСШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

2.1. Состав коллегий децемвиров

При изучении децемвирата, в отличие от хронологически близкой к нему магистратуры консульских трибунов, не стоит вопрос о численном составе коллегий. Само название *decemviri* говорит само за себя, поэтому основная проблема при изучении состава децемвирата – выяснение сословного представительства в нем. Этот вопрос многократно поднимался в специальной литературе, как это видно из историографического обзора, предваряющего наше исследование. Пути и варианты его решения представлены весьма разнообразно, поэтому сохраняется дискуссионный характер его обсуждения. Очевидно, что выводы об участии представителей сословий в децемвирате и их количественных пропорциях можно сделать только на основе анализа персонального состава, который может быть определен по спискам или отдельным именам децемвиров, приводимым источниками. Состав двух коллегий децемвиров отражен в консульских фастах; перечисление всех их членов или фрагментарные упоминания некоторых из них содержатся также в сочинениях свыше десятка древних авторов. Тем не менее, при достаточности свидетельств античной традиции проблема реконструкции состава обеих коллегий перед исследователями со всей очевидностью встает, ибо показания источников расходятся как в родовых, так и личных именах. Воссоздание же списка двух коллегий десяти мужей представляет для историков естественный интерес прежде всего по названной выше причине. Поэтому проанализируем информацию источников об избранных в магистратуру *decemviri legibus scribundis* лицах, поочередно представив ее для первого и второго децемвирата.

Первая коллегия децемвиров формировалась, как мы отметили в предыдущей главе, путем включения в нее консулов-десигнатов 451 г. до н. э. (повторим, что точнее, на наш взгляд, называть этих магистратов преторами, но сохраняем термин античной традиции), консула предыдущего года, защищавшего идею введения новой магистратуры, трех членов афинского посольства и четырех человек, избранных для заполнения необходимого числа вакансий (*Liv.* III. 33. 3-5; *Liv.* III. 56. 9; *Dionys.* X. 55, 56; *Zon.* VII. 18). Капитолийские фасты дают нам такой список: Ap. Claudius Crassus Inrigilensis Sabinus, T. Genucius Augurinus,

88 II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Sp. Veturius Crassus Cicurinus, C. Iulius Iulus, A. Manlius Vulso, Ser. Sulpicius Camerinus, P. Sestius Capitol. Vaticanus, P. Curiatius Fistus Trigeminus, T. Romilius Rocus Vaticanus, Sp. Postumius Albus Regillensis (CIL. Vol. 1. P. 16). Перечень Ливия не содержит ни одного когномена, отличается двумя личными именами (Ветурия и Сульпиция), но не расходится ни в одном родовом имени и, в целом, выглядит так: decemviri creati Ap. Claudius, T. Genucius, P. Sestius, L. Veturius, C. Iulius, A. Manlius, P. Sulpicius, P. Curiatius, T. Romilius, Sp. Postumius (Liv. III. 33. 3).

Называя пару консулов-десигнатов, капитолийские фасты, Ливий, Дионисий и Зонара приводят имя Аппия Клавдия (CIL. Vol. 1. P. 16; Liv. III. 33. 3; *Dionys.* X. 56; *Zon.* VII. 18). Однако Диодор, говоря о первой коллегии десяти законодателей и отметив, что «в Риме были учреждены десять мужей законодателей» – ἐν δὲ τῇ Ῥώμῃ δέκα ἄνδρες κατεστάθησαν νομογράφοι, так перечисляет их имена: Πόπλιος Κλώδιος Ῥηγιλλανός, Τίτος Μινύκιος, Σπόριος Οὐετούριος, Γάιος Ἰούλιος, [Γάιος] Σουλπίκιος, Πόπλιος Σήστιος, Ῥωμόλος, Σπόριος Ποστούμιος Καλβίνιος (*Diod.* XII. 23). У Диодора Аппий Клавдий в этом перечислении не назван (его имя во втором децемвирате Диодор воспроизводит как Ἄππιος Κλώδιος – *Diod.* XII. 24), но отмечен первым некто Публий Клавдий Регилльский. Со второй фигурой в консульской паре 451 г. до н. э. дело обстоит еще сложнее. Так же как консульские фасты и Ливий в процитированных отрывках, Дионисий Галикарнасский называет имя Тита Генуция – Ἄππιος μὲν Κλαύδιος καὶ Τίτος Γενούκιος – (*Dionys.* X. 56). Сохраняется этот вариант и в тексте Иоанна Зонары (*Zon.* VII. 18)³⁰⁹ Но у Диодора, как видно из приведенной выше цитаты, вместо Тита Генуция упоминается Тит Минуций (*Diod.* XII. 23).

Имя консула предшествовавшего децемвирату года, избранного в первую коллегию десяти, – Публий Сестий – называют, как явствует из приведенных фрагментов, консульские фасты, Ливий, Диодор, а также Дионисий: Πόπλιος δὲ Σήστιος ὁ τὸν ἐνιαυτὸν ἐκείνον ὑπατεύων – «Публий Сестий, будучи консулом того года...» (*Dionys.* X. 56). Диодор при этом несколько ранее непротиворечиво называет консула 452 г. до н. э. Публием Сестием (*Diod.* XII. 22). Ливий уточняет, что чести быть избранным к коллегию десяти мужей Публий Сестий удостоился

³⁰⁹ ...καὶ Ἄππιον Κλαύδιον Τίτον τε Γενούκιον ἀπέδειξαν κατὰ τὸν ἐνιαυτὸν ἐκείνον στρατηγοὺς αὐτοκράτορας. ...и Аппия Клавдия и Тита Генуция объявили на тот год стратегами-автократорами.»

за поддержку предложения о создании децемвирата (*Liv.* III. 33. 4). Такое обоснование отсутствует у Дионисия Галикарнасского, несмотря на обстоятельность его информации. Несообразно со всеми перечисленными античными авторами Цицерон называет эту персону Луцием Сестием (*Cic. De rep.* II. XXXVI. 61).

Трое членов афинского посольства у Ливия названы Спурий Постумий Альб, Авл Манлий и Публий Сульпиций Камерин: *missi legati Athenas Sp. Postumius Albus, A. Manlius, P. Sulpicius Camerinus* (*Liv.* III. 31. 8). При этом указаны и прозвища Постумия и Сульпиция, которых нет в ливиевом полном списке участников децемвирата. В фастах Манлий и Постумий имеют те же, что и у Ливия, личные имена, а Постумий и тот же *cognomen* (Albus). Но Сульпиций, наделенный тем же когноменом Camerinus, имеет другой *praenomen* – Сервий. В соответствии с фастами, а не по Ливию, приводит имена трех децемвиров-послов Дионисий: *τρεῖς δὲ οἱ κομίσαντες παρὰ τῶν Ἑλλήνων τοὺς νόμους, Σπύριος Ποστόμιος καὶ Σερούιος Σουλπίκιος καὶ Αὔλος Μάλλιος* – «трое отправившихся за греческими законами, Спурий Постумий, Сервий Сульпиций и Авл Манлий...» (*Dionys.* X. 56). У Диодора нет Авла Манлия, есть Сульпиций с неясным личным именем, восстанавливаемым как Γάιος (Гай), и имеется сочетание Σπύριος Ποστόμιος Καλβίνιος, что иногда понимают как два родовых имени с личным при первом из них – Спурий Постумий и Кальвиний³¹⁰, а иногда – как одно, включающее *praenomen*, *poten* и *cognomen*, – Спурий Постумий Кальвин³¹¹. Но, по нашему мнению, в этой греческой передаче нетрудно усмотреть одного-единственного Спурия Постумия Альба (тем самым, следует считать, что у Диодора не девять имен в списке первых децемвиров, как полагает Н. В. Чеканова³¹², а только восемь). Все древние Постумии были *Albini*³¹³, а греческое написание римских имен часто искажало их путем добавления либо пропуска букв и слогов или их перестановки. То есть, мы находим у Диодора видоизмененное имя Спурий Постумий Альб. Спурий Постумий, Публий Сульпиций и Авл Марций (не Манлий) значатся в сочинении Иоанна Лида (*Ioan. Lyd. De mag.* I. 34)³¹⁴.

³¹⁰ Чеканова Н. В. Указ. соч. С. 25.

³¹¹ Täubler E. Untersuchungen... S. 85.

³¹² Чеканова Н. В. Указ. соч. С. 25..

³¹³ Täubler E. Untersuchungen... S. 85.

³¹⁴ αὐτοὶ δὲ στέλλουσιν (ἡ ἱστορία φησὶν) εἰς Ἀθήνας Σπύριον Ποστόμιον, Αὔλον Μάρκιον καὶ Πούπλιον Σουλπίκιον. – «Они снарядили, как гласит история, в Афины Спурия Постумия, Авла Марция, Публия Сульпиция.»

90 II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

В отношении четверых оставшихся децемвиров первой коллегии суммирование информации источников дает такую картину. Гай Юлий и Тит Ромилий упоминаются у Ливия, в фастах, в текстах Дионисия и Диодора. В воспроизведении их имен расхождений в свидетельствах античной традиции практически нет, за исключением того обстоятельства, что граепотен Ромилия у Диодора отсутствует. Для личного имени Ветурия приводятся три варианта: в фастах и у Диодора он назван Спурием, у Ливия – Луцием, а у Дионисия – Титом (Τίτος Ῥωμίλιος – *Dionys.* X. 56). Наконец, последний из этой четверки отмечен в источниках двумя разными родовыми именами. Ливий и фасты дают его потеп как Curiatius – Куриаций, добавляя одинаковый граепотен Публий, а Дионисий Галикарнасский – Πόπλιος Ὀράτιος, то есть Публий Гораций. У Диодора ни Гораций, ни Куриаций не упомянут.

Итак, аккумулировав сведения источников и выделив расхождения в них, попытаемся подвергнуть их анализу. На вопрос, почему вместо Аппия Клавдия в списке Диодора фигурирует Публий Клавдий Регилльский помогают нам дать ответ консульские фасты и Светоний. В фастах стоит агномен Инрегилльский, личное прозвище децемвира³¹⁵ Светоний децемвира Клавдия называет Регилльским, при этом опуская его личное имя (*Suet. Tib.* 2. 2)³¹⁶ Судя по рассказу Ливия, прозвище Регилльский носил Гай Клавдий (*Liv.* III. 58. 1), дядя децемвира (*Liv.* III. 35. 9), консул 460 г. до н. э. (*Liv.* III. 15. 1). Поскольку прозвище Регилльский было дано по месту рождения (Регилл)³¹⁷, то, соответственно, отец Аппия Клавдия-децемвира, будучи братом Гая Клавдия, происходил отсюда же, и прозвище относилось также и к нему, а следовательно, и к самому Аппию Клавдию (что подтверждается фастами). Эдуард Мейер отмечал, что трудно решить, является ли упоминание имени Πόπλιος Κλάδιος отражением древней традиции или ошибкой греческого историка³¹⁸. Поскольку ни один Публий Клавдий в середине V в. до н. э. среди государственных деятелей больше не прослеживается, мы склоняемся к тому, что в личном имени Клавдия Диодор допустил ошибку. Таким образом, подвергать сомнению имя децемвира «номер один», которое в боль-

³¹⁵ Маяк И. Л. Римляне ранней Республики... С. 73.

³¹⁶ Contra Claudius Regillianus, decemuir legibus scribendis...

³¹⁷ *Liv.* III. 58. 1: C. Claudius, qui perosus decemuirorum scelera et ante omnes fratris filii superbiae infestus Regillum, antiquam in patriam, se contulerat...

«Г. Клавдий, который сильно ненавидел децемвиров за их преступления и больше всех враждебно был настроен к племяннику из-за его высокомерия, отправился в Регилл, свою старинную родину...»

³¹⁸ Meyer Ed. Untersuchungen... S. 618.

шинстве имеющихся источников значится как Аппий Клавдий, серьезных оснований мы не находим. Поскольку Клавдии – известный патрицианский род, то проблем с определением сословной принадлежности лидера децемвиров не возникает.

Второй из консулов-десигнатов 451 г. до н. э., носивший по единому мнению античных авторов личное имя Тит, мог быть, как мы видели, из рода Генуциев или Минуциев. Поскольку и Генуции, и Минуции известны в V в. до н. э. как плебейские трибуны³¹⁹, то некоторые исследователи полагали, что, независимо от того, какое из имен признать достоверным, следует говорить, что под ним скрывается плебейский представитель в первом децемвирате. Роберт Вернер, отмечая, что источники об этом участнике децемвирата говорят как о плебее, будь он Генуций или Минуций³²⁰, вместе с тем считал, что плебеи не могли осуществлять в нем свое представительство, и эти сведения фальсифицированы традицией³²¹. Дитер Флах, также полагая, что, оба имени относятся к плебейским родам, подобным образом отрицает на этом основании участие какого-либо из их членов в коллегии децемвиров³²². Принимая во внимание *cognomen* Генуция в фастах – *Augurinus*, Д. Флах замечает, что и Минуции, и Генуции как плебейские роды могли получить его только после *lex Ogulnia* 300 г. до н. э., после допуска плебеев в коллегию авгуров³²³. Это служит для него дополнительным аргументом против историчности сведений о составе децемвирата.

Обратим, однако, внимание не только на то, что в изучаемое время Минуции и Генуции представлены плебейскими трибунами, но и на то, что их родовые имена значатся также в списке высших магистратов. Минуциев источники называют консулами в течение V в. до н. э. для пяти или даже шести лет (497, 492, 491, 458, 457, а возможно еще и 469 гг. до н. э.). Из Генуциев происходил консул 445 г. до н. э. Марк Генуций (*Liv.* IV. 1). Если придерживаться позиции античных авторов в том,

³¹⁹ *Münzer F.* Genucius // *Pauli / Wissowa Real-Encyclopedie der classischen Alterthumswissenschaft.* Bd. 7. Stuttgart, 1912. Sp. 1206-1207; *idem* Minucius Faesus // *Pauli / Wissowa Real-Encyclopedie der classischen Alterthumswissenschaft.* Hbd. 30. Stuttgart, 1932. Sp. 1955.

³²⁰ *Werner R.* Op. cit. S. 281.

³²¹ *Ibid.* S. 283.

³²² *Flach D.* Die Gesetze... S. 106-107.

³²³ Фальсифицированным прозвище Авгурин для родов Генуциев и Минуциев считал Марбах, полагавший, вместе с тем, невероятной обширную интерполяцию в списки магистратов и отмечавший, что аристократические роды могли опускаться в низшие слои народа уже в древние времена. См.: *Marbach.* Minucius // *Pauli / Wissowa Real-Encyclopedie der classischen Alterthumswissenschaft.* Hbd. 30. Stuttgart, 1932. Sp. 1937-1939.

92 II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

что до децемвирата доступ плебейам в высшую магистратуру был закрыт, то следует рассматривать Генуциев и Минуциев как роды, имевшие плебейскую и патрицианскую ветви. В таком случае и прозвище Авгурин вполне могло быть приобретено задолго до появления авгуров из плебеев. Отсутствие причин, заставляющих отклонить историчность прозвища *Augurinus*, констатировалось еще в Кембриджской древней истории³²⁴ Наличие двух ветвей рода Генуциев признает в современной историографии Роберт Бунзе³²⁵

Итак, анализируя второе имя в паре консулов-десингатов, включенных в первую коллегию децемвиров, ответим на два вопроса: был ли этот человек плебеем, и какое из двух родовых имен следует считать более вероятным. На первый из них мы наполовину уже ответили. Независимо от того, Генуцием или Минуцием мы признаем избранного с Клавдием в консулат (претуру) на 451 г. до н. э. государственного деятеля, совсем не обязательно он был плебеем, – с равной вероятностью он мог быть и патрицием. Какое имя предпочесть как более достоверное, – О. В. Сидорович полагает, что следует принять за достоверное имя Минуций³²⁶ Мы же склоняемся в пользу консульских фаст, Ливия, Дионисия и Зонары в противоположность Диодору в силу частого повторения и устойчивого сохранения в античной традиции имени Генуций для данного должностного лица, учитывая к тому же, что Диодор в передаче имен не самый надежный автор. Правда, мы не думаем, что Диодор искажил собственные имена политических деятелей V в. до н. э. с целью «приукрасить историю децемвирата», как полагал Эдуард Мейер³²⁷, скорее здесь виной небрежность автора, а, возможно, путаница в первоисточниках или погрешности переписчиков. По наблюдениям О. Тойблера³²⁸, в списках магистратов Генуции и Минуции нередко находились рядом; в римской политической жизни они оказывались «по соседству». Поэтому нет ничего удивительного в том, что Диодор мог ошибиться в имени. Тем более, что родовое имя Минуций

³²⁴ Jones Stuart H. The Early Republic. The Decemvirate and The Twelve Tables // The Cambridge Ancient History. Vol. VII. Cambridge, 1928. P. 459.

³²⁵ Bunse R. Das römische Oberamt in der frühen Republik und das Problem der „Konsulartribunen“. Trier, 1998. (Bochumer Altertumwissenschaftliches Colloquium. Bd. 31.) S. 156.

³²⁶ Сидорович О. В. Теория смешанной конституции... С. 50. Автор ссылается на то, что «возможность исключения Т. Генуция из первой коллегии «десяти мужей» почти единодушно поддерживается современными исследователями», при этом называя литературу, в которой неисторичным признается как имя Генуций, так и имя Минуций.

³²⁷ Meyer Ed. Kleine Schriften. Halle, 1910. S. 358.

³²⁸ Täubler E. Untersuchungen... S. 82.

значится в перечне членов второго децемvirата, – могла произойти путаница имен двух комиссий децемвиров. Во всяком случае, так объяснял замену Генуция Минуцием у Диодора Герхард Перль³²⁹

Включая в реконструируемый список первых децемвиров имя Тита Генуция, как это сделано и в книге Т. Р. Броутона³³⁰, мы в отличие от Жака Эргона³³¹ и поддерживающих его точку зрения авторов, не считаем возможным рассматривать Генуция плебейским представителем в этой магистратуре. На наш взгляд то, что Т. Генуций-децемвир принадлежал к патрицианской ветви своего рода, подкрепляется фактом избрания его первоначально в консулат (раннюю претуру). Еще раз подчеркнем, что мы не видим оснований отрицать справедливость утверждения древних историков, что до децемvirата плебеи были лишены доступа к высшей исполнительной власти. Избрание в магистратуру с империем (называемую античными писателями по инерции консулатом применительно и к первым шестидесяти годам существования Республики) для нас, следовательно, означает на этом хронологическом отрезке патрицианское происхождение государственного деятеля.

Тот же аргумент мы отнесем к определению сословной принадлежности децемвира Сестия, консула 452 г. до н. э. Дело в том, что его родовое имя часто признают идентичным имени Секстий (*Sextius*), что сразу вызывает ассоциацию с первым плебейским консулом 366 г. до н. э., многократно избиравшимся плебейским трибуном и являвшимся одним из авторов закона о паритете сословного представительства в консулате³³². Причем, иногда исследователи писали чуть ли не об идентичности этих двух фигур – Сестия-децемвира и Луция Секстия – реформатора³³³. Этому способствовало как раз то, что Цицерон называет Сестия, участника коллегии десяти мужей, тоже Луцием. Не отрицая общность родового имени, мы, тем не менее, полагаем, что восемь с лишним десятилетий не могут рассматриваться временем политической деятельности одного лица. Совокупность же информации фаст, Ливия, Дионисия, Диодора, в которой децемвир назван Публием Сестием, перевешивает в наших глазах употребление имени Луций Цицероном, поэтому третьего члена комиссии децемвиров 451 г. до н. э. мы

³²⁹ *Perl G. Kritische Untersuchungen...* S. 47.

³³⁰ *Broughton T. R. S. / Patterson M. L. The magistrates...* Vol. 1. 1951; Scholars Press reprint, Vol. 1. 1986. P. 45.

³³¹ *Heurgon J. Op. cit.* P. 171.

³³² *Täubler E. Untersuchungen...* S. 81.

³³³ *Sigwart G. Römische Fasten und Annalen bei Diodor. Ein Beitrag zur Kritik der älteren republikanischen Verfassungsgeschichte // Klio. Bd. 6. Leipzig, 1906. S. 279, 283.*

94 II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

вносим в реконструируемый список как Публия Сестия, считая его отнюдь не плебеем, а патрицием, ибо он занимал перед тем консульскую должность.

Из членов посольства в греческие города практически не вызывает у нас сомнения имя Спурий Постумий Альб, ибо в латинском и греческом вариантах его написания это имя так или иначе приводят Фасты, Ливий, Дионисий, Диодор и Иоанн Лид. *Nomen* Постумий, безусловно, относится к патрицианскому роду и не дает оснований для вопросов о происхождении его носителя. Спурий Постумий Альб избирался консулом 466 г. до н. э. (CIL. Vol. 1. P. 16; *Liv.* III. 2.1); идентичность Постумия-децемвира и Постумия-консула вполне очевидна.

Не вызывает вопросов и сословная принадлежность другого участника экспедиции за греческими законами – Сульпиция. Он тоже патриций. Трудность состоит только в том, какое личное имя носил децемвир Сульпиций: Публий ли, как об этом сообщают Ливий и Иоанн Лид; Сервий ли, как его называют Фасты и Дионисий Галикарнасский; Гай ли, как это восстанавливают палеографы по списку текста Диодора. Поскольку сочинение Диодора из-за степени сохранности данного фрагмента трудно в этом случае использовать, мы не можем опираться на его труд при определении преномена Сульпиция-децемвира. Остается выбор между Публием и Сервием. Логичнее его сделать в пользу того имени, которое известно в сочетании с названным родовым для данного отрезка времени. Исходя из того, что видным государственным деятелем середины V в. до н. э. был Сервий Сульпиций, верховный курион 463 г. до н. э. и консул (претор) 461 г. до н. э. (CIL. Vol. 1. P. 16; *Liv.* III. 7. 6; III. 10. 5), мы полагаем возможным соотнести с ним и Сульпиция-децемвира. Есть немалая вероятность того, что это одно и то же лицо. Упоминание о Сульпиции Публии в другом, кроме изучаемого, контексте для соответствующего хронологического отрезка мы обнаруживаем только в тексте Ливия под 446 г. до н. э. (*Liv.* III. 70. 2), где он действует в качестве легата опять-таки вместе со Спурием Постумием. Поскольку имя Публий приводит тот же автор (Ливий) применительно, очевидно, к одному и тому же лицу, то дополнительных аргументов в пользу существования видного политика Публия Сульпиция это свидетельство не дает. Поэтому приходим к выводу о предпочтительности включения в воссоздаваемый список первых децемвиров Сервия Сульпиция.

Последний из трех послов в греческие полисы имеет, как мы указали, разночтения в написании родового имени – Авл Манлий или Авл Марций. Это принципиально, так как имя Манлий указывает на при-

надлежность к числу патрицианских *gentes*, а Марций может свидетельствовать о плебейских корнях носителя. Но на одной чаше весов сведения консульских фаст, Ливия и Дионисия, а на другой – только Иоанна Лида. Предпочтение в плане достоверности информации для нас очевидно. Как мы отмечали в первом параграфе главы I, Иоанн Лид небрежно обращался с первоисточниками о римском посольстве в Грецию, что привело к погрешностям воспроизведения логики событий и, вероятно, также и имени посла. Сказанное заставляет нас назвать децемвира Авлом Манлием и следовательно, отнести его к числу магистратов-патрициев. Он может быть отождествлен с консулом (претором) 474 г. до н. э., упомянутым под тем же именем в капитолийских фастах (CIL. Vol. 1. P. 16). Таким образом, все члены афинского посольства, на наш взгляд (в этом мы поддерживаем Эриха Байера, который не обосновывал, но констатировал данный факт³³⁴) принадлежали к патрицианским *gentes*.

Гай Юлий и Тит Ромилий должны быть занесены в список децемвиров любым исследователем, поскольку в античной традиции наблюдается единодушие в отношении их имен. Также определенно можно говорить и об их патрицианской сословной принадлежности, учитывая к тому же, что оба перед тем были консулами (преторами): Тит Ромилий в 455 г. до н. э. (CIL. Vol. 1. P. 16; *Liv.* III. 31. 1; *Dionys.* X. 33), а Гай Юлий Юл в 482 г. до н. э. (CIL. Vol. 1. P. 16; *Liv.* II. 43. 1).

Поскольку разброс в свидетельствах источников об имени децемвира Ветурия включает три варианта при примерно равной степени надежности данных, остается идти тем путем, который мы использовали при определении наиболее вероятного личного имени Сульпиция. А именно – следует провести анализ упоминания личных имен при родовом имени Ветурий в соответствующем хронологическом срезе. Из интересующих нас вариантов – Спурий, Луций, Тит – встречается только Тит Ветурий, консул (претор) 462 г. до н. э. (CIL. V. 1. P. 16; *Liv.* III. 8. 2). Поскольку Ливий дает его родовое имя как, возможно, Ветузий (*Vetusius*), то очевидно, что это разные способы написания одного и того же помен (языковое явление ротацизма). Так как в числе Ветузиев в V в. до н. э. Титы (в отличие от Спуриев и Луциев) также встречаются, например, консул (претор) 494 г. до н. э. (*Liv.* II. 28. 1), не исключено, что у Ветуриев-Ветузиев это был распространенный граепомен. Таким образом, мы склоняемся к тому, чтобы называть данного члена первого децемвирата Титом Ветурием. Думаем также, что он и консул

³³⁴ Bayer E. Op. cit. S. 324.

96 II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

(претор) 462 г. до н. э. – одно и то же лицо. Сомнения в патрицианском происхождении Ветурия связаны в историографии с тем, что в IV в. до н. э. фигурируют Ветурии-плебеи³³⁵. Но засвидетельствованный для ряда лет V в. до н. э. (499, 494, 462, 455 гг. до н. э.) консулат (ранняя претура) Ветуриев-Ветузиев лишает, на наш взгляд, эти сомнения почвы, так как наглядно демонстрирует наличие патрицианской ветви их рода.

Десятого участника первой комиссии децемвиров, называемого источниками Публием Куриацием или Публием Горацием, мы склонны определить как Куриация, ибо так он зафиксирован в латинских текстах. Греческая транслитерация римских имен часто неоднозначна, нередко встречается, как мы уже отмечали, пропуск звуков или их искажение. Поэтому для воспроизведения латиноязычного имени консульские фасты и текст Ливия более достоверный источник, чем сочинение Дионисия³³⁶. Публий Куриаций был, в соответствии с капитолийскими фастами и текстом Ливия (CIL. Vol. 1. P. 16; Liv. III. 32. 1), консулом (претором) 453 г. до н. э. Вообще же, Куриации, как и Юлии, принадлежали к шести альбанским родам. Из этих шести родов только Юлии и Сервилии на протяжении многих веков сохраняли важную политическую роль. Куриации же, также как Клелии, Гегании, Квинкции были активными участниками государственной жизни только до реформ Лициния – Секстия³³⁷.

Таким образом, реконструируя перечень членов первого децемвирата, мы приходим к выводу, что все его участники были патрициями. Более того, все они – бывшие консулы, т. е. консуляры: Аппий Клавдий и Тит Генуций в 451 г., Публий Сестий в 452 г., Спурий Постумий в 466 г., Сервий Сульпиций в 461 г., Авл Манлий в 474 г., Тит Ромилий в 455 г., Гай Юлий в 482 г., Тит Ветурий в 462 г., Публий Куриаций в 453 г. до н. э. Возможные предположения о плебейском происхождении того или иного лица, избранного в первую коллегию десяти мужей, находят, как мы видели, вполне серьезные контраргументы. Поэтому мы не поддерживаем точку зрения о вхождении в первый децемвират восьми патрициев и двух плебеев³³⁸, равным образом и мнения о любом количественном участии в нем плебеев. Тезис об одно-

³³⁵ Täubler E. Untersuchungen... S. 84.

³³⁶ Это признавал и Ф. Мюнцер: Münzer F. Curatius // Pauli / Wissowa Real-Encyclopedie der classischen Alterthumswissenschaft. Bd. 4. Stuttgart, 1901. Sp. 1832.

³³⁷ Münzer F. Curatius... Sp. 94 -95. См. также: Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart, 1920.

³³⁸ Madvig J. Op. cit. S. 499.

родном патрицианском составе иногда постулируется в историографии без какой-либо аргументации³³⁹, мы же стремились его подкрепить доказательствами.

Утверждение о чисто патрицианском составе первого децемвирата совпадает и с мнением Тита Ливия, которое он ретроспективно высказывает в четвертой книге своего труда. Ливий пишет о децемвирах, что все они были патрициями – *potiusque decemviris... qui tum omnes ex patribus erant* (*Liv. IV. 3. 17*), имея в виду, скорее всего, что патриции – именно члены первой коллегии. Собственно, он и при непосредственном описании событий создания магистратуры десяти мужей свидетельствует то же самое: плебейские трибуны предлагали избрать комиссию законодателей из плебеев и патрициев (*Liv. III. 31. 7*)³⁴⁰, но сенаторы заявили, что законодателями могут быть только патриции (*Liv. III. 31. 8*)³⁴¹ и плебеи, в конце концов, уступили в этом вопросе (*Liv. III. 32. 7*)³⁴². Проведенное нами рассмотрение персонального состава первого децемвирата позволяет заключить, что Ливий верно отразил логику развития событий, связанных с борьбой за плебейское представительство в этой магистратуре в 452 г. до н. э. и результат этой борьбы.

Проанализируем теперь информацию о составе второй коллегии децемвиров. Консульские фасты содержат следующий перечень имен: *Ap. Claudius Crassus Inrigilensis Sabinus, M. Cornelius Ser. Maluginensis, L. Sergius Esquilinus, L. Minucius Esquilinus Augurinus, T. Antonius Merenda, Q. Fabius Vibulanus, Q. Poetelius Libo. Visolus, K. Duilius Longus, Sp. Oppius Cornicen, M. Rabuleius* (*CIL. Vol. 1. P. 16*). Очень близок к фастам список Ливия, расходящийся только в личном имени Сергия (не Луций, как в фастах, а Марк) и отсутствием *cognomen* у некоторых лиц. Вместе с Аппием Клавдием в интерпретации Ливия были избраны Марк Корнелий Малутинский, Марк Сергий, Луций Минуций, Квинт

³³⁹ *Bretone M. Geschichte...* S. 60; *Bellen H. Op. cit.* 25.

³⁴⁰ ...*si plebeiae leges displicerent, at illi communiter legum latores et ex plebe et ex patribus, qui utrisque utilia ferrent quaeque aequandae libertatis essent, sinerent creari.* – «...если не нравится закон плебеев, то пусть допустят избрание законодателей и из плебеев, и из патрициев, которые действовали бы сообща для пользы тех и других, а также уравнивания в гражданских правах.

³⁴¹ *Rem non aspernabantur patres; daturum leges neminem nisi ex patribus aiebant.* – «Отцы» не отвергли существа дела, но утверждали, что никто, кроме патрициев не может предлагать законы.»

³⁴² *Admiserentur ne plebei controversia aliquamdiu fuit; postremo concessum patribus...* – «Некоторое время велся спор о допуске плебеев, но затем предоставили патрициям...

98 II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Фабий Вибулан, Квинт Петелий, Тит Антоний Меренда, Цезон Дуиллий, Спурий Оппий Корницен, Маний Рабулей: creati cum eo M. Cornelius Maluginensis, M. Sergius, L. Minucius, Q. Fabius Vibulanus, Q. Poetelius T. Antonius Merenda, K. Duillius, Sp. Oppius Cornicen, M'. Ra-
buleius (*Liv.* III. 35. 11).

Из греческих авторов наиболее подробно дают информацию о персональном составе децемвирата Дионисий и Диодор. Дионисий отмечает, что Аппий Клавдий был руководителем второй коллегии децемвиров – ὁ τῆς τότε δεκαδραχίας ἡγεμὼν Ἄππιος, – с ним Квинт Фабий, называемый Вибуланом, трижды консул – σὺν δ' αὐτῷ Κόιντος μὲν Φάβιος ὁ καλούμενος Οὐβολανδὸς ὁ τρις ὑπατεύσας, – а список остальных членов выглядит в его изложении так: <Μάρκος Κορνήλιος καὶ Μάρκος Σέργιος καὶ Λεύκιος Μηνύκιος καὶ Τίτος Ἀντώνιος καὶ Μάνιος Ῥαβολήτιος, ἄνδρες οὐ πάνυ ἐπιφανεῖς ἐκ δὲ τῶν δημοτικῶν Κόιντος Ποιτέλλιος καὶ Καίσιων Δουέλλιος καὶ Σπόριος Ὀππιος (*Dionys.* X. 58). Таким образом, Дионисий называет Марка Корнелия, Марка Сергия, Луция Минуция, Тита Антония, Мания Рабулея, Квинта Петелия, Цезона Дуиллия и Спурия Оппия. Правда, имя М. Корнелий есть лишь результат реставрации текста палеографами. Список Дионисия совпадает со списком Ливия, с той лишь разницей, что опущены прозвища Малугинский у М. Корнелия, Меренда у Т. Антония, Корницен у Сп. Оппия. Эндрю Драммонд считает, что исходным для Ливия и Дионисия был один общий список основной части состава второй коллегии децемвиров³⁴³. С фастами перечень Дионисия не совпадает, также как и список Ливия, в личном имени Сергия.

Диодор приводит всего семь имен, предварительно отметив, что римляне опять избрали десять законодателей: Ῥωμαῖοι πάλιν δέκα ἄνδρας νομοθέτας εἵλοντο, Ἄππιον Κλώδιον, Μάρκον Κορνήλιον, Λεύκιον Μινύκιον, Γάιον Σέργιον, Κόιντον Πόπλιον, Μάνιον Ῥαβολήτιον, Σπόριον Οὐετούριον (*Diod.* XII. 24). То есть, у Диодора мы встречаем в качестве вторых децемвиров Аппия Клавдия, Марка Корнелия, Луция Минуция, Гая Сергия, Квинта Петелия (хотя написание Πόπλιος весьма отдаленно напоминает Петелия, можно понять и как Попилий, – все-таки у Дионисия он дан в более приближенном к латинскому начертанию и произношению варианте Ποιτέλλιος), Мания Рабулея и Спурия

³⁴³ *Drummond A.* Some observations on the order of consuls' Names // *Athenaeum*. 1978. Vol. 56. P. 94. Э. Драммонд отмечал, что даже если рассматривать второй децемвират как вымысел традиции, все равно следует признать, что использовавшиеся в ней списки состава второй коллегии восходят к одному оригиналу.

Ветурия. Из них совпадение наблюдается с Ливием, фастами и Дионисием в указаниях на Аппия Клавдия, Марка Корнелия, Луция Минуция, Квинта Петелия и Мания Рабулея. Праепомеи Сергия дан как Гай (а не Луций, как в фастах, и не Марк, как у Ливия и Дионисия). Квинт Фабий, Тит Антоний, Спурий Опций и Цезон Дуиллий у Диодора отсутствуют, но фигурирует не встречающийся ни в одном другом перечне вторых децемвиров Спурий Ветурий.

Об Аппии Клавдии упоминают в связи с историей о Вергинии, а, следовательно, как участнике второго децемвирата, и другие античные авторы — Асконий Педиан (*Ascon. Pro Cornel.* 68–69), Валерий Максим (*Val. Max.* VI. 1. 2), Гай Светоний Транквилл, правда, без личного имени Клавдия (*Suet. Tib.* 2. 2), Луций Анней Флор (*Flor. Epit.* I. 17. 24), Помпоний (*Dig.* I. 2. 2. 24), Евтропий (*Eutrop.* I. 18), Аврелий Виктор (*Aurel. Vict. De vir. ill.* 21. 1), Евсевий (*Euseb. Chron.* 194 F), Павел Орозий (*Oros. Adv. pag.* II. 13).

Учитывая наличие некоторых расхождений в показаниях источников о составе второго децемвирата и суммируя их свидетельства, а также опираясь на примененные при анализе первой коллегии методы, попытаемся выстроить необходимый и в этом случае ряд из десяти имен. Безо всяких колебаний начнем его с Аппия Клавдия, ибо в отношении его показания источников многочисленны, корректны и непротиворечивы. Также не вызывают сомнений отмеченные в четырех главных для нас текстах (в фастах, у Ливия, Дионисия и Диодора) без расхождений в родовых и личных именах такие фигуры, как Марк Корнелий, Луций Минуций и Маний Рабулей. Имя Квинта Петелия сомнительно только в передаче Диодора, но с поправкой на искажение при греческой транслитерации и нередко встречающуюся небрежность при воспроизведении римских имен у этого автора (или переписчиков его труда), примем и его как достоверное. Квинт Фабий, Цезон Дуиллий, Тит Антоний Меренда и Спурий Опций коррелируют в передаче фаств, Ливия и Дионисия, поэтому их отсутствие у Диодора не мешает нам считать их реальными деятелями второго децемвирата. Не вызывает особых сомнений представительство во второй коллегии рода Сергиев, ибо все четыре основных информационных блока это подтверждают, не стыкуясь лишь в личном имени, предлагая варианты Луций (фасты), Марк (Ливий и Дионисий), Гай (Диодор). Самым ненадежным из них, на наш взгляд, следует считать имя Гай, не только из-за репутации Диодора в отношении передачи имен, но и из-за того, что Гай Сергий как видный политик в ближайшие к децемвирату десятилетия не прослеживается. Тогда как Луций Сергий был не менее пяти раз носителем империи в 30–20 гг. V в.

100 II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

до н. э., а Марк Сергий отмечен не менее двух раз на верху исполнительной власти в конце этого века. Мы склонны отождествить Сергия-децемвира с Луцием Сергием, консулом 437 и 429 гг. до н. э., консулярным трибуном 433, 424, 418 г. до н. э., (*Liv.* IV. 17. 7; 25. 2; 30. 5; 35. 4; 45. 5; 46. 5) ибо хронологически это сравнительно близко ко времени децемвирата. Прозвище Луция Сергия-консула у Ливия значителен как Фиденат, но его он получил после занятия консульской магистратуры (*Liv.* IV. 17. 7). Конечно, «большинство голосов» античной традиции отдано в пользу Марка Сергия; это имя, хотя и под вопросом, чаще называют в историографии³⁴⁴, но высказанные соображения, а также то обстоятельство, что консульские фасты отражают официально принятые представления об именах и последовательности высших должностных лиц, заставляют нас предпочесть при реконструкции списка вторых децемвиров личное имя Сергия как Луций, что, впрочем, мы делаем без особой уверенности. Но для определения сословного представительства выбор любого варианта грагомена Сергия не является принципиальным. Из всех, предложенных источниками, имен осталось обсудить последнее – Спурий Ветурий – фигурирующее в сочинении Диодора. Поскольку, с одной стороны, кроме этого античного писателя оно при перечислении вторых децемвиров нигде больше не содержится, а с другой стороны, прямо повторяет и личное, и родовое имя участника первого децемвирата, то возникает следующее предположение. Также как Диодор (или его первоисточник) перенес из второго децемвирата в первый Минуция, он ошибочно переместил из первого во второй Ветурия, заместив им к тому же другого Спурия, Опсия (что усматривал и Герхард Перль³⁴⁵). Исходя из этих соображений, мы не включаем в реконструируемый список вторых децемвиров имя Ветурия.

Определившись со списком второго децемвирата в нашей исторической реконструкции, проведем анализ сословного представительства в нем. О. В. Сидорович считает, что «вряд ли стоит делать упор на проблему сословной принадлежности в том виде, в каком она подана античной традицией, т. е. разделять роды по принципу принадлежности к патрицианским или плебейским, используя для этой цели факты занятия их представителями магистратских мест»³⁴⁶, призывая обра-

³⁴⁴ См.: Broughton T. R. S. / Patterson M. L. Op. cit. Vol. 1. P. 46; Werner R. Op. cit. S. 281, 283; Сидорович О. В. Децемвират в системе публичного права... С. 94; она же. Децемвират в истории архаического Рима... С. 22.

³⁴⁵ Perl G. Kritische Untersuchungen... S. 57.

³⁴⁶ Сидорович О. В. Децемвират в истории архаического Рима... С. 22-23; она же. Децемвират в системе публичного права... С. 93-94.

тить внимание на роды, причастные и не причастные к властным структурам в предшествовавший период. При этом, правда, остается не понятным, причастность к каким структурам она предлагает определить, ибо, упоминание имени Рабулей среди плебейских трибунов, она рассматривает «не как свидетельство плебейского статуса Рабулеев, а как их причастность к властным структурам»; делая же вывод о стремлении «демократизировать новую магистратуру», она указывает на то, что шесть членов второго децемвирата принадлежали к родам «не занимавшим магистратуру с империем в предшествующий период»³⁴⁷. Занимать магистратуру с империем и должность плебейского трибуна – это настолько разная причастность к властным структурам, что определять «причастных» и «непричастных» в такой совокупности смысла не имеет. Очевидным образом надо вычленять держателей империя, а для этого, как мы думаем, в первую очередь и необходимо определиться с плебейскими именами во втором децемвирате, ибо плебеи не обладали до него высшей магистратской властью (гипотеза об изначальном представительстве плебеев в высшей магистратуре уже достаточно давно, после ее развернутой критики со стороны С. Стэвели, не пользуется в историографии сколько-нибудь заметной поддержкой).

На пропорцию сословного представительства специально обращает внимание Дионисий Галикарнасский, относя троих (Квинта Петелия, Цезона Дуиллия и Спурия Оппия) к плебеям – мужам из народа, незнатным: ἄνδρες οὐ πάνυ ἐπιφανεῖς ἐκ δὲ τῶν δημοτικῶν Κοῖντος Ποιτέλλιος καὶ Καΐσων Δουέλλιος καὶ Σπύριος Ὀππίος – (*Dionys. X. 58*). В том, что действительно названы члены плебейских родов, сомнения не возникают. Петелии, Дуиллии, Оппии хорошо известны как плебейские трибуны, в том числе все они представлены в плебейском трибунате V в. до н. э. и отсутствуют в высшей магистратуре до середины этого века. Плебейское происхождение Петелия, Дуиллия, Оппия практически невозможно оспорить. Также невозможно оспорить принадлежность к патрициату таких политиков из коллегии вторых децемвиров как Аппий Клавдий, Марк Корнелий, Квинт Фабий, Луций (или Марк) Сергий. Здесь настолько все очевидно, что не требует никаких комментариев. Остаются Луций Минуций, Маний Рабулей, Тит Антоний Меренда. По поводу Минуциев мы уже вели речь при рассмотрении состава первой комиссии децемвиров, сделав вывод, что этот род имел и патрицианскую, и плебейскую ветви. Поскольку, судя по всему, тот же самый политический деятель был консулом (претором) 458 г. до

³⁴⁷ Сидорович О. В. Децемвират в истории архаического Рима... С. 23.

102 II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

н. э. (CIL. Vol. 1. P. 16; Liv. III. 25. 1; VIII. 33. 14), то мы не сомневаемся в его принадлежности к патрицианской ветви. Поэтому Луцием Минуцием мы пополняем патрицианскую часть второго децемвирата, вопреки тому, что его нередко рассматривают в качестве плебея³⁴⁸ Родовое имя Рабулей встречается в источниках, кроме изучаемого случая, еще только один раз – носителем его был плебейский трибун 486 г. до н. э. (Dionys. VIII. 72). Никаких других должностных лиц этот род не дал и с абсолютной уверенностью может быть назван плебейским. Тит Антоний Меренда – представитель рода Антониев, который в период классической республики принадлежал к числу самых известных плебейских родов. Хотя Джон Пинсент утверждал, что ранние Антонии были «изобретены» Кальпурнием Пизоном, от которого позаимствованы Лицинием Макром, а через него и Ливием³⁴⁹, мы не поддерживаем его гипотезу, целиком основывающуюся на недоверии античной традиции. К тому же, велика вероятность, что Тит Антоний был отцом Квинта Антония Меренды, консулярного военного трибуна 422 г. до н. э. (CIL. Vol. 1. P. 17; Liv. IV 42. 2), плебейский статус которого признается историками³⁵⁰

Таким образом, во втором децемвирате, по нашему мнению, пять должностных мест были заняты плебеями: Квинтом Петелием, Цезоном Дуиллием, Спурием Оппием, Манием Рабулеем и Титом Антонием Мерендой. Следовательно, наш вывод отличается от тезиса тех исследователей, которые находили в его составе шесть плебеев³⁵¹, от тех, кто усматривал в нем только троих их представителей³⁵², или насчитывал примерно два-три плебея³⁵³ В большинстве случаев антиковеды, упоминая о сословном составе второй коллегии децемвиров, пишут не слишком определенно, что «часть ее была плебейской»³⁵⁴, что она «бы-

³⁴⁸ Täubler E. Untersuchungen... S. 103; Heurgon J. Op. cit. S. 171.

³⁴⁹ Pinsent J. Military tribunes and Plebeian consuls: The Fasti from 444 to 342 // Historia. 1975. Heft 24. P. 42-43.

³⁵⁰ Ridly R. T. The «Consular Tribunate»: The Testimony of Livy // Klio. Beiträge zur Alten Geschichte. 1986. Bd. 68. Heft. 1. P. 450; Ogilvie R. M. Op. cit. P. 540; Staveley E. S. The Significance of the Consular tribunate // The Journal of Roman Studies. 1953. Vol. 43. P. 34.

³⁵¹ Heurgon J. Op. cit. P. 171.

³⁵² Madvig J. Op. cit. S. 499.

³⁵³ Петушин И. В. Очерк... С. 169.

³⁵⁴ Abbot F. F. A history and description of Roman political institutions. 3. Ed. New York, 1963. P. 30; Grzewski Ch. Decemviri // Der neue Pauly. Stuttgart, 2001. Bd. 3. Sp. 342-343.

ла смешанной»³⁵⁵, «включала несколько плебеев»³⁵⁶ или характеризовалась «значительным присутствием плебеев»³⁵⁷

Впервые предположение о пяти плебейских магистратах во втором децемвирате высказал Бартольд Нибур³⁵⁸. Он, приняв информацию Дионисия о трех плебейях, не выяснял, кто еще мог представлять это сословие во второй коллегии, но на уровне логического построения допустил, что патрициев и плебеев было в ней поровну. При этом Б. Нибур исходил из мнения о децемвирате как постоянном органе власти, совместившем в себе патрицианскую магистратуру с империем и плебейский трибунат. Поэтому паритет сословного представительства выглядел для него в рамках такой гипотезы естественным. Отсутствие плебеев в первой коллегии сторонники подхода Б. Нибура (в ответ на критику его взглядов) объясняли первоочередной потребностью на первом году существования децемвирата в составлении законов, знаниями которых обладали только патриции³⁵⁹. После Б. Нибура в некоторых работах сохранилась тенденция указывать без аргументации, что второй децемвират «был частично, возможно наполовину, плебейским»³⁶⁰.

В противоположность такому подходу не прекращались, как мы отмечали, и попытки опровергнуть сведения античной традиции о сословной неоднородности второго децемвирата и доказать невозможность участия в нем плебеев. Все они, от Б. В. Никольского до Д. Флаха, так или иначе, заканчивались вообще отрицанием историчности второй коллегии децемвиров. Р. Вернер предложил для этой единственной, на его взгляд, коллегии общий список, идя в своей реконструкции по пути отбрасывания плебейских имен³⁶¹. В его варианте этот «синтетический» перечень выглядит так: *Ap. Claudius, T. Veturius, M. Cornelius, T. Romilius, Q. Fabius, M. ? Sergius, C. Iulius, A. Manlius, Ser. Sulpicius, Sp. Postumius*. Оживление гиперкритических настроений по отношению к античной традиции в конце XX в. привело, в частности, к повторению попытки Роберта Вернера (на сей раз в итальянской историографии) составить список якобы единственной коллегии децемвиров на основе сведений источников о составе обеих коллегий. Фабио

³⁵⁵ Voigt M. Op. cit. S. 5.

³⁵⁶ Cornell T. J. Op. cit. P. 272.

³⁵⁷ D'Ippolito F. Op. cit. P. 399.

³⁵⁸ Niebuhr B. *Römische Geschichte*. (1853). S. 537-539.

³⁵⁹ Герье В. И. *История Рима*.... С. 127.

³⁶⁰ Herzog E. Op. cit. S. 178. См также: Kübler B. Op. cit. Sp. 2259; Чеканова Н. В. Указ. соч. С. 25.

³⁶¹ Werner R. Op. cit. S. 283.

104 II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Мора предложил такой вариант: Аппий Клавдий, Корнелий Малугинский, Фабий Вибулан, Манлий Вульсон, Ветурий, Постумий, Сульпиций, Сергий, Минуций и Генуций (имена Ф. Мора дает не в латинской форме, а по-итальянски, поэтому мы приводим русские аналоги, опуская личные имена и прозвища в тех случаях, где у автора они не приводятся)³⁶² Таким образом мы видим, что по существу перечень, который составил Ф. Мора, отличается от такового, предложенного Р. Вернером, двумя именами. Вместо Тита Ромилия и Гая Юлия, включенных Р. Вернером, здесь фигурируют Минуций и Генуций. Фабий Мора предполагает, что имя Ромилия, также как и Антония, есть «результат работы» младшей анналистики; имя Юлия попало в традицию в цезарианскую эпоху; Дуилий, Оппий и Рабулей «введены» Геллием, имя Куриация восходит к гракханской эпохе. Всего, таким образом, кроме Аппия Клавдия, участника обеих коллегий децемвиров, в «списке Мора» пять децемвиров первого призыва и четыре – второго, а из 19 персоналий, имена которых названы античными авторами в качестве децемвиров, семь признаются «продуктом фальсификаций»³⁶³ Нам представляется, что такая реконструкция единого списка шаг назад «в гиперкритический нигилизм» даже по сравнению с работой Р. Вернера: у того хотя бы не оспаривается историчность Тита Ромилия и Гая Юлия, в отношении которых, как мы отмечали, источники единодушны в признании их децемвирами. В целом же, нам кажется порочной сама идея «реконструкции единого списка», поскольку, еще раз подчеркнем, ни один античный автор не написал, что коллегия была одна, а те из них, кто не акцентировал внимание на существовании двух коллегий, просто обобщенно писали о децемвирах. Не трудно заметить, что в «совмещенном» списке Ф. Мора опять-таки отсутствуют плебейские участники децемвирата.

Не соглашаясь с тезисом о невозможности плебейского участия в децемвирате³⁶⁴, находя адекватной историческим реалиям информацию источников о двух коллегиях десяти мужей, мы попытались аргументировать сословную принадлежность каждого из децемвиров. Придя к выводу о чисто патрицианском составе первой комиссии и о паритет-

³⁶² *Mora F.* Fasti e schemi cronologici. La riorganizzazione annalistica del passato remoto romano. Stuttgart, 1999. P. 138-139.

³⁶³ *Ibid.* P. 139.

³⁶⁴ Например, Г. Мартынов отрицал возможность участия плебеев во второй коллегии децемвиров на том основании, что кодификационная работа могла выполняться одними лишь патрициями, так как в то время законы были известны только им. См.: *Мартынов Г.* Указ. соч. С. 30.

ном представительстве сословий во второй, мы, тем не менее, не станем на точку зрения Б. Нибура, хотя, на первый взгляд, может показаться, что наши рассуждения и итоговые заключения об участии сословий в децемвирате именно ее и подкрепляют. Однако представительство плебеев в магистратуре децемвиров не есть, по нашему мнению, доказательство ее ординарности и соединения в ней ранее имевших место плебейских и патрицианских должностей. В соответствии с нашим моделированием ситуации середины V в. до н. э. плебеи получили доступ впервые именно к чрезвычайной власти, получив в качестве уступки в ходе сословной конфронтации письменную фиксацию законов и сразу за тем возможность быть избранными на высшую должность с империем, но пока только в экстраординарных обстоятельствах, эпизодически. Проникновение плебеев в высшую исполнительную власть началось, в соответствии с нашей концепцией, структур чрезвычайной власти, а именно – с децемвирата. Децемвиры, вышедшие из родов Петелиев, Дуиллиев, Рабулеев, Оппиев и Антониев, были первыми плебейскими политическими деятелями, которые «восседали на курульном кресле рядом с патрицианскими коллегами, руководили заседаниями сената и вели римские легионы»³⁶⁵. Каким образом они осуществляли свои полномочия и в каких римских государственно-правовых понятиях следует охарактеризовать их компетенцию, мы рассмотрим в следующем параграфе.

³⁶⁵ *Ihne W.* Op. cit. S. 185.

2.2. Объем полномочий и практическая деятельность децемвиров

Децемвират представлял собой коллегия высших должностных лиц *sum imperio*. Констатация обладания децемвирами империем не требует развернутой аргументации, поскольку это утверждение не относится к числу дискуссионных проблем, в отличие, например, от вопроса о наделении империем интеррекса или консульских военных трибунов³⁶⁶. Источники красноречиво и однозначно подчеркивают наличие у децемвиров империя, что и принимается историографией, но этим (да еще формальным признанием отсутствия провокации на их приговоры при дискуссионности вопроса о правовом ее оформлении в изучаемое время), пожалуй, и ограничивается единодушие историков в отношении характера полномочий данных магистратов и объема их компетенции. Поэтому рассмотрим вопрос подробно.

Для начала приведем в концентрированном виде главные свидетельства источников о децемвирах как носителях империя. Они включают в себя формулировку консульских *fasti decemviri consulari imperio legibus scribundis*³⁶⁷, четкое определение Цицероном их полномочий как высшего империя – *summum imperium*³⁶⁸, понимание Ливием перехода власти от консулов к децемвирам как передачу империя: *ab consulibus ad decemuiros... translato imperio* (Liv. III. 33. 1), указание Варрона на наличие у них *imperium consulare* в изложении Авла Геллия³⁶⁹, подтверждение этого в словах императора Клавдия – *a consulibus ad decemviros translatum imperium* (ILS. 212). Интересно, что в продолжении этой фразы – *solutoque postea decemvirali regno ad consules rursus red<u>ditum?* – Герхард Перль предлагает восстановить следующую ее конструкцию: *redditum scil. imperium*, подчеркивая тот смысл,

³⁶⁶ См.: Дементьева В. В. Римское республиканское междоусобице как политический институт. М., 1998. С. 82-93; она же. Проведение римским интеррексом консульских выборов // ВДИ. 2000. №1. С. 41-56; она же. Объем полномочий римских консульских военных трибунов // ВДИ. 2000. №4. С. 41-59; она же. Римская магистратура военных трибунов с консульской властью. М., 2000. С. 97-121.

³⁶⁷ CIL. Vol. I. P. 16.

³⁶⁸ Cic. De rep. II. XXXVI. 61.: *atque ut xviri maxima potestate sine provocatione crearentur, qui et summum imperium haberent...* – «и чтобы были избраны децемвиры, облеченные величайшей властью и избавленные от возможности провокации, и чтобы они обладали высшим империем...» (пер. В. О. Горенштейна)

³⁶⁹ Gell. N. A. XIV. 7. 5: *...item decemviros, quibus imperium consulare tum esset* – «равным образом и децемвиры, у которых тогда был консульский империй».

2.2. Объем полномочий и практическая деятельность децемвиров 107

что после упразднения царского правления децемвиров, именно империй вернулся обратно к консулам³⁷⁰

Античная традиция фокусирует внимание также на том, что децемвирам была передана вообще высшая магистратская или консульская власть. Более того, нередко эта власть приравнивается к царской либо диктаторской. Так Дионисий Галикарнасский отмечает, что они получили власть над всеми в государстве, которую имели консулы, а ранее – цари (*Dionys. X. 55. 4*)³⁷¹. Лионская надпись определяет их полномочия выражением *regnum decemvirale* – неограниченная власть (царское правление, владычество) децемвиров (*ILS. 212*)³⁷². Помпоний называет их власть *ius in civitate summum* – высшая власть в гражданской общине (*Dig. I. 2. 2. 4*)³⁷³. Плутарх в «Римских вопросах» отмечает проконсульскую («в качестве консульской») власть коллегии десяти ὑπὸ τῆς ἀνθυλατικῆς δεκαδουρχίας – *Plut. Quaest. Rom. 55. 277 F.* Сохраняют представление о консульской власти децемвиров и поздние авторы. Орозий пишет: *potestas consulum decemviris tradita* (*Oros. Adv. pag. II. 13. 1-2*). Евтропий употребляет по отношению к децемвирам выражение *summam potestatem habere* (*Eutrop. I. 18*), а Аврелий Виктор характеризует их власть как верховную через понятие *dominatio* – господство (*Aurel. Vict. De vir ill. XXI. 2*). Иоанн Зонара называет децемвиров стратегами-автократорами (στρατηγοὶ αὐτοκράτορες – *Zon. VII. 18*), т. е. применяет к ним термин, традиционно использовавшийся греческими авторами для обозначения римских диктаторов³⁷⁴

³⁷⁰ *Perl G. Die Rede des Kaisers Claudius für die Aufnahme römischer Bürger aus Gallia Comata in den Senat (CIL. XIII. 1668) // Philologus. 1996. Bd. 140. Heft 2. S. 125-126.*

Г. Перль подозревает, что сенатский протокол речи Клавдия основывался на стенограмме нотариуса, и плохо артикулированная речь Клавдия с трудом воспринималась; с сенатского акта была изготовлена копия, затем гравёр перенес текст на бронзовую доску с возможными слуховыми и письменными ошибками.

³⁷¹ ἐξουσίαν ἔχοντας ὑπὲρ πάντων τῶν κατὰ τὴν πόλιν ἣν εἶχον οἱ τε ὕλατοι καὶ ἔτι πρότερον οἱ βασιλεῖς... – «власть имея над всеми в полисе, как ее имели консулы, а ранее – цари...»

³⁷² Д. А. Литвинов, переводя речь Клавдия, комментирует, что слово *regnum* во время Республики и раннего Принципата имело «явно pejоративный оттенок», так как «к концу своего правления децемвиры заслужили ненависть народа из-за злоупотребления властью». См.: Римские сенатусконсульты. Перевод, вводная статья и комментарии Д. А. Литвинова / Ред. Л. Л. Кофанов // *IVS ANTIQVVM. Древнее право. М., 2001. № 1 (8). С. 194.*

³⁷³ ...datumque est eis ius eo anno in civitate summum... ...и на тот год им дана была высшая власть в гражданской общине...

³⁷⁴ Дементьева В. В. Магистратура диктатора в ранней Римской республике. Ярославль, 1996. С. 39; она же. Закон о введении магистратуры диктатора в римскую конституцию // *Антиковедение и медиевистика. Вып. 3. Ярославль, 2001. С. 29.*

108 II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Согласно античной традиции (и в этом показания источников опять-таки не расходятся), в период правления децемвиров не было других магистратов с империем. Из текста Ливия следует, что власть перешла от консулов к децемвирам (*Liv.* III. 33. 1)³⁷⁵. То же утверждение о передачи власти от консулов к децемвирам содержится в речи императора Клавдия в сенате (*ILS.* 212). По Дионисию, остальные магистраты лишились власти, когда ее исполняли децемвиры – τὰς τ' ἄλλας ἀρχὰς πάσας καταλείψθαι, τέως ἄν οἱ δέκα τύχῃσι τῆς ἀρχῆς (*Dionys.* X. 55. 4–5). Согласно Цицерону, консулы и плебейские трибуны предварительно ушли в отставку со своих должностей – et consules et tribuni pl. magistratu se abdicarent (*Cic.* De rep. XXXVI. 61). В диалоге «О законах» Цицерон пишет даже об уничтожении власти плебейских трибунов (*Cic.* De leg. III. 19). Луций Ампелий сообщает об абдикации всех магистратов abdicatis omnibus magistratibus (*Ampel.* 29. 2)³⁷⁶ Иоанн Лид также свидетельствует, что все должностные лица удалились, и забота об управлении государством была передана только десяти мужам (*Ioan. Lyd.* De mag. I. 34)³⁷⁷ Иоанн Зонара тоже подчеркивает отсутствие при децемвирах других носителей власти, в том числе плебейских трибунов (*Zon.* VII. 18)³⁷⁸ Представление о том, что децемвиры обладали неограниченными полномочиями, сохранялось не только в античной и постантичной историографии, довольно долго оно существовало и в римском общественном сознании. Во всяком случае, когда в период консульства Цицерона плебейские трибуны предлагали возродить децемвират, они, согласно Плутарху,

³⁷⁵ Anno trecentensimo altero quam condita Roma erat iterum mutatur forma civitatis, ab consulibus ad decemviros, quemadmodum ab regibus ante ad consules venerat, translato imperio. – «В триста втором году от основания Рима опять переменялась форма государства: империй был передан от консулов к децемвирам, как прежде он перешел от царей к консулам.»

³⁷⁶ Deinde tribunis seditionibus agitatus abdicatis omnibus magistratibus decemviros legum ferendarum et rei publicae constituendae causa paravit. – «Затем, обеспокоенный мятежами трибунов, когда все магистраты ушли в отставку, учредил децемвиров для внесения законов и устройства государства.»

³⁷⁷ πάντες μὲν οἱ ἄρχοντες ἐκινήθησαν, δέκα δὲ μόνοις ἀνδράσι τὴν φροντίδα τῆς πολιτείας παρέδοσαν. – «Все магистраты ушли в отставку, и одним только десяти мужам была передана забота об управлении государством.»

³⁷⁸ ...καὶ κομισθέντων αὐτῶν τὰς τε ἄλλας ἀρχὰς καὶ τὰς τῶν δημάρχων κατέλυσαν... – «получив власть, они ликвидировали остальные magistratury и должности плебейских трибунов...»

2.2. Объем полномочий и практическая деятельность децемвиров 109

намеревались предоставить коллегии десяти власть автократоров (*Plut. Cic. XII*)³⁷⁹

Сведенные нами воедино сообщения источников наглядно свидетельствуют о понимании римлянами компетенции децемвиров как высшей магистратской власти. То, что нередко она называется консульской (хотя до децемвирата в качестве первой высшей республиканской должности, по нашему мнению, существовала первоначальная претура), не заставляет нас считать информацию античной традиции о децемвирате недостоверной, как это утверждает Дитер Флах³⁸⁰, поддерживающий теорию ординарной диктатуры в качестве исходной формы правления Римской республики³⁸¹. На наш взгляд, античные авторы употребляли понятие «консульская власть» применительно к полномочиям децемвиров именно в значении высшая исполнительная коллегиальная власть, как нередко они делали это, ведя речь, например, о консулярных военных трибунах. Иначе говоря, античные писатели использовали его как синоним понятия «власть высших коллегиальных магистратов».

В качестве носителей империя децемвиры были наделены инсигниями высших должностных лиц, в первую очередь ликторами с фасками. Число фасок Ливий определяет в 12 (*Liv. III. 33. 8*)³⁸². Стюарт Стэвели обращал внимание на то, что Ливий упоминает о фасках, но не о ликторах³⁸³, но мы считаем возможным говорить и о 12 ликторах, поскольку исследование Вильфрида Ниппеля показало, что *fasces* и *lictore*s часто употреблялись как синонимы³⁸⁴. Конечно, нужно принять во внимание также анализ сакрального компонента инсигний римских магистратов, который проделал Бурхард Гладигов³⁸⁵, подчеркнувший, что именно фаски были знаком власти магистрата и к ним, а не к ликторам относи-

³⁷⁹ ...νόμους εἰσῆγον οἱ δῆμαρχοι... δεκαδαρχία ν καθιστάντες ἀνδρῶν αὐτοκρατόρων... ...вносили законы и плебейские трибуны..., предлагая учредить власть десяти мужей-автократоров...

³⁸⁰ Flach D. Die Gesetze der frühen römischen Republik... S. 105.

³⁸¹ См подробнее: Дементьева В. В. Рецензия на книгу: Flach D. Die Gesetze... С. 215-220.

³⁸² Decimo die ius populo singuli reddebant. eo die penes praefectum iuris fasces duodecim erant: collegis novem singuli accensi apparebant. – «Раз в десять дней каждый из децемвиров председательствовал на суде, происходившем при всем народе, имея при себе двенадцать ликторов, тогда как девяти его товарищам причиталось по одному служителю.» (Пер. Г. Ч. Гусейнова.)

³⁸³ Staveley E. S. The Fasces and Imperium Maius // *Historia*. 1963. Bd. 12. P. 468.

³⁸⁴ Nippel W. Aufrühr und "Polizei" in der römischen Republik. Stuttgart, 1988. S. 20.

³⁸⁵ Gladigow B. Die sakralen Funktion der Liktoren. Zum Problem von institutioneller Macht und sakraler Präsentation // *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*. Bd. 1. 2. Berlin – New-York, 1972. S. 295-314.

110 II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

лись символические действия. Поэтому вполне объясним акцент Ливия при характеристике инсигний децемвиров, но его информация позволяет утверждать, что число ликторов у децемвиров соответствовало количеству таковых у консулов последующего времени³⁸⁶. В правление первой коллегии только один из десяти ее членов в каждый конкретный момент имел инсигнии (*Liv.* III. 36. 3). Когда вторые децемвиры попытались узурпировать власть, каждый из них окружил себя двенадцатью ликторами, так что одновременно их на форуме появлялось 120 человек, к тому же державших наготове секиры (*Liv.* III. 36. 4; *Dionys.* X. 59), «символ неограниченной власти над жизнью и смертью»³⁸⁷.

Составляя коллегию магистратов с империем, децемвиры должны были осуществлять вытекавшие из него полномочия поочередно, в силу «недробимости» империя. Следовательно, неизбежно существовала некая периодичность передачи *fascēs*. Какой она была – на этот вопрос исследователи отвечали по-разному. Согласно гипотезе Бартольда Нибура, коллегия десяти уподоблялась декурии сенаторов при *interregnum*, когда каждый ее член исполнял обязанности высшей власти в течение пяти дней³⁸⁸. Одновременно с трактовкой Б. Нибура, в начале XIX в., появилась иная точка зрения, что децемвиры правили, ежедневно сменяясь в роли носителей империя³⁸⁹. И тот, и другой взгляд нашли приверженцев в последующей историографии. Например, ежедневное чередование во власти считал реальным И. В. Нетушил, на взгляд которого остальные девять децемвиров находились в положении плебейских трибунов³⁹⁰. Наоборот, пятидневный отрезок времени пребывания у власти по очереди каждого децемвира принимал Вильгельм Вегнер, полагавший, что тем самым достигалась справедливость решений магистратов: на распоряжение предшественника можно было апеллировать к его преемнику, «который принимал в расчет всякое основательное возражение»³⁹¹.

Прочитаем внимательно сообщения источников. Ливий говорит только о том, что раз в десять дней каждый из децемвиров был председателем на суде – *decimo die ius populo singuli reddebant* (*Liv.* III. 33. 8). Фридрих Любкер полагал, что эти слова Ливия можно трактовать как наделение высшей властью каждого последовательно либо на десять

³⁸⁶ *Becker W.* Op. cit. S. 136; *Marquardt J., Mommsen Th.* Op. cit. S. 382.

³⁸⁷ *Ihne W.* Op. cit. S. 180.

³⁸⁸ *Niebuhr B.* *Römische Geschichte* (1853). S. 526-527.

³⁸⁹ *Гольдсмит.* История римская до падения Западной Римской империи. Ч. . СПб., 1815. С. 190.

³⁹⁰ *Нетушил И. В.* Очерк... С. 168.

³⁹¹ *Вегнер В.* Рим. История и культура... С. 142.

2.2. Объем полномочий и практическая деятельность децемвиров 111

дней, либо на один день³⁹² Они могут означать ежедневную передачу империя только в том случае, если судебное заседание проходило каждый день, что сомнительно. Дионисий Галикарнасский информирует нас о нескольких днях, в течение которых каждый из децемвиров осуществлял верховную власть, но никакое число их не называет (*Dionys. X. 57*)³⁹³ И только Иоанн Зонара конкретно говорит о том, что они ежедневно сменялись у руля высшей власти, поочередно беря ее в свои руки (*Zon. VII. 18*)³⁹⁴. Хотя Зонара автор очень поздний, византийский, тем не менее он доносит до нас сведения об изучаемом времени, главным образом из несохранившихся книг Диона Кассия, и к тому же имеет репутацию добросовестного историка. Других данных по этому вопросу в античной традиции нет.

Таким образом, мы видим, что уподобление срока полномочий каждого отдельного децемвира времени нахождения у власти одного интеррекса носит чисто умозрительный характер и реальной опоры в источниках не имеет. Остается либо признать достоверность информации Зонары, почерпнутой им у Диона Кассия, либо предположить, что срок исполнения обязанностей, вытекавших из империя (так же как и последовательность перехода их от одного члена коллегии к другому), определялся по соглашению или жребию в виде месячного или однодневного, как впоследствии у консулов и военных трибунов с консульской властью.

Безоговорочное отнесение децемвиров к числу магистратов *sum imperio* не снимает вопросов о том, с какими из других высших должностных лиц Рима следует сблизить их политико-правовое положение и была ли их должность ординарной или чрезвычайной. Диапазон исследовательского поиска наиболее близких децемвирату аналогий в римской политической системе весьма широк и любопытен разницей угла зрения на предмет. А. Шwegлер полагал, что империй децемвиров по характеру был таким же, как империй консулов в ходе военных действий, в сфере *militiae*³⁹⁵ Т. Моммзен предлагал в качестве аналогии сулланскую или цезарианскую диктатуру, либо даже триумвират 43 г. до н. э.,

³⁹² Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. Вып. 3-4. СПб., 1884. С. 374-375. (перизд.: Т. I. М., 2001. С. 414-415.)

³⁹³ ...τὴν ἡγεμονίαν παραλαμβάνοντος εἰς συγκεῖμενόν τινα ἡμερῶν ἀριθμόν. – «...беря руководство на некоторое оговоренное количество дней.»

³⁹⁴ ἤρξαν τε οὗτοι ἐφ' ἡμέραν ἕκαστος, ἐναλλάξ τὸ πρόσχημα τῆς ἡγεμονίας λαμβάνοντες. – «Они властвовали каждый по одному дню, поочередно беря инсигнии высшей власти.»

³⁹⁵ Schwegler A. Op. cit. Bd. 3. S. 25.

112 II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

поскольку, также как в названных случаях, правление коллегии десяти представляло собой «чрезвычайным образом конституированную власть»³⁹⁶ Этот подход впоследствии получил поддержку видных романистов³⁹⁷, но еще современник Т. Моммзена Л. Ланге, не соглашаясь с такой оценкой, считал, что полномочия децемвиров были тождественны царским³⁹⁸ В отличие от Л. Ланге те авторы, которые хронологически продлевали царскую эпоху до введения децемвирата (К. Ханелль, Э. Гьерстад³⁹⁹), противопоставляли магистратуру децемвиров как республиканскую ранней монархии, хотя отрицали между ними временной зазор.

На наш взгляд, прежде чем сближать децемвират с любым иным органом власти, следует четко ответить на вопрос о характере этой магистратуры. Как мы уже отмечали в первом параграфе главы I, позиция исследователей по нему зависит от понимания ими причин возникновения и целевого назначения коллегии децемвиров. Направление, основателем которого был Б. Нибур, трактующее появление децемвирата как реорганизацию государственной системы⁴⁰⁰, характеризует его в качестве ординарной магистратуры. Другое направление, берущее начало от Т. Моммзена, рассматривает децемвират в качестве экстраординарного органа власти⁴⁰¹ Мы уже отмечали в первой главе, что именно второй подход позволяет создать логически непротиворечивую историческую модель децемвирата, учитывающую весь комплекс источниковой информации о нем. В свою очередь, признавая коллегию десяти мужей чрезвычайной магистратурой, мы неизбежно должны отказаться от сближения ее с органами системы ординарной власти. Но, обращая в поисках аналогий взоры на чрезвычайные структуры, мы, не отрицая

³⁹⁶ *Mommsen Th. Abriss...* S. 188-189.

³⁹⁷ См., например: *Kaser M. Römische Rechtsgeschichte*. Göttingen, 1978. S. 98. Интересно, что к этому выводу приближаются современные отечественные исследователи, в частности, А. В. Еремин считает, что «децемвират и диктатура Суллы имели много общего» (*Еремин А. В. Диктатура Луция Корнелия Суллы: характеристика института // Античное государство: Политические отношения и государственные формы в античном мире. Сб. статей / Под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 2002. С. 117*).

³⁹⁸ *Lange L. Op. cit.* S. 624-625.

³⁹⁹ *Hanell K. Op. cit.* S. 165; *Gjerstad E. The Origins of the Roman Republic // Entretiens sur l'antiquité classique*. 1967. Vol. 13. P. 22-27.

⁴⁰⁰ *Niebuhr B. G. Römische Geschichte*. (1812). S. 107-144; (1853). S. 526-539, 553.

⁴⁰¹ *Karlowa O. Op. cit.* S. 103; *Schiller H., Voigt M. Die römischen Staats-, Kriegs- und Privataltertümer*. Nördlingen, 1887. S. 504; *Зиновьев А. Римские древности. Описание общественной и частной жизни древних римлян*. М., 1884 С. 76; *Lange L. Op. cit.* Bd. 1. S. 915; *Siber H. Römisches Verfassungsrecht in geschichtlicher Entwicklung*. Lahr, 1952. S. 77; *Маяк И. Л. Римляне ранней Республики...* С. 60 и др.

2.2. Объем полномочий и практическая деятельность децемвиров 113

определенной общности децемvirата с сулланской и цезарианской диктатурами, так же как и с триумvirатом *rei publicae constituendae*, все же полагаем, что еще теснее он связан с органами чрезвычайной власти ранней Республики – диктатурой и консульским трибуналом. Если со вторым его сближает коллегиальность и годичность полномочий, а также же избрание, а не назначение должностных лиц, то с первой – отсутствие провокации и трибунской интерцессии на решения магистратов. Те различия, которые находит между раннереспубликанской диктатурой и децемvirатом Н. В. Чеканова, – первоначально исключительно военный характер диктатуры и большая авторитарность децемvirата⁴⁰² – усмотреть может только непросвещенный взгляд, мы же их отрицаем.

Итак, мы назвали самое заметное сходство раннереспубликанской диктатуры с децемvirатом – невозможность обжаловать на народном собрании действия носителей империя в отношении судебных приговоров гражданам. Показания источников об этом однозначны. Ливий неоднократно подчеркивает их статус *sine provocatione* (*Liv.* III. 32. 6; 36.4; 41. 7). В частности, он говорит, например: «Постановлено было избрать децемvиров без допущения провокации и никаких других магистратов в этом году не иметь» (*Liv.* III. 32. 6)⁴⁰³ Весьма определенно высказывается по этому поводу Цицерон: *atque ut Xviri maxima potestate sine provocatione crearentur* («и чтобы были избраны децемvиры, наделенные величайшей властью без подчинения провокации» – *Cic. De rep.* XXXVI. 61)⁴⁰⁴ Подтверждают изъятие децемvиров из сферы действия права провокации Помпоний (*Dig.* I. 2. 2. 4)⁴⁰⁵ и Зонара (*Zon.* VII. 18)⁴⁰⁶ Естественно, что при таком совпадении сведений источников, наблюдается, как было отмечено, поверхностное единодушие по этому вопросу и в историографии⁴⁰⁷ Однако проблема кроется глубже, и состоит она в

⁴⁰² Чеканова Н. В. Указ. соч. С. 26-27.

⁴⁰³ *Placet creari decemviro sine provocatione, et ne quis eo anno alius magistratus esset.*

⁴⁰⁴ *atque ut Xviri maxima potestate sine provocatione crearentur.* См. также: *Cic. De rep.* II. XXXI. 54: *...et quod proditum memoriae est, Xviro, qui leges scripserint, sine provocatione creatos...* – «...и повествование передает, что децемvиры, которые составили законы, были избраны без подчинения провокации...»

⁴⁰⁵ *...neque provocatio ab eis sicut a reliquis magistratibus fieret.* ...и провокация не осуществлялась по отношению к ним, как к другим магистратам.»

⁴⁰⁶ *...μηδεμίαν τε δίκην ἐφέσιμον ἀπ' αὐτῶν γενέσθαι προσεψήφισαντο...* – «...никакое судебное решение, исходившее от них, не допускало обжалования посредством голосования народа...»

⁴⁰⁷ См., например: *Madvig J.* Op. cit. Bd. I. S. 499; *Karlowa O.* Op. cit. S. 104; *Jones Stuart H.* *The Early Republic. The Decemvirate and The Twelve Tables* // *The Cambridge Ancient*

114 II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

том, существовало ли вообще в период функционирования децемвирата законодательно оформленное право провокации к народному собранию на решения магистрата, касавшиеся сурового наказания граждан.

Первым, кто создал концепцию провокации как важного элемента конституционного устройства Рима, был Теодор Моммзен⁴⁰⁸, который, по словам Йохена Бляйкена, «предпринял, без сомнения, гениальную попытку объяснить провокацию и определить ей центральное и прочное место в его государственной и уголовно-правовой системе»⁴⁰⁹. В соответствии с гипотезой Т. Моммзена, нередко называемой в историографии «универсальной теорией провокации»⁴¹⁰, право апеллировать к народу возникло в царскую эпоху (о чем свидетельствует античная традиция), но носило тогда необязательный характер⁴¹¹. В 509 г. до н. э., одновременно с основанием Республики, был принят закон Валерия Публикола о провокации, а затем еще два закона – Валерия и Горация в 449 г. до н. э., после устранения децемвирата, и закон Валерия 300 г. до н. э. По Т. Моммзену, провокация была основным гражданским правом с самого начала Республики: она была законным средством для гражданина опротестовать приговор магистрата, выступавшего в роли суда первой инстанции, в суде второй инстанции – народном собрании. Суд комиций выступал в качестве «инстанции помилования». Таким образом, Т. Моммзен рассматривал республиканский уголовный процесс как комбинированный, магистратско-комициальный⁴¹². Попытался пересмотреть концепцию Т. Моммзена Х. Брехт, согласно взгляду которого в Риме ранней Республики существовал лишь комициальный уголовный

History. Vol. VII. Cambridge, 1928. P. 459; von Fritz K. Op. cit. P. 134; Werner R. Op. cit. S. 280; Jones A. H. M. Op. cit. P. 34; Poma G. Op. cit. P. 137.

⁴⁰⁸ Mommsen Th. Römische Strafrecht... S. 473-475.

⁴⁰⁹ Bleicken J. Ursprung und Bedeutung der Provocation // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. R. A. Weimar, 1959. Bd. 76. S. 325.

⁴¹⁰ Martin J. Die Provocation in der klassischen und späten Republik // Hermes. 1970. Bd. 98. S. 73.

⁴¹¹ Mommsen Th. Römische Staatsrecht... Bd. 2. S. 11. Сторонниками отнесения к царской эпохе возникновения права провокации в современной науке являются, например, С. Тондо и Б. Санталочия. См.: Кофанов Л. Л. Lex Valeria de provocatione 509 г. до н. э. и начало разделения римского права на публичное и частное // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2001. № 1 (8). С. 31; Л. Л. Кофанов подчеркивает, что «по крайней мере со времен Туллы Гостилия применялась апелляция к народному собранию на судебные решения царей» (Кофанов Л. Л. Характер царской власти в Риме VIII–VI вв. до н. э. // Антиковедение и медиевистика. Ярославль, 2001. Вып. 3. С. 23).

⁴¹² Из новых работ о Т. Моммзене изложение его теории провокации и ее анализ содержится в статье Франка Бене: Behne F. Volkssouveränität und verfassungsrechtliche Systematik. Beobachtungen zur Struktur des Römischen Staatsrechtes von Theodor Mommsen // Res publica reperta. Stuttgart, 2002. S. 124-136.

2.2. Объем полномочий и практическая деятельность децемвиров 115

процесс, а магистрат выступал в нем лишь как инициатор возбуждения того или иного дела⁴¹³. Й. Бляйкен, опираясь на давний тезис о неисторичности двух первых законов о провокации⁴¹⁴, исходящий из признания дублетами консульских пар 509 и 449 гг. до н. э. (Valerius Noratius)⁴¹⁵, пришел к выводу об отсутствии в V-IV вв. до н. э. вообще, как такового, магистратско-комициального уголовного процесса, основанного на праве провокации⁴¹⁶. Представление о том, что только lex Valeria 300 г. до н. э. последний из трех первых упоминаемых античными авторами законов о провокации следует считать историчным, укрепилось в литературе, во всяком случае, оно привело к тому, что внимание исследователей последнего тридцатилетия сосредоточилось именно на этом законе⁴¹⁷.

В отличие от авторов, отрицающих реальность двух первых республиканских законов о провокации, информацию о них считал достоверной Андре Магделен, посвятивший этим законам специальную работу и проследивший изменения в их содержании⁴¹⁸. В. Н. Токмаков также рассматривает эти законы как действительно заложившие основы правового суверенитета римского народа⁴¹⁹: глубокие наблюдения о том, что под действие закона 509 г. до н. э. попадали только члены центуриатного собрания и войска, а плебеи из категории *infra classem* – нет, тогда как закон 449 г. до н. э. распространялся на всех граждан пяти цензовых разрядов, позволили ему привести очень весомый аргумент в пользу необходимости повторного принятия закона, а следовательно – историчности обоих названных законов.

⁴¹³ Brecht H. Zum römischen Komitialverfahren // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. R. A. Weimar, 1959. Bd. 59. S. 261-314.

⁴¹⁴ Meyer Ed. Untersuchungen... S. 626. Эд. Мейер полагал, что консулат первого года Республики Валерия Публикола является фальсификацией, а следовательно, не может считаться историчным первый закон о провокации. Существование права провокации до децемвирата он отвергал на том основании, что находил во главе ординарной исполнительной власти единоличного магистрата (*magister populi*), изъятого из подчинения этому праву.

⁴¹⁵ Arangio-Ruiz V. Storia del diritto romano. Napoli, 1940. P. 74; Heuß A. Zur Entwicklung des Imperiums der römischen Oberbeamten Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. R. A. Weimar, 1944. Bd. 64. S. 114.

⁴¹⁶ Bleicken J. Ursprung und Bedeutung der Provocation... S. 324-377; *idem*. Provocatio // Paulys Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. Bd. XXIII. Sp. 2443-2464.

⁴¹⁷ Martin J. Die Provocation in der klassischen und späten Republik... S. 72-96; Bauman R. A. The Lex Valeria de provocatione of 300 B. C. // Historia. 1973. Bd. XXII. P. 34-47.

⁴¹⁸ Magdelain A. «Provocatio ad Populum» // Magdelain A. Ius imperium auctoritas. Roma, 1990. P. 582-588.

⁴¹⁹ Токмаков В. Н. Роль центуриатных комиций в развитии военной организации Рима ранней Республики // ВДИ. 2002. № 2. С. 155.

116 II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

В данном исследовании мы, отвлекаясь от проблемы собственно реконструкции уголовного процесса раннереспубликанского периода, выходящей за рамки нашей работы, обратим внимание на подчеркиваемую античными авторами (*Liv.* III. 55. 4; *Cic. De rep.* II. XXXI. 54)⁴²⁰ прямую связь между деятельностью коллегий децемвиров без провокации и *lex Valeria Horatia de provocatione* 449 г. до н. э. Отрицание историками достоверности сообщений античной традиции об этом законе возможно, разумеется, в такой ситуации только «в связке» с отрицанием сведений о децемвирате. Пытаясь выйти из этого затруднения (ибо отрицать вообще факт существования магистратуры децемвиров в середине V в. до н. э. абсурдно в силу признания подавляющим большинством антиковедов реальности результатов ее деятельности) исследователи, стоящие на позиции отрицания двух первых законов о провокации, отстаивают неисторичность второго децемвирата⁴²¹. Мы же, как это обосновывалось в первой главе, придерживаемся точки зрения о реальности второй коллегии децемвиров и адекватном в целом отражении истории ее правления в сочинениях древних авторов. Поэтому создаваемая нами историческая модель децемвирата заставляет считать наиболее соответствующей римской исторической действительности «универсальную теорию провокации» Т. Моммзена, несмотря на всю ее массивную критику в исследованиях XX в.

Таким образом, мы полагаем, что именно представление о существовании права провокации в первые шестьдесят лет Республики, не

⁴²⁰ *Liv.* III. 55. 4: *Aliam deinde consularem legem de provocatione, unicum praesidium libertatis, decemvirali potestate eversam, non restitunt modo, sed etiam in posterum muniunt sanciendo novam legem, ne quis ullum magistratum sine provocatione crearet...* – «Затем они не только восстановили закон о провокации по отношению к консулам, единственный оплот свободы, уничтоженный властью децемвиров, но даже и укрепили его на будущее, объявив действительным новый закон, по которому никакие магистраты не могли быть избраны неподверженными провокации...»

Cic. De rep. II. XXXI. 54: *et quod proditum memoriae est, xviros, qui leges scripserint, sine provocatione creatos, satis ostenderit reliquos sine provocatione magistratos non fuisse; Luciique Valerii Potiti et M. Horatii Barbati, hominum concordiae causa sapienter popularium, consularis lex sanxit, ne qui magistratus sine provocatione crearetur...* – «...и повествование, передающее, что децемвиры, которые составили законы, были избраны без подчинения провокации, вполне показывает, что не было других магистратов, неподверженных провокации; и консульский закон Луция Валерия Потита и М. Горация Барбата ради согласия сограждан благоразумно установил, чтобы ни один магистрат не избирался неподчиненным провокации...»

⁴²¹ Эту точку зрения нередко связывают с трудом К. Ю. Белоха, в котором она действительно постулируется (*Beloch K. J. Op. cit.* S. 9, 242), но появилась она ранее.

2.2. Объем полномочий и практическая деятельность децемвиров 117

идущее вразрез со сведениями нарративных источников, а наоборот, на них основывающееся, подтверждается комплексом информации о децемвирате, что свидетельствует о внутренней непротиворечивости данных античной традиции и принципиальной возможности использования их для построения теорий римской политической системы этого времени.

Сказанное приводит нас к утверждению о действительно имевшем место изъятии коллегий децемвиров из сферы действия права провокации, законодательно оформленного до введения этой магистратуры в римскую конституцию.

Обратимся теперь к вопросу о том, осуществлялось ли против децемвиров право интерцессии (*ius intercessionis*). Поскольку источники однозначно отмечают прекращение полномочий плебейских трибунов при вступлении десяти мужей в должность, разумеется, речь может идти не о трибунской, а лишь о коллегиальной интерцессии. Коллегиальную интерцессию фиксирует Ливий для первых децемвиров, противопоставляя им в этом отношении членов второго децемвирата, ликвидировавших право взаимного обжалования (*Liv. III. 36. 6*)⁴²² Подтверждает информацию Ливия Дионисий Галикарнасский (*Dionys. X. 59, 60*). Эти сведения естественным образом вписываются в общую схему механизма функционирования органов римской исполнительной власти, в том виде, как она нами реконструируется. Если высшая магистратура была коллегиальной, то ее члены могли наложить запрет на решения друг друга, независимо от того, являлась их должность ординарной или чрезвычайной. На наш взгляд, коллегиальность (*par potestas*) и коллегиальная интерцессия – понятия в римском публичном праве неразделимые, ибо без права наложить вето на действия товарища по должности коллегиальность не мыслилась, в этом праве заключалась ее суть, оно было главной ее характеристикой. Косвенным свидетельством в пользу существования коллегиальной интерцессии для децемвиров может служить и то, что обладатель империя из их числа имел в своем сопровождении 12 ликторов с фасками, как консул, а не 24, как диктатор, притом, что подобно диктатору был чрезвычайным магистратом

⁴²² *nam praeterquam quod in populo nihil erat praesidii sublata provocatione, intercessionem quoque consensu sustulerant, cum priores decemviri appellatione collegae corrigi reddita ab se iura tulissent et quaedam, quae sui iudicii videri possent, ad populum reiecerant.* – «Дело в том, что кроме устранения защиты у народа путем отмены провокации, и интерцессия была единогласно упразднена, в то время как первые децемвиры апелляцией коллег исправляли свои судебные постановления, или передавали народу дела, казалось бы, подлежащие их суду.»

118 II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

без подчинения провокации. Наши наблюдения над закономерностями реализации полномочий магистратов и символизирующими их власть атрибутами позволяют высказать утверждение, что количество ликторов у высшего должностного лица зависело не от характера (экстраординарного или ординарного) его магистратуры, не от подчинения его праву провокации, не от срока полномочий (годового, полугодового или пятидневного), а от наличия или отсутствия коллег. Поэтому двенадцать ликторов у держателя фасок из числа децемвиров (*praefectus decemvirogum, princeps inter decemviros*) можно рассматривать как аргумент в пользу того, что он в этот момент все равно оставался носителем коллегиальных полномочий со всеми вытекавшими отсюда последствиями, в первую очередь возможностью подвергнуться интерцессии со стороны остальных девяти соправителей. Несоблюдение этого правила вторыми децемвирами должно быть расценено как конституционное нарушение в числе других, совершенных ими и направленных на узурпацию власти.

Делая вывод о существовании коллегиальной интерцессии в деятельности децемvirата (до тех пор, пока он оставался конституционным органом) мы должны задаться вопросом о том, была ли эта интерцессия единственным легитимным средством воздействия на принимаемые решения. Для начала заметим, что с прекращением полномочий плебейских трибунов гражданский коллектив лишился права помощи против антиплебейских мер магистратов, которым наделялись защитники плебса. Мнение И. В. Нетушила⁴²³ о передаче *ius auxilium* плебейских трибунов самим децемвирам нам представляется необоснованным. Ибо слова Ливия о том, что плебеи при децемвирах не нуждались в помощи трибунов (*Liv. III. 34. 8*)⁴²⁴, на которые он опирался, не могут считаться аргументом в пользу такой точки зрения. Другой его довод, заключающийся в том, что только при переносе *ius auxilium* на децемвиров плебеи согласились бы на отмену трибуната, также ненадежен, поскольку мотивы такого их согласия можно, усматривать, например, в стремлении к записи законов. Вообще, мы полагаем, что *ius auxilium* было специфическим правом плебейских трибунов и «де-легироваться» никому не могло.

⁴²³ Нетушил И. В. Очерк... С. 168.

⁴²⁴ ...ne tribunicium quidem auxilium, cedentibus in vicem apellatione decemviris, quaerebat. – «...даже не искали помощи трибунов, так как децемвиры при апелляции взаимно уступали.»

2.2. Объем полномочий и практическая деятельность децемвиров 119

Теперь вернемся к вопросу о том, можно ли считать коллегиальную интерцессию фактически единственным методом политического давления на принимаемые децемвирами решения. В условиях, когда не могла осуществляться провокация к народу, когда не было плебейских трибунов, наделенных *ius auxilium*, интерцессия со стороны товарищей по должности, на первый взгляд, может рассматриваться как единственный способ противодействия распоряжениям децемвиров, что иногда и делалось в литературе⁴²⁵. Однако мы полагаем, что рычаги воздействия на децемвиров непременно должен был иметь сенат, во всяком случае, действенным средством его влияния была *auctoritas patrum*. Сенат в ранней Республике не утрачивал контроль даже над единоличными диктаторами. Поэтому, на наш взгляд, корректировка конкретных шагов децемвиров в государственном управлении осуществлялась не только изнутри самой правившей коллегии, но и со стороны такого важного органа римской общины, как сенат. Это подтверждается описанием в наших источниках событий, связанных с ликвидацией второй коллегии децемвиров, а именно сведениями об активном участии в данном акте сенаторов (*Liv.* III. 39-41, 51, 52, 54).

Охарактеризованный нами объем полномочий определил конкретную практическую деятельность децемвиров. Будучи носителями высшего магистратского империя они выступали в качестве военных руководителей общины. В том числе они осуществляли набор воинов (*Liv.* III. 41. 7), командовали войсками при ведении военных действий (*Liv.* III. 41. 9-10). Ливий описывает полководческую деятельность вторых децемвиров как сплошь неудачную: воины, ненавидя узурпаторов, не желали добиваться побед под руководством децемвиров и проигрывали сражения, покрывая позором и себя, и полководцев (*Liv.* III. 42. 2)⁴²⁶. Как отмечает И. Л. Маяк, командование полководцев-децемвиров было неавторитетным, к тому же плебеи, под воздействием агитации против них, воевали неохотно⁴²⁷. Римские войска, возглавляемые децемвирами, потерпели поражения от сабинян и эквов (*Liv.* III. 42. 3-5).

⁴²⁵ Becker W. Op. cit. S. 135.

⁴²⁶ *Illa modo in ducibus culpa quod ut odio essent civibus fecerant: alia omnis penes milites noxia erat, qui ne quid ductu atque auspicio decemvirosum prospere usquam gereretur vinci se per suum atque illorum dedecus patiebantur.* – «Вина военачальников состояла только в том, что они вызывали ненависть граждан: во всем остальном виноваты были воины, которые не стремились исполнять долг и побеждать под командованием и auspiciis децемвиров, но терпели бесчестие сами и позорили их.»

⁴²⁷ Маяк И. Л. Римляне ранней Республики... С. 45.

120 II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Империй в римском политическом устройстве и общественном сознании (при тесной взаимосвязи *ius publicum* и *fas*⁴²⁸) был сопряжен с правом ауспий – возможность вступать в общение с богами от имени всех граждан была прерогативой высших магистратов, в том числе и децемвиров, на что обратил внимание Пьер-Шарль Рануй⁴²⁹, и с чем мы безусловно согласны. Абсолютно ясно, что децемвиры совершали *auspicia publica* при проведении военных и гражданских мероприятий.

В гражданской сфере децемвиры также осуществляли права, вытекавшие из *imperium*. Они созывали комиции и председательствовали на них (*Liv.* III. 34. 1; 35. 9), созывали сенат (*Liv.* III. 38. 6, 12, 13; *Gell.* N. A. XIV 75) и начинали речь его заседание (*Liv.* III. 39. 2). Децемвиры выполняли в большом объеме судебные функции: регулярно председательствовали на судебных заседаниях (*Liv.* III. 33. 8), выступали в роли как судей, так и обвинителей на судебных процессах (*Liv.* III. 33. 9-10; *Cic.* De ger. II. XXXI. 61). В последнем случае Ливий и Цицерон подчеркивают, что децемвир Гай Юлий, когда в доме другого децемвира, Публия Сестия (у Цицерона названного Луцием Сестием) откопал труп, предоставил народу возможность вынести приговор, взяв на себя функции обвинителя. Тем самым, Гай Юлий добровольно ограничил собственную компетенцию по вынесению судебного приговора, передав народу право решить судьбу Сестия⁴³⁰

Децемвиры в своей практической деятельности лишали почетных прав отдельные категории граждан. В частности, как свидетельствует Плутарх в «Римских вопросах» (*Plut.* Quaest. Rom. 55. 277 F), они отобрали у флейтистов, обеспечивавших музыкальное сопровождение священнодействий, данные им царем Нумой привилегии, но потом стороны нашли компромисс. Ливий, говоря о судебных решениях децемвиров, отмечает, что члены первой коллегии выносили «всем – и лучшим и худшим – решительные и непреложные, как у оракула, приговоры» (*Liv.* III. 34. 1). Вторые же децемвиры, согласно изложению римского историка, пристрастно разбирали дела, жестоко и своевольно решая людские судьбы, причем патрициев не трогали, жертвами их судебного произвола оказывались только плебеи. «Люди, а не дела становились объектом разбирательства, и решение определялось не справедливостью, а благосклонностью» (*Liv.* III. 36. 7)⁴³¹. Таким образом,

⁴²⁸ См.: Дементьева В. В. Римское «божественное право»: проблема содержания понятия *fas* // *Tabularium. Труды по антиковедению и медиевистике.* М., 2003. Т. 1. С. 8-17.

⁴²⁹ *Ranouil P.-Ch.* Recherches sur le Patriciat (509-366 avant J.-C.). Paris, 1975. P. 34.

⁴³⁰ *Magdelain A.* "Provocatio ad Populum" P. 587.

⁴³¹ *Hominum, non causarum toti erant, ut apud quos gratia vim aequi haberet.*

2.2. Объем полномочий и практическая деятельность децемвиров 121

«перерождение» децемвирата из легитимного органа во внеконституционный при второй коллегии сказалось и на реализации децемвирами властных функций.

Специфической деятельностью децемвиров была письменная фиксация законов. Осуществление ее также опиралось на *summiū impregiū* данных магистратов. Результатом этой деятельности стали законы XII таблиц, практически безоговорочно признаваемые современной историографией отдельным памятником римского права. Однако такое представление сложилось не сразу, поскольку один из первых исследователей текста законов XII таблиц Эдуард Ламбер в начале XX в. пришел к выводу, что они не являлись особым законодательным памятником, во всяком случае, их существование в таком качестве столь же мало достоверно, как и двух досок заповедей Моисея⁴³². Признание в современной романистике законов XII таблиц реальным вкладом децемвиров не снимает для исследователей вопросов о том, как шел процесс составления законов, когда и каким способом они утверждались и публиковались.

Историки, настаивающие на существовании одной коллегии децемвиров, полагают, что все двенадцать таблиц были записаны этой единственной коллегией. Так, Б. В. Никольский аргументировал это утверждение тем, что «Помпоний не знает двух призывов децемвиров и одним и тем же лицам приписывает составление всех 12 таблиц уложения»⁴³³. Ойген Тойблер заострял внимание на противоречии в словах Диодора: сначала тот говорит о первых децемвирах, что они закончили составление законов (*Diod. XII. 23*)⁴³⁴, а затем о вторых, — что они не смогли закончить эту работу (*Diod. XII. 24*)⁴³⁵. Основываясь на этой несообразности в тексте Диодора, немецкий исследователь делал вывод, что греческий автор механически соединил фрагменты своих первоисточников⁴³⁶, а это в свою очередь, лишало, по его мнению, аргументации точку зрения о записи законов в два приема и соответственно о двух коллегиях децемвиров. Однако, на наш взгляд, устойчивое представление в античной традиции о двух коллегиях децемвиров (*CIL. I. P. 16; Liv. III. 34. 7; Cic. De rep. II. XXXI. 61; Diod. XII. 24; Dionys. X. 58; Eutrop. I. 18; Macrob. Sat. I. 13. 21; Zonar. VII. 18*) и к тому же отсутст-

⁴³² Lambert E. Op. cit. P. 13. Критику этой точки зрения см.: Покровский И. А. История римского права. СПб., 1998. С. 119.

⁴³³ Никольский Б. В. Указ. соч. С. 18.

⁴³⁴ οὗτοι τοὺς νόμους συνετέλεσαν.

⁴³⁵ οὗτοι δὲ τοὺς νόμους οὐκ ἡδυνήθησαν συντελέσαι.

⁴³⁶ Täubler E. Untersuchungen... S. 14-19.

122 II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

вие прямых указаний, что коллегия была одна (напомним, что Помпоний, Тацит, Флор, Аврелий Виктор обобщенно говорят о децемвирах, но отнюдь не уточняют количество коллегий, поэтому ссылки на них в доказательство существования единственной коллегии некорректны) заставляют признать «позтапность» записи законов. Таким образом, в соответствии с античной традицией мы относим составление десяти таблиц к первому децемвирату, а двух – ко второму.

Как, кем и когда утверждались законы XII таблиц – по этому поводу мнения исследователей также расходятся. Так, Жак Эргон полагал, что законы вводились просто декретом децемвиров на основании их экстраординарных полномочий⁴³⁷ Иной взгляд – что только через решение центуриатных комиций можно было принять эти законы – отстаивали Отто Карлова и Франческо Де Мартино⁴³⁸ Мы можем разделить этот, второй подход, поскольку, во-первых, именно ему можно найти подтверждение в источниках (*Liv.* III. 34. 2, 6; *Dionys.* X. 57)⁴³⁹, а во-вторых, только принятый в комициях акт можно назвать законом в римском смысле этого слова (*lex*), тем более, что речь идет о целом комплексе законов. Ни какие магистраты в раннереспубликанском Риме, будь то ординарные или чрезвычайные, обладая правом законодательной инициативы, не могли сами, без голосования в комициях, утвердить закон, и децемвиры, хотя они осуществляли составление текста и запись законов XII таблиц, не могли, по нашему глубокому убеждению, принять их только на основе «собственных экстраординарных полномочий».

Каждую ли таблицу по очереди, в порядке составления и через определенные временные интервалы ставили на голосование в комициях, по несколько ли таблиц за ряд приемов или все первые десять утверждались одновременно? Б. В. Никольский считал, что «децемвиры публиковали свое законодательство по отделам в течение года и нескольких месяцев»⁴⁴⁰ Однако Ливий дает основание полагать, что десять таблиц, составленных первой коллегией децемвиров, были одновременно выставлены для ознакомления с ними граждан, обсуждения и сбора замечаний и предложений (III. 34. 1-5). По каждой главе выска-

⁴³⁷ *Heurgon J.* Op. cit. P. 171.

⁴³⁸ *Karlowa O.* Op. cit. S. 105; *De Martino F.* Op. cit. (1958). P. 252.

⁴³⁹ *Liv.* III. 34. 6.: *centuriatis comitiis decem tabularum leges perlatae sunt...* – «десять таблиц законов передали в центуриатные комиции...»; *Dionys.* X. 57: *ἐπεὶ τὰ τὸν δῆμον καλέσαντες εἰς τὴν λοχίτην ἐκκλησίαν...* ...потом созвав народ на центуриатные комиции...»

⁴⁴⁰ *Никольский Б. В.* Указ. соч. С. 23.

2.2. Объем полномочий и практическая деятельность децемвиров 123

зывались замечания, вносились соответствующие поправки, и только после этого законы десяти таблиц были переданы на голосование по центуриям (III. 34. 6). Слова Ливия подтверждаются сообщением Дионисия Галикарнасского: «Десять мужей, начертав законы из греческих законов и своих собственных неписаных обычаев, выставили на десяти досках, чтобы каждый желающий рассмотрел, и, приняв все поправки частных лиц, ко всеобщей радости внесли исправления в написанное» (Dionys. X. 57)⁴⁴¹ Далее Дионисий повествует об утверждении законов сначала в сенате, а затем в народном собрании. Таким образом, показания источников противоречат мнению Б. В. Никольского о регулярном, с 24-х дневным интервалом, вынесении разделов всех XII таблиц, составленных якобы одной коллегией, на утверждение в комициях.

Источники, как мы видели, разделяют процесс составления законов на два этапа – сначала десять таблиц, затем еще две. Это делает даже Помпоний, не акцентирующий внимание на двух призывах децемвиров, но указывающий, что две таблицы были прибавлены в следующем году (Dig. I. 2. 2. 4)⁴⁴² Обратим внимание, что Ливий относит завершение работы над двумя таблицами ко времени до истечения срока полномочий вторых децемвиров (III. 37. 4)⁴⁴³, до майских ид, когда они еще не стали частными лицами. О том, когда две составленные последними таблицы были утверждены, Ливий прямо не сообщает. Он пишет, что вторые децемвиры отказывались сложить с себя полномочия, пока не будут приняты законы (III. 51. 13), но в промежутке от этого фрагмента до констатации отставки децемвиров (III. 54. 6) об утверждении двух таблиц законов ничего не упоминает. Затем, излагая события консульства Валерия и Горация, приводит содержание их собственных законов, а о XII таблицах сообщает, что они были выставлены для всеобщего обозрения вырезанными на меди (III. 57. 10).

⁴⁴¹ οὗτοι οἱ δέκα ἄνδρες συγγράψαντες νόμους ἐκ τε τῶν Ἑλληνικῶν νόμων καὶ τῶν παρὰ σφίσιν αὐτοῖς ἀγράφων ἔθισμῶν προὔθηκαν ἐν δέκα δέλτοις τῷ βουλευμένῳ σκοπεῖν, δεχόμενοι πᾶσαν ἐπανόρθωσιν ἰδιωτῶν καὶ πρὸς τὴν κοινὴν εὐαρέστησιν ἀπευθύνοντες τὰ γραφέντα.

⁴⁴² Qui ipsi animadverterunt aliquid deesse istis primis legibus ideoque sequenti anno alias duas ad easdem tabulas adiecerunt: et ita ex acceden<ti> appellatae sunt leges duodecim tabularum. – «Они обратили внимание, что в этих первых законах кое-чего не достает, и в следующем году к тем таблицам добавили еще две: и так из-за этого увеличения законы получили название двенадцати таблиц.»

⁴⁴³ Iam et processerat pars maior anni et duae tabulae legum ad prioris anni decem tabulas erant adiectae... – «И уже прошла большая часть года, и две таблицы законов были добавлены к десяти таблицам предыдущего года...»

124 II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Диодор Сицилийский, отмечая, что вторая коллегия децемвиров была избрана для завершения записи законов (*Diod. XII. 24*), в отличие от других античных авторов, связывает начертание двух таблиц не с децемвирами, а со сменившими их консулами Валерием и Горацием. Он сообщает, что эти консулы, «так как из-за произошедшей смуты законы не были закончены, завершили их составление; поскольку из так называемых двенадцати таблиц было составлено только десять, оставшиеся две начертали консулы»⁴⁴⁴ И продолжает: «когда закончены были основополагающие законы, начертав их на двенадцати медных досках, консулы тогда прибили их гвоздями, установив перед входом в сенат» (*Diod. XII. 26*)⁴⁴⁵

Итак, текст Ливия позволяет предполагать, что во время правления вторых децемвиров составленные ими две таблицы законов утверждены не были (возможно даже, что не были и обнародованы), следовательно, голосование в комициях для одобрения содержания произошло уже при консулах Валерии и Горации (во всяком случае, при них была осуществлена публикация полного текста всех XII таблиц). Собственно факт опубликования и принятия при этих консулах законченного законодательства децемвиров подтверждает, как мы видели, и Диодор. Вероятно, знание обстоятельств публикации и утверждения последних двух таблиц и привело к тому, что Диодор посчитал составителями их также Валерия и Горация. Скорее всего при определении их авторства следует предпочесть версию Ливия, поскольку она подкрепляется римской исторической традицией. Даже Макробий пишет: *decem viros, qui decem tabulis duas addiderunt* («децемвиры, которые прибавили к десяти таблицам две...») – *Macrob. Sat. I. 13. 21*).

Таким образом, десять таблиц, составленных первой коллегией десяти мужей, были ими обнародованы и поставлены на голосование в центуриатных комициях. Две последние по времени записи таблицы мы относим к результатам деятельности второй коллегии децемвиров, а публикацию их и принятие в качестве законов ко времени консулата Валерия и Горация.

⁴⁴⁴ ἐπὶ δὲ τούτων, ἐν τῇ Ῥώμῃ τῆς νομοθεσίας διὰ τὴν στάσιν ἀσυντελέστου γενομένης, οἱ ὕπατοι συνετέλεσαν αὐτῶν γὰρ καλουμένων δώδεκα πινάκων οἱ μὲν δέκα συνετελέσθησαν, τοὺς δ' ὑπολειπομένους δύο ἀνέγραψαν οἱ ὕπατοι.

⁴⁴⁵ καὶ τελεσθείσης τῆς ὑποκειμένης νομοθεσίας, ταύτην εἰς δώδεκα χαλκοῦς πίνακας χαράξαντες οἱ ὕπατοι προσήλωσαν τοῖς πρὸ τοῦ βουλευτηρίου τότε κειμένοις ἐμβόλοις.

2.2. Объем полномочий и практическая деятельность децемвиров 125

Кроме деятельности по составлению законов – с которой децемвиры оказались накрепко связаны в исторической памяти, к их заслугам античные авторы относят исправление календаря. В нашем распоряжении имеется два свидетельства об этом – Овидия и Макробия. В «Фастах» мы читаем:

Primus enim Iani mensis, quia ianua prima est:
qui sacer est imis manibus, imus erat.
Postmodo creduntur spatio distantia longo
tempora bis quini continuasse viri (Ovid. Fasti. II. 51-54)⁴⁴⁶

Макробий в «Сатурналиях» со ссылкой на Семпрония Тудитана⁴⁴⁷ и Кассия Гемину сообщает, что децемвиры, прибавившие к десяти таблицам две, внесли в народное собрание законодательное предложение об интеркаляциях (Macrob. Sat. I. 13. 21)⁴⁴⁸ Таким образом, у Овидия говорится о том, что февраль, будучи сначала последним месяцем года, при децемвирах стал вторым после января. Макробий пишет о внесении децемвирами законопроекта о введении дополнительного месяца в календарный год. Вставные (эмболисмические) месяцы назывались у римлян *menses intercalarii*. Такой месяц был необходим для согласования лунного астрономического года с солнечным и создания лунно-солнечного календаря, связанного с наступлением времен года (что требовалось для хозяйственной жизни). Поскольку известно, что дополнительный месяц вставляли в римский календарь после праздника Терминалий, справлявшегося 23 февраля⁴⁴⁹, февраль действительно перестал быть последним месяцем года (дни 24-28 февраля стали причислять к вставному месяцу⁴⁵⁰), и в этом отношении сведения Овидия и Макробия не противоречат друг другу. Что же касается представлений Овидия о том, что февраль вместо последнего месяца стал вторым в ре-

⁴⁴⁶ Януса месяц был первым, ворота времен отворяя, –
Месяц последний в году манам последним был свят.

Только много спустя, говорят, дважды пять децемвиров
Сделали так, что февраль следует за январем. (Пер. Ф. Петровского).

⁴⁴⁷ О Семпронии Тудитане см.: *Sehlmeyer M.* Die Anfänge der antiquarischen Literatur in Rom // *Formen römischer Geschichtsschreibung von den Anfängen bis Livius. Gattungen-Autoren-Kontexte.* Darmstadt, 2003. S. 157-171.

⁴⁴⁸ *Tuditanus refert libro tertio magistratuum decem viros, qui decem tabulis duas addiderunt, de intercalando populum rogasse. Cassius eosdem scribit auctores.*

⁴⁴⁹ *Huschke Ph. E.* Das Alte Römische Jahr und seine Tage. Breslau, 1869; *Soltau W.* Römische Chronologie. Freiburg, 1889 S. 39; *Merrill E. T.* The Roman Calendar and the Regifugium // *Classical philology the univ. of Chicago press.* 1924. Vol. XIX. P. 20-39.

⁴⁵⁰ *Michels A. K.* The Calendar of the Roman Republic. Princeton, New Jersey, 1967. P. 17-18.

126 II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

зультате календарной реформы децемвиров, то, возможно, он, исходя из юлианского календаря (по которому, действительно, начало нового года было связано с январскими календами) и зная о введении децемвирами интеркалаций, ошибочно соотнес с их деятельностью и перемещение новогодия с марта на январь⁴⁵¹ В целом, нам кажется, что есть основания признать преобразование календаря вторыми децемвирами историческим событием, хотя в литературе, на основе отрицания существования второй коллегии, иногда отрицалась и их календарная реформа⁴⁵² Обычно же исследователи, говоря о децемвирах, просто обходят этот сюжет молчанием. Дело, видимо, в том, что у того же Макробия в названном фрагменте приводятся свидетельства других древних авторов о связи введения интеркалаций с иными историческими периодами и деятелями. В данном случае коррелирующие в своей основе упоминания Овидия Назона и Макробия заставляют нас допустить достоверность факта календарных преобразований, предпринятых децемвирами. Возможно, что ранее приведенное нами свидетельство Плутарха (Quaest. Rom. 55. 277 F) о лишении привилегий флейтистов каким-либо образом было связано с тем, что февраль перестал быть последним месяцем года, а это могло как-то повлиять на проводимые торжества, в которых были задействованы флейтисты.

Подводя итоги рассмотрения вопроса об объеме полномочий и практической деятельности децемвиров, отметим, что будучи единственными представителями исполнительной власти, они обладали *summum imperium*, распространявшимся на гражданскую и военную сферы. Чрезвычайная власть римлян отличалась от ординарной не своим содержанием, не наполнением (она и в том и в другом случае охватывалась понятием *imperium*), а особым механизмом реализации империя. В данном случае децемвиры как экстраординарные магистраты (чрезвычайный характер должности проявился и в неординарном их количестве) были изъяты из-под действия трибунской интерцессии и права провокации, законодательно оформленного, на наш взгляд, в римской политической системе периода ранней Республики.

Избавленные от действия права провокации и протеста со стороны плебейских трибунов, деятельность которых была приостановлена, децемвиры были подвержены коллегиальной интерцессии (до тех пор, пока сами ей не пренебрегли, пока не стали попирали конституционные

⁴⁵¹ Вообще, Овидий уделил особое внимание январю и Янусу, которому месяц был посвящен: *Pasco-Francor M. Vates operosus: Vatic Poetics and Antiquarianism in Ovid's Fasti* // *Classical World*. 2000. Vol. 93. № 3. P. 275-291.

⁴⁵² Никольский Б. В. Указ. соч. С. 20.

2.2. Объем полномочий и практическая деятельность децемвиров 127

нормы функционирования высшей магистратуры). Вероятнее всего, децемвиры были первыми подлинно коллегиальными римскими магистратами. Вторые децемвиры не собирали народ на комиции (и, казалось бы, *cives* утратили возможность воздействия на решения высших магистратов), но для отпора их попытке узурпации власти массы приняли очень активные действия, организовав сецессию. Решительную позицию в конце концов заняли в борьбе с попыткой незаконного захвата власти и сенаторы.

Практическая деятельность децемвиров представляла собой именно реализацию на практике высшего империя и распространялась на военную, гражданско-административную и судебную сферы. Децемвиры исполняли все обязанности руководителей общины (делая это первоначально нормальным образом, а затем на втором и особенно третьем году децемвирата все более выходя за пределы конституционного поля). Децемвиры выступили как реформаторы календаря и создатели римского писаного права. Последнее, без сомнения, стало главным их вкладом в историю римского государства. Созданные децемвирами законы XII таблиц положили начало, по свидетельству Помпония (Dig. I. 2. 2. 6), *ius civile*, а по мнению Ливия, стали *fons omnis publici privatique iuris* (источником всего публичного и частного права – III. 34. 6). Письменная фиксация законов стала важным моментом и в конфликтном противостоянии двух архаических сословий, и сама по себе (отвлекаясь даже от конкретного содержания законов) может рассматриваться как достигнутый плебеями компромисс. Выдвигая требование записи обычного права, плебеи стремились таким путем ограничить власть понтификов при интерпретации правовых норм⁴⁵³ и добились в этом успеха.

Неполных три года (451–449 гг. до н. э. – два законно и третий нелегитимно) продолжалось правление децемвиров. При столь кратком сроке нахождения у власти две коллегии десяти мужей оставили весьма заметный исторический след. Для нас важно подчеркнуть влияние деятельности и самого факта существования децемвирата на римскую политическую систему. Введение данной магистратуры в римскую конституцию, как видно из проанализированного материала, было попыткой создать коллегиальную годичную чрезвычайную высшую должность. Эта попытка имела свои как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, созданием такой должности римляне добились значительного прорыва в деле упорядочения правовых норм и их письменной фиксации. С другой стороны, правление децем-

⁴⁵³ Stein P. G. Op. cit. S. 15.

128 II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

виров показало, что сосредоточение в руках коллегиального органа огромных полномочий на длительный срок чревато всплеском личных амбиций их обладателей, что может представлять угрозу для республиканских основ государства. Из этого, как положительного, так и отрицательного опыта римляне извлекли исторические уроки. Они не отказались от идеи использования годичной коллегиальной магистратуры с участием плебеев в качестве экстраординарного органа. Но они сделали вывод, что носители таких полномочий не должны быть вне сферы действия права провокации к народному собранию и не должны править в отсутствие нейтрализующего органа – плебейского трибуната. Эти политические уроки они учли при создании магистратуры консулярных военных трибунов.

2.3. Характер магистратуры децемвиров: дискуссионные вопросы

Проведенное исследование децемвирата, изложенное во всех предыдущих параграфах этой книги, дает нам основание определить его характер следующим образом: **экстраординарная коллегияльная годичная магистратура.**

Аргументация такой характеристики во всех составляющих ее компонентах приведена, историческая реконструкция магистратуры децемвиров предложена. Обсуждение, тем не менее, следует продолжить, ибо выводы об экстраординарности и коллегияльности данной магистратуры в современной специальной литературе иногда оспариваются или игнорируются. В данном параграфе мы рассмотрим дискуссионные вопросы (связанные с определением характера магистратуры децемвиров) в теоретическом, логическом и методологическом плане, поскольку наши наблюдения над конкретной информацией источников мы уже подробно осветили.

Во-первых, обратимся к проблеме возникновения коллегияльности римских магистратов, пытаясь полномасштабно ее представить, неизбежно выходя при этом за рамки собственно объекта исследования данной монографии, поскольку решение ее является важнейшим для понимания римской государственности первого века Республики. Тем более, что вопрос о времени появления самого принципа коллегияльности магистратской власти и о государственном органе, в котором он впервые реализовался в Риме, остается остро дискуссионным.

В 2001-2002 гг. опубликованы новые статьи немецкого исследователя Роберта Бунзе, посвященные данной проблеме⁴⁵⁴. Рассмотрев ранний этап существования цензорской магистратуры, Р. Бунзе пришел к выводу, что независимо от того, как датировать ее создание (согласно античной традиции, – 443 г. до н. э.), коллегияльность ее членов возникает только после 367 г. до н. э., вследствие законов Лициния-Секстия. Уделив внимание судебной претуре, созданной по этим законам, данный автор не обнаружил в ней действия принципа коллегияльности и после 242 г. до н. э. (появление второго преторского места). Данное утверждение было сформулировано как полемический ответ на признание коллегияльности преторов в изданной перед тем монографии

⁴⁵⁴ Bunsen R. Die frühe Zensur und die Entstehung der Kollegialität // *Historia*. 2001. Bd. 50. Heft 2. S. 145-162; *idem*. Die klassische Prätur und die Kollegialität (*par potestas*) // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte*. R. A. 2002. Bd. 119. S. 29-43.

130 II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

итальянского автора Карлы Мази Дория⁴⁵⁵ В целом же, основополагающий тезис Р. Бунзе, который мы в данном случае и собираемся обсуждать, сводится к тому, что коллегиальность вообще не свойственна римской раннереспубликанской истории⁴⁵⁶

Несколькими годами ранее в опубликованной в 1998 г. книге «Римская высшая должность в ранней Республике и проблема «консульского трибуната»⁴⁵⁷, главные положения которой мы уже подвергали анализу⁴⁵⁸, Р. Бунзе в главе, посвященной законам Лициния-Секстия⁴⁵⁹, выделил два параграфа «Возникновение коллегиальности» и «Коллегиальность и ее последствия», развивая в них тот же тезис об отсутствии коллегиальности римских магистратов до 367 г. до н. э. При этом он, как и другие исследователи, связывал появление коллегиальности с допуском плебеев к высшим должностям (тем самым понимая ее введение в качестве результата сословной борьбы), а также с новой структурой римского войска⁴⁶⁰ Основная идея монографии – о неисторичности такой должности как военные трибуны с консульской властью (*tribuni militum consulari potestate*) – непосредственно имеет следствием и вывод автора об отсутствии коллегиальности в первые полтора века существования республиканского устройства. Р. Бунзе полагает, что изначально, до законов Лициния-Секстия, во главе республиканского государства стояли три претора, один из которых (*praetor maximus*) имел приоритетные функции в управлении общиной. Сведения традиции о четырех- и шестиместном консульском трибунате объявляются ошибочными построениями римской анналистики, а информация источников о пяти, восьми и девятиместном консульском трибунате просто не рассматривается. Отметим, что в новой основательной монографии Роберты Стюарт об органах публичной власти в раннем Риме не только признается историчность консульского трибуната, но и констатируется (что нам в данном случае особенно интересно) коллегиальность этой должности и даже подчеркивается, что коллегиальность была фундаментальной ее особенностью⁴⁶¹ Точка зрения о первоначальной трехчленной магистратуре, приверженцем которой является Р. Бунзе, не нова в историографии, – у истоков данной теории стоял Газтано Де Санк-

⁴⁵⁵ *Doria C. M. Spretum Imperium. Napoli, 2000. P. 291, 320.*

⁴⁵⁶ *Bunse R. Die frühe Zensur...S. 159.*

⁴⁵⁷ *Bunse R. Das römische Oberamt...*

⁴⁵⁸ См.: *Дементьева В. В. Римская магистратура военных трибунов... С. 9, 28 и др.*

⁴⁵⁹ *Bunse R. Das römische Oberamt...S. 182-212.*

⁴⁶⁰ *Ibid. S. 186, 195.*

⁴⁶¹ *Stewart R. Op. cit. P. 57.*

2.3. Характер магистратуры децемвиров: дискуссионные вопросы 131

тис⁴⁶² Однако в работах Р. Бунзе эта гипотеза не подтверждается новой аргументацией, – все обстоит как раз наоборот: она постулируется как аксиома и сама служит главным аргументом для доказательства всех прочих положений.

Естественно, что концепция, признающая в качестве первой при Республике трехчленную магистратуру с неравной должностной властью занимавших ее лиц, не является единственной или, тем более, общепризнанной. Так, в недавно опубликованной фундаментальной монографии о судебной претуре Кори Бреннан назвал гипотезу о трех преторах и близкие к ней построения «реконструкциями на грани фантазии»⁴⁶³ Не поддержал К. Бреннан и гипотезу ординарной диктатуры как исходной республиканской формы исполнительной власти (*praetor maximus* как единоличный годичный диктатор)⁴⁶⁴. Не нашла поддержки теория единоличной первоначальной магистратуры Республики и в другой недавней, изданной годом ранее книги К. Бреннана, монографии Эндрю Линтотта «Конституция Римской Республики»⁴⁶⁵ Рецензируя труд Э. Линтотта, Вильфрид Ниппель написал, что автор явно скептически отнесся к существованию одноместной первоначальной высшей должности; сам же В. Ниппель, как можно судить по его докладу о чрезвычайных полномочиях в Римской Республике, не возражает против утверждения о «двойном лидерстве» в ординарной магистратуре на первом этапе республиканской истории⁴⁶⁶

Концепций, реконструирующих исполнительную власть первой фазы республиканского устройства в Риме, создано немало, основные из них мы уже представляли в своих работах⁴⁶⁷ Не повторяя ранее сказанное, отметим только в связи с интересующим нас в данный момент вопросом, что Теодор Моммзен выдвинул теорию, в соответствии с которой после изгнания царей в 509 г. до н. э. исполнительная власть в Риме была передана двум магистратам. Они первоначально назывались преторами, но впоследствии стали известны как консулы⁴⁶⁸. Эти ранние магистраты, по трактовке Т. Моммзена, имели изначально равную власть, то есть были подлинными коллегами. Тезис об осуществлении с самого

⁴⁶² *De Sanctis G.* Op. cit. P. 407.

⁴⁶³ *Brennan C.* The Praetorship in the Roman Republic. Vol. 1. Oxford, 2000. P. 23.

⁴⁶⁴ *Ibid.* P. 20-23.

⁴⁶⁵ *Lintott A.* Op. cit. P. 104.

⁴⁶⁶ *Nippel W.* Emergency Powers in the Roman Republic // *Les Cahiers du CREA.* 2000. P. 6.

⁴⁶⁷ См.: *Дементьева В. В.* Магистратура диктатора... С. 26-28; *она же.* Римское республиканское междоусобие... С. 6-9; *она же.* Римская магистратура военных трибунов... С. 8-11; *она же.* Закон... С. 30-31.

⁴⁶⁸ *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht... Bd.2. S. 74,79.

132 II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

начала Республики принципа коллегиальности высшей магистратской власти был воспринят рядом известных исследователей, в том числе, Вольфгангом Кункелем, найдя выражение в его обобщающем обширном труде о римских магистратурах⁴⁶⁹. В русле этого тезиса, но с оригинальной трактовкой развития событий, выступил японский антиковед Рьюичи Хирата⁴⁷⁰, который предложил следующую схему. В 508 г. до н. э., согласно его датировке, был изгнан Тарквиний Суперб и введена республиканская система управления посредством нескольких преторов с одним *praetor maximus* во главе. Первым *praetor maximus* был Марк Гораций в 507 г. до н. э., а затем в 506 и 505 гг. до н. э. Спурий Ларций и Тит Герминий. Вероятно, как считает Р. Хирата, именно в 505 г. Рим был завоеван этрусским царем Порсенной, и введенная система управления была временно ликвидирована. В 504 г. до н. э. Порсенна после поражения покинул Рим; в 503 г. должность *praetor maximus* занял Марк Валерий, а в 502 г. до н. э. – Публий Постумий (или наоборот). И только с 501 г. до н. э. действовали два военных предводителя с идентичным империем. Это были два претора-коллеги, которые впоследствии получили название консулов. Таким образом, по мнению Р. Хираты, коллегиальность появляется в начале Республики, связана с магистратурой преторов (консулов), но датировать ее возникновение следует лет на восемь позднее, чем это делал Т. Моммзен (при этом в гипотезе японского исследователя нашлось место в качестве самостоятельного единоличного магистрата и для вызвавшего столько споров в литературе *praetor maximus*).

Мы уже формулировали свою позицию по вопросу о первой ординарной магистратуре Римской Республики⁴⁷¹. Полагая исходной должностью постоянной исполнительной власти республиканского Рима претуру (название *praetores* мы считаем адекватным, так как античная традиция многократно оперирует этим термином, в том числе, что очень важно, при передаче текста законов XII таблиц⁴⁷²), включавшую два должностных места, мы, в отличие от Т. Моммзена, утверждаем, что эти ранние преторы не были равноправными коллегами, ибо в их магистратуре существовала иерархия должностной власти.

⁴⁶⁹ Kunkel W. Op. cit. S. 8-9.

⁴⁷⁰ Hirata R. Die Entstehung der römischen Republik und ihre erste Magistratur // Kodai. Journal of Ancient History. 1992. Vol. 2. S. 21-43.

⁴⁷¹ См., например: Дементьева В. В. Римское республиканское междунарцвие... С. 8-9; она же. Римская чрезвычайная власть эпохи ранней Республики как политико-правовой феномен // Исседон. Т. 1. Екатеринбург, 2002. С. 74-75.

⁴⁷² Tab. III. 5. (Gell. XX. 1. 47.)

2.3. Характер магистратуры децемвиров: дискуссионные вопросы 133

Поэтому мы не относим появление подлинной коллегиальности магистратов (в римском ее понимании) к первым годам или даже десятилетиям существования республиканского устройства.

Франческо Де Мартино сделал наблюдения о том, что принцип коллегиальности как таковой (не в отношении высших магистратов, а в качестве, так сказать, «общности прав» и «совместности действий») был очень древним⁴⁷³. Знаменитый итальянский исследователь считал этот принцип типичным для некоторых институтов частного права (совместное владение, совместное наследование). В публичном же праве это принцип впервые реализовался в деятельности плебейских трибунов. Оставляя в стороне обсуждение тезиса о принципе коллегиальности в частном праве (поскольку не считаем себя достаточно компетентными для этого), согласимся, что плебейский трибунал дает первый пример коллегиальности в праве публичном. Но мы в данный момент обсуждаем вопрос о появлении именно магистратской коллегиальности, поэтому (так как не рассматриваем плебейских трибунов в качестве магистратов, — из-за отсутствия закрепленной за ними определенной сферы государственного управления мы не можем отнести их к исполнительной власти, каковой собственно и были магистраты) обратимся к вопросу о возникновении коллегиальности в деятельности должностных лиц с империем.

Для того, чтобы предметно вести речь о том, какая высшая магистратура может считаться первой коллегиальной, мы должны подробнее остановиться на содержании понятия «коллегиальность» применительно к римской политической практике, ибо расхожие представления о том, что коллегиальность — это синоним понятия «неоднородность» магистратуры (более одного должностного места), представляются нам упрощенными и не вполне корректными, хотя в таком значении мы сами иногда этим термином пользовались.

Наличие в магистратуре нескольких должностных мест (свыше одного) является необходимым, но отнюдь не достаточным условием для того, чтобы признать ее коллегиальной: если место одно, магистратура не может быть коллегиальной, но если их два или более, это не означает, что магистратура непременно коллегиальная в римском смысле этого слова. В разделе, написанном Доменико Мусты, для известного коллективного труда по римской истории, отмечалось, что, например, пара *dictator (magister populi)* и *magister equitum* — двойная,

⁴⁷³ *De Martino F. Op. cit. (1972). Vol. 1. P. 410-411.*

134 *II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ*

но не строго коллегиальная магистратура⁴⁷⁴. Рассмотрев в свое время взаимоотношения диктатора и начальника конницы, мы тоже отказались характеризовать их как коллегиальные, не рискуя тогда даже назвать две эти должности единой магистратурой⁴⁷⁵. Римская коллегиальность – это *par potestas*, равная власть у лиц, занимавших в конкретный момент одну и ту же должность. Мы согласны с Йохеном Бляйкеном в том, что именно *par potestas* идентична римской коллегиальности⁴⁷⁶, хотя не поддерживаем его вывод, что «принцип коллегиальности был введен римлянами, по всей вероятности, в конце сословной борьбы (середина IV в. до н. э.), когда патриции должны были допустить плебеев к высшей должности»⁴⁷⁷. При этом мы тоже связываем возникновение коллегиальности с сословной борьбой, но этот успех плебеев по иному датируем, о чем и шла у нас речь в первом параграфе данной главы о составе коллегий децемвиров, где мы обосновывали плебейское представительство во второй из них.

Представление о том, что коллегиальность (в значении *par potestas*) возникает только после законов Лициния-Секстия впервые было предложено, судя по всему, в итальянской историографии и стало широко известным благодаря обобщающему труду по истории римской конституции Франческо Де Мартино⁴⁷⁸. Одним из самых первых оппонентов этого утверждения был английский историк Стюарт Стэвели, считавший, что коллегиальность появляется с созданием цензорской магистратуры⁴⁷⁹. Заметим еще попутно, что истоки коллегиальных отношений римских магистратов исследователи иногда искали у этрусков.

Публично-правовое наполнение *par potestas* – это взаимное *ius intercessionis*, возможность наложить запрет на действие коллеги. Равная, подлинная коллегиальность характеризуется наличием *intercessio*, об этом писал еще Джузеппе Луццато⁴⁸⁰. Если в магистратуре имеется иерархия должностных лиц, если один может быть назван по отношению к другому *collega maior* или *collega minor*, и соответственно право наложить вето действует односторонне – со стороны старшего коллеги в от-

⁴⁷⁴ Musti D. *Lotte sociali e storia delle magistrature* // *Storia di Roma*. Vol. 1. Torino, 1988. P. 373.

⁴⁷⁵ Дементьева В. В. Магистратура диктатора... С. 80–87.

⁴⁷⁶ Bleicken J. *Zum Begriff der römischen Amtsgewalt. Auspicium-potestas-imperium*. Göttingen, 1981. S. 266, 295 u.a.

⁴⁷⁷ *Idem*. *Die Verfassung der Römischen Republik*. 6. Aufl. Paderborn, München, Wien, Zürich, 1993. S. 77.

⁴⁷⁸ De Martino F. *Op. cit.* (1972). Vol. 1. P. 234–236.

⁴⁷⁹ Staveley E. S. *The Constitution of the Roman Republic* // *Historia*. 1956. Bd. 5. P. 99.

⁴⁸⁰ Luzzato G. *Appunti sulle dittature imminente iure* // *Studi in onore di Pietro De Francisci*. III. Milano, 1956. P. 442.

2.3. Характер магистратуры децемвиров: дискуссионные вопросы 135

ношении младшего, но не наоборот – то их власть не определяется как *par potestas*. Поэтому преторы, должность которых была введена по законам Лициния-Секстия, не объединены с консулами понятием *par potestas*, несмотря на известное выражение «*praetores consulum collegae sunt*» Марка Валерия Мессаллы, переданное Авлом Геллием (*Gell.* XIII. 15. 4). Преторы по отношению к консулам «младшие коллеги», иерархически подчиненные им⁴⁸¹

Т. Моммзен рассматривал право интерцессии как ограничение полномочий магистратов, поскольку оно могло фактически парализовать их деятельность⁴⁸² Он отмечал также, что коллегиальность имела одной из своих сторон конкуренцию между магистратами, которая сдерживалась установлением приоритетности одного из них тремя способами: смена верховенства на каждом временном отрезке, жребий, совместная деятельность⁴⁸³ Не будем забывать, что конкуренция магистратов могла преодолеваться также выделением специфической сферы занятий каждому должностному лицу (*provincia*).

Эрнст Херцог, также исходя из того, что коллегиальность – фактор, ограничивавший должностные действия магистрата, писал, что для магистратуры это негативное понятие, тогда как в других применениях она была позитивным явлением⁴⁸⁴ Он имел в виду, что, например, в религиозной жизни (жреческие коллегии) или экономической (ремесленные коллегии) коллегиальность означала наличие некоего сообщества, товарищества, члены которого были объединены совместной практикой, тогда как магистраты действовали чаще всего индивидуально. По мнению Э. Херцога, после того, как ослабло воздействие интерцессии плебейских трибунов на магистратов, само собой получилось, что позитивная сторона их коллегиальности выступила на передний план: она позволяла частично поддерживать согласованность их мероприятий⁴⁸⁵ Разумеется, оценки коллегиальности по принципу «негативный – позитивный» фактор являются относительными. То, что для магистрата было отрицательным моментом, ибо могло блокировать его решение, для общины в целом нередко могло иметь положительные последствия (хотя не исключена и возможность того, что парализованные мероприятия магистрата направлены были на благо общины). В любом случае, в прин-

⁴⁸¹ *Richard J. Cl.* Praetor collega consulis est: Contribution a l'histoire de la praeture // *Revue de Philologie*. 3 ser. 1982. Vol. 56. P. 19-31.

⁴⁸² *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht... S. 35.

⁴⁸³ *Ibid.* S. 36-37.

⁴⁸⁴ *Herzog E.* *Op. cit.* S. 582, 595-596.

⁴⁸⁵ *Ibid.* S. 606-607.

136 II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

ципальном плане появление *par potestas* магистратов объективно было шагом вперед в развитии государственно-правовых отношений Римской Республики.

Природа магистратской коллегиальности не требовала коллегиального волеизъявления (действия в унисон, по выражению Э. Линтотта⁴⁸⁶) относительно принимаемых решений, она не включала в себя обязательность совещаний для их вынесения; она требовала только молчаливого согласия каждого с действиями других. Как отмечал Ульрих фон Любтов, коллегиальность римских магистратов не означала вынесение постановлений единогласным голосованием или большинством голосов⁴⁸⁷. Этот вид коллегиальности, по мнению У. фон Любтова, основывался на тенденции, направленной на предотвращение единовластного господства. Не возражая против того, что *par potestas* очевидным образом появилась в результате отказа от приоритетности функций одного человека в сфере исполнительной власти, отметим, что, на наш взгляд, сама специфика коллегиальности в ней несет на себе «печать» недавнего единовластия. Ведь коллегиальность в значении возможности блокировать действия товарища по должности, но не в значении необходимости предварительно обсудить с ним эти действия, подразумевает косвенное признание права одного определять политическую стратегию и тактику.

Римская республиканская исполнительная власть «выросла» из единоначалия, сохранив его «наследственные» черты, в том числе и своеобразие коллегиальности. «Решение большинством голосов» в магистратуре из двух человек, да и в магистратуре с любым четным числом лиц, вообще было бы проблематичным, и четность мест означает отсутствие стремления у римлян использовать в данном случае этот «принцип большинства». Мы соглашаемся с Р. Бунзе, что *par potestas* была средством внутреннего контроля в органах государственного управления Рима⁴⁸⁸, но не можем поддержать его утверждение о том, что она имела только внутривластный смысл и не была направлена в область внешней политики, в военную сферу. Это утверждение призвано подкрепить его вывод о том, что появление второго претора не могло повлечь за собой возникновение коллегиальности, так как его введение было мотивировано внешнеполитически, прежде всего в военном отношении, что, по его мысли, с коллегиальностью никак не

⁴⁸⁶ Lintott A. Op. cit. P. 99.

⁴⁸⁷ von Lübtov U. Potestas // Pauli /Wissowa Real-Encyclopädie. Bd. 22. 1. Stuttgart, 1953. Sp. 1041.

⁴⁸⁸ Bunse R. Die klassische Prätur... S. 42.

2.3. Характер магистратуры децемвиров: дискуссионные вопросы 137

связано. В историографии есть и противоположная гипотеза о том, что коллегиальность римских магистратов появляется по причинам военной необходимости, в результате деления пешего войска на два легиона (обусловившего удвоение высшей должности). Видимо, авторство этой теории следует связать с именем П. Фраккаро⁴⁸⁹, из современных авторов ее придерживается Джузеппе Валдитара⁴⁹⁰. Но этой гипотезе не хватает определения конкретного хронологического отрезка возникновения коллегиальности.

Мы не склонны противопоставлять военные и гражданские потребности в вопросе о возникновении принципа коллегиальности и его практической реализации. Нам представляется, что после своего появления *par potestas* стала принципиальной, сущностной чертой магистратской власти, реализуемой на гражданском, военном и судебном поприще. Другое дело, что в военной сфере на одном и том же театре военных действий высшие коллегиальные магистраты попеременно (по соглашению или жребию) находились в роли держателей фасок, олицетворявших империй, что на практике означало право верховного командования с вытекавшими отсюда последствиями военной субординации, не предполагавшей оспаривание действий полководца его подчиненными. Но в этом мы тоже усматриваем проявление специфики магистратской коллегиальности: один из двух членов коллегии соглашается на действия другого, давая ему возможность единолично принять решение (при отсутствии добровольной уступки подчиняется божественной воле, выраженной посредством жребия). Исходя из вышесказанного, мы разделяем мнение Йоханнеса Михаэля Райнера, что «принцип коллегиальности должен был выкристаллизоваться в один из самых существенных в сфере магистратур»⁴⁹¹.

Подчеркнем суть своего ответа на вопрос о времени возникновения римской коллегиальности. Мы уже отметили, что рассматриваем первую ординарную республиканскую магистратуру в качестве двухместной должности (претуры), которой не свойственна *par potestas*. Вместе с тем, мы не считаем главным вопросом при определении времени возникновения магистратской коллегиальности вопрос о наличии таковой в

⁴⁸⁹ Fraccaro P. La storia dell'antichissimo esercito romano e l'età dell'ordinamento centuriato // *Opuscula Romana*. Pavia. 1957. Vol. 2. P. 287-292.

⁴⁹⁰ Valditara G. Studi sul magister populi. Dagli ausiliari militari del rex ai primi magistrati repubblicani. Milano, 1989. P. 324-325. О концепции Дж. Валдитары эволюции исполнительной власти в раннем Риме см.: Деметьева В. В. Закон... С. 30-31.

⁴⁹¹ Reiner J. M. Einführung in das römische Staatsrecht: die Anfänge und die Republik. Darmstadt, 1997. S. 43.

138 II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

цензуре, созданной в 443 г. до н. э. и тем более в судебной претуре III в. до н. э. Ибо независимо от того, была ли присуща изначально коллегиальность цензорской должности, она была свойственна магистратуре военных трибунов с консульской властью, введенной в римскую конституцию годом раньше, в 444 г. до н. э. Не сомневаясь в историчности этой должности, мы уже подробно в специальной монографии дали характеристику ее черт, ни одна из которых не противоречит понятию *potestas*, а многие, наоборот, ее подтверждают. В том числе, и включение в ее состав плебеев уже в первый год ее функционирования⁴⁹² Мы вынуждены здесь подчеркнуть, что обосновывали появление плебея (Луция Атилия) в консульском трибунате уже в 444 г. до н. э., поскольку Я. В. Мельничук со ссылкой на нашу работу (!) пишет «Первым плебеем, выбранным военным консулярным трибуном, стал Публий Лициний в 400 г. (Liv. 5. 12.9): этот промежуток в 45 лет между теоретической возможностью и практическим применением закона говорит о том упорстве патрициев, с которым столкнулись плебеи в первый век борьбы за свои политические права»⁴⁹³ Именно после этой фразы с выделенной автором жирным шрифтом датой поставлена ссылка на нашу работу, в которой мы утверждали диаметрально противоположное! Здесь нам приходится добавить, что Я. В. Мельничук вообще нередко искажает смысл написанного и сказанного нами, в частности, отметим, что в первом томе альманаха «Исседон» он написал (примечательно, что не в самом тексте статьи, а в резюме на английском языке к ней), будто бы в нашем докладе в июне 2001 г. наличие ауспиций у цензоров «отрицалось в принципе»⁴⁹⁴. Это вынуждает нас, делая небольшое отступление, отметить, что мы усматриваем в процитированном Я. В. Мельничуком в названной статье фрагменте Авла Геллия указание на ауспиции «для цензоров», т.е. проводимые при их избрании (весь фрагмент посвящен избирательной процедуре), а не «у цензоров». И утверждали мы в том докладе только то, что не рассматриваем данный фрагмент аргументом в пользу наличия у цензоров ауспиций, поскольку не так переводим его и иначе понимаем его смысл⁴⁹⁵. А были ли ауспиции у цензоров или нет,

⁴⁹² Дементьева В. В. Римская магистратура военных трибунов... С. 139-141.

⁴⁹³ Мельничук Я. В. Цензура в социально-политической жизни римлян (до объединения Италии) // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира МГУ. № IV. С. 120, 124.

⁴⁹⁴ Мельничук Я. В. Ауспиции римских цензоров // Исседон. Екатеринбург, 2002. Т. 1. С. 89.

⁴⁹⁵ Извлечение из того доклада: «Однако вдумаясь в текст фрагмента сочинения Авла Геллия «*Patriciorum auspicia in duas sunt diuisa potestates. Maxima sunt consulum, praetorum, censorum. Neque tamen eorum omnium inter se eadem aut eiusdem potestatis, ideo quod*

2.3. Характер магистратуры децемвиров: дискуссионные вопросы 139

– это пусть доказывают те, кто специально данной проблемой занимается (путем ли логических построений, нахождением ли соответствующей информации в источниках), – в нашу задачу это не входило. Мы можем осмыслить предложенную аргументацию, обнаруживая в ней сильные или слабые места, соглашаться или нет. Но если не соглашаться, то приводить контрдоводы, как в рассмотренном случае; мы считаем неприемлемыми методы ведения полемики Я. В. Мельничуком, который в той же статье в «Исседоне», не приведя ни одного (!) аргумента против, голословно и небрежно замечает: «Точка зрения В. В. Дементьевой о наличии у ТМCR формального права на триумф не представляется достаточно обоснованной»⁴⁹⁶. А мы, между тем, предложили развернутую

conlegae non sunt censores consulum aut praetorum, praetores consulum sunt». (Эта цитата и дальнейший анализировавшийся текст Геллия на языке оригинала были розданы слушателем, которые могли контролировать его толкование – В. Д.). Обычно понимается, что Геллий, со ссылкой на Мессаллу, фиксирует «большие» (великие) ауспиции, *auspicia maxima*, не только у консулов и преторов, но и у цензоров. В том значении, что они их совершают. Я сама так трактовала в книге по республиканскому междуцарствию: «патрицианские ауспиции разделены по значению надвое: большие у консулов, преторов, цензоров... у остальных магистратов меньшие ауспиции...» (Дементьева В. В. Римское республиканское междуцарствие... С. 60.) Внимательно же глядя на него теперь, я вижу, что речь идет об ауспициях, которые совершаются *перед избранием магистратов*, поскольку весь контекст фрагмента относится к выборам магистратов, а не к реализации ими своих полномочий. Поэтому я полагаю, что следует понимать в этой ключевой фразе ауспиции не у таких-то магистратов, а для таких-то магистратов (при их избрании): Самые большие *для (не у!)* консулов, преторов, цензоров. Естественно, что перед голосованием проводили ауспиции для всех кандидатов на любую должность исполнительной власти, в том числе и для цензоров (и даже для низших магистратов). Аргументами в пользу того, что речь идет именно об избирательной процедуре (и об ауспициях по данному, избирательному, поводу) служат следующие уточнения в тексте Геллия: «Претор, хотя он является коллегой консула, не имеет права предлагать для избрания (*rogare*) ни претора, ни консула... Потому что претор имеет меньший империй, а консул имеет больший; и от меньшего империя больший или старшего коллегу [от младшего] предлагать для избрания права не имеет». «[Цензоры, равным образом, не по одному ауспицию с консулами и преторами рогируются (предлагаются к избранию)]. И следующая фраза поэтому – *Reliquorum magistratuum minora sunt auspicia*, – которую я всегда переводила «у остальных магистратов меньшие ауспиции», должна пониматься: «Для остальных магистратов – меньшие ауспиции.» Тем более, что дальше речь опять идет об избирательной процедуре, а не о чем-то другом. «По этой причине эти младшими (*minores*), а те старшими (*maiores*) магистратами называются. Младших магистратов избирают на трибунных комициях, но по обычаю (наверное, лучше перевести «для законности» – В. Д.) дается куриатный закон; старшие магистраты избираются на центуриатных комициях.» Соответственно в нашем сегодняшнем понимании и смысл последующей фразы: «Имеющими большие ауспиции называются те, для которых совершаются более действенные ауспиции, чем для других.» (Но отнюдь не те, которыми совершаются более действенные ауспиции).

⁴⁹⁶ Мельничук Я. В. Ауспиции... С. 81.

140 *II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ*

систему доказательств этого положения⁴⁹⁷, и можно было бы найти конкретные «слабости обоснования», дабы обсуждение было предметным. Наличие у военных трибунов с консульской властью права на триумф, которое мы отстаиваем, доказывая «полноценность» их империя, имеет также прямое отношение к констатации у этих магистратов подлинной коллегиальности: и патрицианских, и плебейских консульских трибунов объединяла, по нашему мнению, *par potestas*. И всех консульских (консулярных) трибунов мы рассматриваем как носителей *auspicia maxima*, с чем не согласен Я. В. Мельничук, приводящий в качестве аргументации своего несогласия следующие слова: «В противном случае не ясно, зачем плебеи так активно добивались доступа к консулату (что мешало им реализовать свои стремления в рамках магистратуры ТМCR, предполагавшей равные с консулам полномочия?)...»⁴⁹⁸ Но, позвольте, объяснению этого «зачем» мы посвятили целую книгу в двести страниц, которую вроде бы оппонент читал, и в которой подчеркивали следующее: плебеи, став консульскими трибунами, получили доступ к высшей чрезвычайной власти, а доступа в консулат добивались затем, чтобы быть причастными к высшей постоянной власти (что было для учета их интересов в государственной политике более важным). Если оппонент не согласен с таким выводом, он должен это отметить и написать, почему именно не согласен, а не ставить в качестве риторического тот вопрос, на который есть развернутый (устраивающий или не устраивающий его) ответ. Для нас совершенно очевидно, что без «великих ауспиций» военные трибуны с консульской властью не могли бы, например, ни проводить военные сражения, ни назначать диктатора. Что же касается соотношения понятий *par potestas* и *auspicia*, то у настоящих коллег по магистратуре неизбежно должны были быть равные ауспиции (или одинаковое отсутствие таковых), «больших» или «меньших» ауспиций при этом у занимавших одну и ту же должность лиц быть не могло.

Итак, мы рассматриваем консульских военных трибунов на всем протяжении существования их должности (444-367 гг. до н. э.) в качестве коллегиальных магистратов. Но пальму первенства в этом отношении им мы не отдаем, о чем наглядно свидетельствует эта книга. С нашей точки зрения, как следует из содержания данной монографии, наиболее вероятно, что первой магистратурой, которой была свойственна коллегиальность в значении *par potestas*, стал в Риме децемвират (451-449 гг. до н. э.). Скажем корректно: коллегиальность появляется

⁴⁹⁷ Дементьева В. В. Римская магистратура военных трибунов... С. 104-107; она же. Объем полномочий римских... С. 47-50.

⁴⁹⁸ Мельничук Я. В. Ауспиции... С. 81.

2.3. Характер магистратуры децемвиров: дискуссионные вопросы 141

не позднее, чем время применения в политической практике магистратуры децемвиров.

Подтверждает этот вывод аргументация наличия у децемвиров права коллегияльной интерцессии (*ius intercessionis*), ибо это право и есть суть римской коллегияльности в значении *par potestas* – см. параграф об объеме полномочий децемвиров (глава II, § 2).

Возвращаясь к работам Р. Бунзе, зададимся вопросом, почему же этот автор полностью проигнорировал децемвиров? Ответ на него предельно прост: Р. Бунзе гиперкритически (при этом без конкретной критики информации нарративной традиции) считает, что нет необходимости перенимать античный взгляд на децемвират⁴⁹⁹. Он лишь на уровне умозрительного рассуждения полагает, что едва ли можно представить более чем двухгодичное нахождение у власти двух коллегий децемвиров, и заключает, что второй децемвират по всей вероятности, неисторичен. Мы изложили в той книге (как и в предшествовавших ей статьях⁵⁰⁰) результаты нашего осмысления сведений источников о количестве коллегий децемвиров, подчеркивая, что противоречие в свидетельствах античных авторов об этом является мнимым, иллюзорным. Ни один античный автор не написал, что коллегия была одна, а те из них, кто не подчеркивал специально наличие двух коллегий (именно на их свидетельства опираются историки, не признающие реальность второго децемвирата) просто обобщенно вели речь о децемвирах как таковых. Поэтому такую «опору на источники» мы принять не можем.

Признавая историчность второго децемвирата, мы обратили пристальное внимание на его состав, ибо он тоже проливает свет на выяснение вопроса о коллегияльности магистратуры десяти мужей. Паритетное сословное представительство во второй коллегии децемвиров, которое мы констатировали, соответствует важнейшему положению теоретической модели коллегияльности римских магистратов, в том виде, как она разработана в историографии двух последних веков: коллегияльность магистратов возникает с допуском плебеев к высшей должности, она есть результат сословной борьбы.

⁴⁹⁹ Bunse R. Das römische Oberamt... S. 72.

⁵⁰⁰ Дементьева В. В. Конституционные основы существования децемвирата // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2001. № 1(8). С. 43–47; она же. Источниковая база исторической реконструкции римской магистратуры децемвиров // Антиковедение и медиэвистика. Вып. 4. Ярославль, 2002. С. 23–25; она же. Состав коллегий децемвиров // Норция. Вып. 6–7. Воронеж, 2003. С. 303 – 322; она же. Возникновение коллегияльности римских магистратов // Исседон. Т. 2. Екатеринбург, 2003. (в печати).

142 II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Для того, чтобы не признавать коллегиальный характер магистратуры децемвиров нужно, как минимум, аргументировано оспаривать доказательства существования взаимной интерцессии у данных магистратов и вхождение плебеев во вторую их коллегию. Только тогда дискуссия будет носить предметный характер. Гораздо проще объявить информацию античной традиции о двух коллегиях децемвиров недостоверной (не утруждая себя доказательством этой декларируемой недостоверности), а их двухгодичное существование нереальным.

Мы отдаем себе отчет в том, что для Р. Бунзе наши аргументы о наличии у децемвиров права интерцессии и об участии плебеев во втором децемвирате никакого значения иметь не будут: он априорно убежден, что до 367 г. до н. э. плебеи в принципе не могли занимать высшие магистратуры.⁵⁰¹ Наши доказательства адресованы тем, кто может сопоставить обоснованность гиперкритического и рационально-критического подходов к античной традиции, кто не поддерживает взгляда на второй децемвират как на беспочвенную выдумку.

Итак, мы не находим серьезной контраргументации выводу о том, что децемвират – коллегиальная магистратура. Вероятнее всего, это первая из римских магистратур, где был реализован принцип коллегиальности. Применялся ли он в высших магистратурах ранее децемвирата, – этот вопрос еще открыт для уточнения, но то, что не позднее децемвирата он впервые был осуществлен, – для нас очевидно.

Теперь обратимся к другому принципиальному моменту в определении характера магистратуры децемвиров – к отнесению ее к числу экстраординарных структур. Для понимания читателем отстаиваемых нами позиций целесообразно изложить нашу трактовку сути понятий «экстраординарная должность» и «чрезвычайная власть» применительно к римской государственно-правовой системе раннереспубликанского периода. Но, поскольку это особый и отдельный сюжет, мы вынесем его за пределы рассмотрения собственно децемвирата в раздел «Вместо послесловия».

Представим в концентрированном виде несогласие нашего главного оппонента в вопросе о признании децемвирата чрезвычайной магистратурой – О. В. Сидорович. Оно преимущественно изложено в двух статьях, опубликованных в 2002 г.⁵⁰², основная часть в которых идентична, поэтому приведем ход ее рассуждений в суммарном виде.

⁵⁰¹ *Bunse R. Das römische Oberamt...* S. 134-152.

⁵⁰² *Сидорович О. В. Децемвират в истории архаического Рима...* С. 18-26; *она же. Децемвират в системе публичного права...* С. 88-98.

2.3. Характер магистратуры децемвиров: дискуссионные вопросы 143

Ольга Витольдовна полагает, что в лице первых республиканских ординарных магистратов, преторов-консулов, «римское общество имело дело с военными командирами, которые чувствовали себя уверенно только в военное время и во главе войск», так как «их империй осуществлялся в полном объеме только в походе»⁵⁰³. Поэтому, по мнению нашей коллеги, «на роль внутригородских магистратов могли претендовать только плебейские трибуны (*tribuni plebis*)». Основной политический конфликт она усматривает не в борьбе «между так называемыми патрициями и плебеями», а в противостоянии «между военными и гражданскими носителями власти»⁵⁰⁴. «Первые обладали империем и стремились с его помощью контролировать ситуацию; задача вторых сводилась к недопущению злоупотребления империем. Децемвират должен был снять это противоречие. Он не был задуман как экстраординарная магистратура, как это изображает традиция, а законодательная деятельность ему была приписана позже», - делает вывод О. В. Сидорович⁵⁰⁵, подчеркивая предположение, что «коллегия десяти должна была стать постоянной магистратурой». Итак, главное: децемвират, в трактовке О. В. Сидорович, создавался как магистратура ординарная, цель его создания – допустить в ряды держателей империя «уже сформировавшуюся на гражданском поприще элиту», а законодательной деятельностью децемвиры не занимались (эта их деятельность была, так сказать, «изобретена» античными авторами).

Рассмотрим аргументацию изложенной точки зрения уважаемого мною автора.

О. В. Сидорович считает, что признавать децемвират «экстраординарной магистратурой в полном согласии с античной традицией», не следует, «учитывая разнообразие источников формирования римской анналистической традиции и длительность этого процесса»⁵⁰⁶. Она отмечает, что в античной традиции существует устойчивое направление, «которое подчеркивает конституционное значение децемвирата»⁵⁰⁷. Действительно, такое направление существует, мы подробно его рассматривали, но его наличие подтверждает только то, что одной из целей

⁵⁰³ Сидорович О. В. Децемвират в истории архаического Рима... С. 19-20; она же. Децемвират в системе публичного права... С. С. 91.

⁵⁰⁴ Она же. Децемвират в истории архаического Рима... С. 25; она же. Децемвират в системе публичного права... С. 97.

⁵⁰⁵ Она же. Децемвират в истории архаического Рима... С. 25; она же. Децемвират в системе публичного права... С. 97.

⁵⁰⁶ Она же. Децемвират в системе публичного права... С. 89.

⁵⁰⁷ Она же. Децемвират в системе публичного права... С. 93; она же. Децемвират в истории архаического Рима... С. 21.

144 *II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ*

создания децемвирата являлось реформирование системы магистратур, о чем в первой главе данной книги мы и сделали вывод (см. первый параграф). Однако само по себе существование такого направления в античной историографии никак не подтверждает ординарный характер магистратуры децемвиров. Ведь Цицерон, Ливий, Дионисий Галикарнасский, Иоанн Лид, на которых ссылается О. В. Сидорович, отнюдь не отрицали составление децемвирами законов XII таблиц. Их версия целевого назначения децемвирата – сочетание потребностей в публикации законов и реорганизации исполнительной власти, хотя второй акцент может быть выражен сильнее. Для того, чтобы аргументировать постоянный характер децемвирата, О. В. Сидорович приходится утверждать, что законодательная деятельность была позднее приписана децемвирам анналистической традицией. Каких-то конкретных наблюдений над римской анналистикой при этом не приводится, утверждение дается «в общем виде». Но тогда автору следует хотя бы как-то объяснить, кем, на ее взгляд, были составлены XII таблиц законов первого римского писаного права. Все-таки в ее интерпретации «теряет авторство» слишком важный памятник, чтобы, «лишив» децемвиров роли составителей, не предложить взамен другие приемлемые «кандидатуры», поскольку только при таком условии этот вариант можно рассматривать всерьез.

Признание децемвирата высшей экстраординарной магистратурой позволяет нам не отвергать никаких сведений античной традиции о его целевом назначении, тогда как исследовательская позиция О. В. Сидорович заставляет ее практически целиком этой традиции не доверять. Но чем тогда эта позиция отличается от гиперкритической? Мы, обращая внимание на проявления иллюзорной противоречивости информации источников, подчеркивали, что обусловить мнимую противоречивость может отсутствие концепции, непротиворечивым образом охватывающей все их показания (даже, казалось бы, не согласующиеся друг с другом)⁵⁰⁸. Применительно к целевому назначению децемвирата такая концепция есть, мы ее отстаиваем, вообще считая, что только логически выстроенная, внутренне непротиворечивая гипотеза, базирующаяся на всей совокупности оцененных с рационально-критических позиций источников, может претендовать на то, чтобы считаться теорией, что-либо объясняющей. Наш подход к разнообразным и разновременным сведениям античных авторов состоит в следующем: необходимо пытаться непротиворечиво объединить их сведения в единую концепцию; если это не получается

⁵⁰⁸ Деметьева В. В. Источниковая база... С. 25-26.

2.3. Характер магистратуры децемвиров: дискуссионные вопросы 145

ся, то, может, не античная традиция виновата (за вычетом каких-то ошибок, анахронизмов у авторов или их переписчиков, что в каждом конкретном случае должно исследователем обосновываться), а, например, еще не пришло время, не появился историк, способный это осуществить. Аргументируемая нами концепция чрезвычайного характера магистратуры децемвиров, имевшей своим целевым назначением и запись законов, и реорганизацию высшей исполнительной власти (самим фактом ее создания), позволяет в данном конкретном случае это сделать.

Конечно, можно, от всего отмахнувшись, сказать, как по существу и делает наш оппонент, что во времена Цицерона, Ливия и других античных авторов, никто не помнил, кем были составлены законы XII таблиц, потому и произвольно приписали их децемвирам. Но это, кажется, уже давно пройденный романистикой этап, как пройден и тот, когда в принципе отрицалась подлинность законов XII таблиц (начало XX века, труды Эдуарда Ламбера и Этторе Пайса), – до такой позиции уважаемому оппоненту осталось совсем немного: децемвиры законов не составляли, кто их составлял не ясно, может, вообще никто не составлял. К тому же, хочется спросить у оппонента: если законы XII таблиц записывались не децемвирами, значит, не в середине V в. до н. э. была осуществлена их запись? Но антиковедение после оживленных дискуссий по этому поводу прошло уже вековой путь, на протяжении которого даже исследователи, настроенные самым радикальным образом критически к античной традиции, соглашались с признанием аутентичности децемвирального законодательства. Как отмечал Федерико Д'Ипполито, после памятных обсуждений между исследователями, отрицавшими историчность законов XII таблиц, и защитниками античной традиции, твердо установлено, что эти законы являются нормативным порождением V в. до н. э., в чем не должно остаться сомнений даже у самых суровых критиков традиции⁵⁰⁹. Возвращение дискуссий на круги своя, конечно, возможно, в том числе и при игнорировании пройденного мировой историографией пути и изобретении велосипеда, на котором к тому же, как уже давно выяснено, никуда не уедешь. Но при таком подходе бесполезен труд не только автора данной книги, но и уважаемого оппонента – О. В. Сидорович, ибо тогда следующим шагом должно быть признание «выдумкой» всей римской истории до III в. до н. э.

⁵⁰⁹ D'Ippolito F. Op. cit. P. 401.

146 *II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ*

Другой момент в аргументации О. В. Сидорович ее понимания децемвирата касается «формирования элиты на гражданском поприще» (т. е., как она считает, в плебейском трибунате), которая добивалась оттеснения держателей империя (что и привело к попытке создания новой магистратуры). Особая «важность плебейского трибуната» объясняется ею тем, что «трибуны передавали римского гражданина под юрисдикцию военного командира, обладавшего империем»⁵¹⁰ Спрашивается, а до того, как римский гражданин становился воином в результате набора, он разве не подлежал юрисдикции того же самого магистрата с империем? Несомненно, подлежал, и тот мог вынести ему приговор о самом тяжелом наказании. Конечно, суровый приговор, вынесенный «в гражданской жизни» можно было обжаловать в комициях, а в военной нельзя, но юрисдикция магистрата с империем распространялась и на сферу *domi*, и на сферу *militiae*. Империй магистрата, по нашему глубокому убеждению, выношенному в ходе анализа ряда римских магистратур, включал в себя высшую гражданскую и военную власть в неразрывном единстве. Обладатели империя были высшими как военными, так и гражданскими магистратами, поэтому нам представляются странными рассуждения о том, что они «чувствовали себя уверенно только в военное время и во главе войска», а их «империй осуществлялся в полном объеме только в походе», – объем власти, заложенной в империи, всегда одинаков, разными бывают только механизмы ее реализации. Империй всегда включал право приказа гражданам, право осудить их на смерть, а механизм реализации этих прав мог отличаться в зависимости от того, ординарную или чрезвычайную магистратуру занимал носитель империя, от сферы (*domi* или *militiae*), в которой он в данный момент действовал: здесь уже была возможна или невозможна апелляция к другому магистрату, провокация к народу и др.

Обратим внимание (Ольга Витольдовна об этом как-то забывает), что в случае, если все магистраты с империем покидали Рим, во главе общины для осуществления гражданских полномочий оставался *praefectus urbi* (должность которого в той или иной степени изучалась в мировой историографии⁵¹¹). Именно на него в такой ситуации возлагалось осуществление исполнительной власти в городе, а отнюдь не на плебейских трибунов, которые вообще магистратами не были. Конечно, в первые 60 лет Республики первоначальным преторам («преторам-

⁵¹⁰ Сидорович О. В. Децемвират в системе публичного права... С. 91.

⁵¹¹ См. историографический обзор: Лукьянец А. В. Изучение римской должности *praefectus urbi* в зарубежном антиковедении XIX в. // *Tabularium. Труды по антиковедению и медиевистике*. Т. 1 / Под ред. В. В. Демсеньевой. М., 2003. С. 76-85.

2.3. Характер магистратуры децемвиров: дискуссионные вопросы 147

консулам)), также как и другим носителям империя – диктаторам – очень часто приходилось воевать. Возможно даже, что военное поприще было для многих из них более привлекательной сферой приложения собственных сил, чем гражданское, но ни о какой их беспомощности в сфере *domi* говорить, на наш взгляд, не приходится, тем более, на этой основе гипертрофированно представлять роль плебейских трибунов практически как высших гражданских магистратов. «Вообще неверно, – замечает В. Н. Токмаков (и мы с ним в этом полностью согласны), – преувеличивать как полномочия (*potestas*), так и степень неприкосновенности трибунов»⁵¹². Разумеется, плебейские трибуны действительно серьезно влияли на внутривнутриполитическую жизнь римской общины, поскольку могли блокировать действия магистратов, их авторитет рос, а, следовательно, формировались и притязания плебейских лидеров на достижение магистратских должностей. Это достаточно очевидно, также как и то, что создание децемвирата было успехом плебеев. Но из этого опять-таки никак не следует, что децемвират был задуман как ординарная должность. К тому же, как понять утверждение уважаемого оппонента, что конфликт состоял не в борьбе «между так называемыми патрициями и плебеями», а в противостоянии «между военными и гражданскими носителями власти»? Ведь согласно О. В. Сидорович, «гражданские носители власти» это именно те, кто избирался в плебейский трибунат, а в нем могли быть представлены только плебейские роды. Следовательно, все равно получается, что конфликт был между традиционной патрицианской элитой и плебейскими лидерами, поэтому не ясно, на какой же все-таки основе отрицается патрицианско-плебейская конфронтация.

Заметим, кстати, что если вести речь об укреплении политических позиций плебеев и их лидеров в период до занятия ими высших магистратур, то не менее, а скорее даже более вероятно, что этому способствовала их деятельность на военном поприще. Будучи защитниками римской общины, плебеи в роли, допустим, среднего командного состава могли получить популярность своими воинскими доблестями и более уверенно себя чувствовать и на гражданском поприще. Ж. Гаге, в частности, делал свои построения, объясняющие внутривнутриполитическую борьбу 70-50-х гг. V в. до н. э. ростом военного авторитета плебейских лидеров, который стимулировал их политические притязания и требования ограничения власти патрицианских магистратов⁵¹³.

⁵¹² Токмаков В. Н. *Tribunica potestas*... С. 71.

⁵¹³ Gagé J. *Op. cit.* P. 289-311.

148 II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Подкрепить трактовку ординарного характера децемвирата должен, как следует из логики анализируемых статей О. В. Сидорович, его состав. Не анализируя заново те или иные имена в составе коллегий децемвиров (наши расхождения с О. В. Сидорович по конкретным поводам мы отметили в тексте второго параграфа второй главы), обсудим только главный тезис оппонента, что цель создания децемвирата как ординарной магистратуры – допустить к власти ранее от нее оттесненные роды. Подобная концепция применительно к другой магистратуре и подобная логика рассуждений уже встречались в историографии и уже до нас были подвергнуты критике. Так, была высказана точка зрения относительно магистратуры военных трибунов с консульской властью, что эта должность учреждалась для удовлетворения политических стремлений не входивших в правившую элиту родов⁵¹⁴. Вера Кирби, обнаружив в консульском трибунате перегруппировку стоящих у кормила власти римских *gentes*, полагала, что для этого и была предназначена данная магистратура при ее создании. Консульский трибунал действительно использовался для удовлетворения конкурирующих устремлений патрицианских родов, но сам по себе этот факт не может объяснить причины создания и характер магистратуры, о чем справедливо писал Рональд Ридли⁵¹⁵. Применительно к децемвирату названный подход еще более уязвим: если для консульского трибунала речь могла идти о перегруппировке собственно патрицианских родов, а потому можно абстрагироваться от плебейского представительства (на чем в отношении децемвиров настаивает О. В. Сидорович), то во втором децемвирате, как мы видели, пять новых для правящей элиты имен из десяти – это плебейские имена, значит следует говорить именно о допуске плебеев в эту магистратуру, поэтому рассуждения о том, что плебейский статус членов коллегии рассматривать не надо, выглядят надуманными. Да, это новые для правящей элиты роды, но это именно плебейские роды. К тому же, нам кажется неправомерным и бесперспективным противопоставление внутрипатрицианского соперничества сословной борьбе, о чем мы уже писали применительно к использованию интеррегнума в качестве инструмента того и другого⁵¹⁶. Эти две линии «выяснения отношений» в ранней Республике пересекались и взаимно дополнялись.

Если бы децемвират при его возникновении был призван решить проблему доступа к власти оттесненных от нее *gentes*, то тогда естест-

⁵¹⁴ Дементьева В. В. Римская магистратура военных трибунов... С. 53-55.

⁵¹⁵ Ridley R. The "Consular Tribunate"... P. 460.

⁵¹⁶ Дементьева В. В. Римское республиканское междоусобице... С. 109.

2.3. Характер магистратуры децемвиров: дискуссионные вопросы 149

венно было бы увидеть именно в первой коллегии представителей «новых» родов, чего не прослеживает и наш уважаемый оппонент. Сама О. В. Сидорович подчеркивает, что качественное изменение состава во второй коллегии есть результат упорной предвыборной борьбы, тем самым признавая, что оно не было автоматическим следствием проведенной реформы исполнительной власти. Использовать уже имеющуюся в конституционном устройстве магистратуру для решения задач межсословной и внутрисословной борьбы, — это одно, а добиваться введения новой магистратуры для решения названных задач — другое. К тому же, если тезис о введении децемвирата для решения задач межсословной борьбы можно аргументировать информацией источников, то тезис о введении децемвирата для решения задач внутрипатрицианской борьбы — только отказом от ее привлечения.

Мы не можем принять и вывод О. В. Сидорович о том, что после децемвирата «произошло окончательное размежевание военной власти, обладавшей империем, и гражданской власти, обладавшей *potestas*»⁵¹⁷ О *potestas* как абстрактном понятии для обозначения власти должностных лиц мы уже писали⁵¹⁸, так же как подчеркивали, что отрицаем понимание империя как военной власти в противоположность гражданско-административной⁵¹⁹ Конечно, не всякое, наделенное *potestas*, лицо являлось одновременно и носителем империя, но тот, кто обладал империем, неизбежно обладал и *potestas*, никакого противопоставления здесь быть не может. Высшие магистраты (*cum imperio*) после децемвирата даже больше времени стали уделять гражданской сфере, в чем мы убедились на примере консульского трибуната, применявшегося в римской государственной практике на последовавшем за децемвиратом почти 80-летнем хронологическом отрезке. Поэтому никакого «размежевания военной власти, обладавшей империем» и гражданской власти мы обнаружить не можем.

Если вдуматься в суть расхождений с исследовательскими подходами авторов, с которыми мы полемизируем в данном параграфе, то главное, с чем мы не можем согласиться, это оживление гиперкритического отношения к античной традиции, которое и явным, и скрытым образом присутствует в их трудах. Может быть, конечно, каждый очередной рубеж веков для антиковедения обречен быть отмеченным всплеском гиперкритических настроений, но очень трудно примирить-

⁵¹⁷ Сидорович О. В. Децемвират в системе публичного права... С. 97; она же. Децемвират в истории архаического Рима... С. 25.

⁵¹⁸ Дементьева В. В. Римская магистратура военных трибунов... С. 99.

⁵¹⁹ Там же. С. 100.

150 II. ДЕЦЕМВИРЫ КАК НОСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

ся с тем, что сделанное в науке за сто лет оказывается невостребованным, когда очередное поколение историков начинает изучение того или иного вопроса, не слишком обращая внимание на созданное предшественниками.

Подчеркнутые в данном параграфе разногласия с уважаемыми оппонентами Р. Бунзе и О. В. Сидорович во многом обусловлены различием наших теоретических ориентиров. Поэтому есть настоятельная необходимость изложить в данной книге главные моменты предложенной нами, но широко не известной читателю⁵²⁰, теории чрезвычайной власти ранней Римской Республики. Это мы сделаем кратко в разделе «Вместо послесловия» (сопроводив его сокращенным вариантом на немецком языке для лучшего понимания сути нашей концепции зарубежными специалистами), который подведет итог нашему анализу четырех римских экстраординарных магистратур. Поскольку эта книга завершает серию наших монографий по проблеме, суммарное представление нашей теоретической модели будет, полагаем, в ней уместным. Но сначала обобщим в заключении исследование собственно магистратуры децемвиров.

⁵²⁰ См.: Дементьева В. В Структуры чрезвычайной власти ранней Римской Республики (V-III вв. до н. э.). Автореф. дис. д-ра ист. наук. М.: МГУ, 2001. С. 35-39; она же. Римская чрезвычайная власть эпохи ранней республики как политико-правовой феномен // Исседон. Т. 1. Екатеринбург, 2002. С. 63-78.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Середина V в. до н. э. стала в римской истории переломным временем, когда закончилась первая фаза становления республиканского устройства. Завершение ее не случайно совпало с децемвиратом, – это совпадение отражало внутреннюю логику политического развития. Первый шестидесятилетний период формирования Республики, по нашему мнению, имел итогом превращение ранней претуры в консулат после второй сецессии плебеев. Хронологически разделяют исходную республиканскую форму высшей ординарной власти и консульскую магистратуру два с лишним года децемвирата.

Однако, функционирование децемвирата, как следует из проделанного нами анализа, не было собственно этапом эволюции постоянной высшей должности. То, что децемвират находился во временном интервале между двумя стадиями развития ординарной власти, совсем не означает, что он был промежуточной ее модификацией. Представляя собой нововведение в чрезвычайных структурах, децемвиры самим фактом своего существования, главным результатом деятельности и попыткой узурпации верховных полномочий, разумеется, повлияли на реформирование исполнительной власти в целом, но они не были прямым звеном в цепи преобразований ординарной магистратуры. Вместе с тем, децемвират явился важным элементом всей реформы римской государственности, его создание отразилось на ее совокупном результате и на отдельных составляющих ее частях.

Относя децемвират к системе экстраординарной власти и не рассматривая его непосредственной ступенью складывания ординарной должности, мы, тем не менее, полагаем, что он оказал и на этот процесс существенное воздействие. Именно в середине V в. до н. э., как отмечает В. Н. Токмаков, высшая ординарная должность не просто изменила название, а превратилась в результате трансформации в общегражданскую магистратуру, упрочила свою легитимность на основе новых форм взаимоотношений с сенатом и комициями, укрепила правовые рамки своей гражданской и военной компетенции⁵²¹. Децемвират способствовал этой трансформации, но переходным органом не был.

⁵²¹ Токмаков В. Н. Некоторые аспекты консульской власти в конституции Рима V в. до н. э. // *IVS ANTIQVVM. Древнее право*. 1996. № 1. С. 37-38.

В условиях, когда отчетливо проявилась потребность во внесении изменений в руководство римской общиной, ее гражданский коллектив и политические лидеры предприняли поначалу попытку введения в конституционное устройство коллегиальной чрезвычайной структуры. Если существовавшие до тех пор экстраординарные магистратуры (диктатора и интеррекса) были единоличными и кратковременными, то децемвират был создан как многоместная должность с годичным сроком полномочий ее носителей. Предназначался он не на роль органа, призванного полностью заменить исходную двухместную претуру в качестве постоянной структуры, а для периодического использования в особых обстоятельствах, в первую очередь – для упорядочения законодательства. Во многом примитивный характер претуры не позволял решать возросшие задачи гражданского управления в условиях нарастания патрицианско-плебейской конфронтации, в том числе и насущную задачу записи законов. Диктатура была эффективна для принятия экстренных мер по спасению общины от внешней опасности или при накале сословной борьбы, но шестимесячный срок, на который она вводилась, недостаточный для систематизации законодательства, и объем этой работы, непосильный для одного человека, вынуждали искать другие способы выхода из создавшейся ситуации.

Децемвират появился в ответ на общественные потребности. Они состояли в реформировании исполнительной власти и в назревшей необходимости записи законов. То, что задача составления письменно оформленного законодательства была одной из причин введения децемвирата, а не возникла спонтанно после избрания коллегии десяти мужей, подтверждает и рогация Терентилия Гарсы 462 г. до н. э., и отправление посольства за греческими законами, осуществленное, как показывает наш анализ источников, до вручения власти децемвирам.

Децемвират был социальным компромиссом, достигнутым плебеями. Андре Магделен называл создание децемвирата компромиссом между сенатом и плебейскими трибунами⁵²². Точнее, видимо, говорить о межсословном компромиссе. Успехом плебеев стал сам факт передачи власти коллегии десяти мужей, главный результат ее деятельности (письменная фиксация права) и участие плебейских лидеров во втором призыве децемвиров. Прделанная анали-

⁵²² *Magdelain A. Recherches sur l'imperium: La loi curiate et les auspices d'investiture. Paris, 1968. P.10.*

тическая работа по реконструкции списков членов обеих коллегий подтвердила вывод о полностью патрицианском составе первого децемвирата и о паритете сословного представительства во втором. Мы не поддерживаем гипотезы о существовании только одной коллегии децемвиров и о невозможности участия плебеев в коллегиях десяти законодателей. Мы утверждаем, что с созданием децемвирата плебеи впервые получили доступ к магистратуре с империем и в первый раз стали носителями общественных ауспиций.

Магистратура децемвиров была введена в римскую политическую практику, как мы стремились обосновать, на основе особого законодательного акта – *lex de creandis decemviris legibus scribundis*, который мы датируем 452 г. до н. э. Выборы всех децемвиров проходили на центуриатных комициях, участников первой коллегии, – вероятнее всего, не одновременно, но кооптацию в эту магистратуру отдельных ее членов мы исключаем. Сложение полномочий первой коллегией децемвиров произошло по истечении положенного годовичного срока, после чего в результате своевременно и легитимно проведенных выборов к власти пришла вторая коллегия. Отрицая «бессрочность» полномочий децемвиров, мы рассматриваем превышение годовичного их срока второй коллегией как попытку узурпации власти, которая была ликвидирована благодаря усилиям гражданского коллектива в целом, сената и отдельных политических лидеров. Деятельность децемвиров начала не соответствовать правовым нормам уже на втором году децемвирата (отказ от передачи фасок, коллегиальной интерцессии, созыва комиций – *Liv.* III. 36. 1-7), на третьем же году она вовсе вышла за конституционные рамки. Мы не согласны с имеющейся в историографии трактовкой сведений источников о стремлении децемвиров незаконно продлить свое пребывание у власти как вымысел античной традиции. Не видим мы оснований и для уподобления тиранического правления вторых децемвиров греческой эсимнии.

Политико-правовой механизм передачи империя (пока она на практике осуществлялась, т. е. при первой коллегии децемвиров) мы не характеризуем, как это нередко делалось в специальной литературе, аналогично ситуации интеррегнума, когда каждый интеррекс обладал полнотой власти в течении пяти дней. Мы не находим такой гипотезе опору в источниках, определяя обладание империем каждым децемвиром первого призыва поочередно на однодневном или месячном промежутке времени.

Непосредственная государственная деятельность децемвиров охватывала военную, гражданско-административную и судебную сферы. Наиболее интенсивно они занимались судебными делами (при этом вторая коллегия чинила в этом отношении произвол), наименее эффективно – военными. Основной заслугой первых децемвиров явилось составление десяти таблиц законов, вторых двух таблиц и реформирование календаря. Первые децемвиры обнародовали составленные ими законы, внесли в них исправления в соответствии со сделанными гражданами замечаниями и поставили на голосование в комициях. Мы отрицаем возможность принятия децемвирами законов только на основе их собственных экстраординарных полномочий. Вторые децемвиры не обсудили текст составленных ими законов и, видимо, даже не опубликовали его. Обнародование и утверждение двух начертанных последними таблиц (вместе с десятью предыдущими) произошло в 449 г. до н. э. при консулах Валерии и Горации.

Судебные приговоры децемвиров гражданам не подлежали действию права провокации, которое, по нашему мнению, применялось на протяжении первых шести десятилетий существования Республики. Концепция, отрицающая его наличие на этом хронологическом отрезке, входит в противоречие с комплексом источниковой информации о периоде в целом, и о децемвирате в частности.

Избавленные от действия права провокации и протеста со стороны плебейских трибунов, деятельность которых была приостановлена, децемвиры были подвержены коллегияльной интерцессии (до тех пор, пока сами ей не пренебрегли). Судя по всему, они были первыми римскими магистратами, наделенными равной коллегияльностью, и именно при них *par potestas* впервые получила свое подлинное оформление, выразившееся прежде всего в *intercessio*. После своего возникновения принцип коллегияльности магистратов уже не исчезает из римской республиканской конституции. Найденный в структуре чрезвычайной власти механизм *par potestas* был использован в ординарной высшей магистратуре: в 449 г. до н. э., когда вторые децемвиры слагают полномочия, первоначальная претура с иерархией должностных лиц преобразуется в консулат с подлинной коллегияльностью. С 444 г. до н. э., кроме того, в качестве экстраординарной коллегияльной магистратуры применяется также консульский трибунат. К 367 г. до н. э., к реформам Лициния-Секстия, механизм *par potestas* будет действовать свыше 80 лет и станет достаточно отлаженным.

Являясь обладателями обширных чрезвычайных полномочий, децемвиры действовали отнюдь не в полном политическом вакууме. Возможностями политического давления на них (как и на всяких чрезвычайных магистратов) располагал сенат, свои методы воздействия нашли в решающий момент и у всего гражданского коллектива. Римская община, вводя в конституцию коллегия полновластных магистратов, имела некоторые защитные механизмы от возможности государственного переворота; их она, в конечном счете, и использовала. Однако опыт применения децемвирата показал, что эти защитные механизмы должны быть усилены, тем более когда власть передается чрезвычайным магистратам на годичный, максимально возможный по римским конституционным нормам, срок. О том, что римляне извлекли уроки из попытки узурпации власти вторыми децемвирами, наглядно свидетельствует тот факт, что между децемвиратом и Гракхами «ни одно должностное лицо не делало явных попыток превзойти конституционную компетенцию»⁵²³

Функционирование децемвирата оказало влияние не только на реорганизацию ординарной власти, при которой были учтены положительные моменты, апробированные впервые в децемвирате (подлинная коллегиальность, коллегиальная интерцессия) и равным образом отвергнуты себя не оправдавшие (изъятие из под действия права провокации, освобождение от противодействия плебейских трибунов). Не меньшим, а еще более существенным было воздействие накопленного опыта на развитие системы чрезвычайной власти. Эксперимент применения коллегиальной годичной чрезвычайной магистратуры будет на новом уровне повторен в виде магистратуры военных трибунов с консульской властью.

О том, что римляне не рассматривали опыт использования децемвирата как сугубо отрицательный для политической практики (вклад децемвиров в создание правовой базы для римской гражданской жизни, без сомнения, всегда оценивался высоко) свидетельствует тот факт, что отмена этой магистратуры на основе специального закона не прослеживается. Поэтому, на наш взгляд, вполне вероятно, что возможность передачи власти коллегии десяти законодателей потенциально сохранялась (скорее всего, до реформ Лициния – Секстия), и она могла бы вновь быть использована, если бы потребность в ней опять возникла.

⁵²³ Demandt A. Antike Staatsformen. Eine vergleichende Verfassungsgeschichte der Alten Welt. Berlin, 1995. S. 404.

Как все другие экстраординарные магистратуры ранней Республики, не сохранившиеся в ее поздний период, децемвират пережил попытку реанимации в I в. до н. э., когда в период консульства Цицерона плебейские трибуны предлагали возродить его именно в качестве чрезвычайной структуры с полномочиями, по определению Плутарха, стратегов-автократоров (*Plut. Cic. XII*). Однако это не было реализовано, и децемвиры – высшие магистраты с империем – оказались в римской истории относящимися только к середине V в. до н. э., оставившими о себе прочную память как о составителях законов XII таблиц.

Таким образом, практика децемвирата оказала существенное влияние на процесс формирования римской исполнительной власти в целом, в совокупности ее ординарных и экстраординарных органов. Относя магистратуру децемвиров к институтам чрезвычайной власти, мы тем самым отказываемся признать ее (как и другие экстраординарные должности) непосредственным звеном в цепи реорганизаций высшей ординарной магистратуры, но отводим ей важную роль в процессе оформления всей республиканской государственно-правовой системы Рима.

Zusammenfassung

DER DECEMVIRAT IM SYSTEM DES RÖMISCHEN STAATSRECHTS in der Zeit um die Mitte 5. Jh. v. Chr.

Die Monographie beschäftigt sich mit der historischen Rekonstruktion der römischen Magistratur *decemviri consulari imperio legibus scribendis* (auf Griechisch hießen diese Beamten δεκαδρχία, στρατηγοὶ αὐτοκράτορες, νομογράφοι, νομοθέται) als Bestandteil der Exekutive in der frühen Republik.

Das Kapitel I „DIE EINRICHTUNG DER MAGISTRATUR DER DECEMVIRI. DIE POLITISCHEN UND RECHTLICHEN GRUNDLAGEN DES AMTES“ besteht aus zwei Teilen. Im ersten – „Die Ursachen für die Einrichtung und der Zweck des Decemvirats“ – erörtert V. V. Dementieva zwei geschichtswissenschaftliche Thesen zur Einrichtung der Magistratur des Decemvirates. 1. Der wesentliche Grund für die Entstehung des Kollegiums der Decemviri habe in der anstehenden Kodifikation der Gesetze bestanden. 2. Die wichtigste Ursache für die Einrichtung des Decemvirats sei die Absicht gewesen, die Exekutive dadurch zu reformieren, daß man ein neues Amt schuf. Auf der Basis einer neuen gründlichen Quellenanalyse bestätigt die Autorin die Ansicht, daß die Entstehung des Decemvirats mit der Gesetzeskodifikation zusammenhing. Sie kommt überdies zu dem Schluß, daß der Decemvirat außerdem zur Reform der Magistratur eingerichtet wurde. In der geschichtswissenschaftlichen Diskussion war das Problem folgendermaßen zugespitzt worden: Falls der Decemvirat geschaffen wurde, um einen ständigen Ersatz für Konsuln und Volkstribunen zu haben, muß die Kodifikation eine unvorhergesehene Folge gewesen sein: Das widerspricht den Angaben in den Quellen. Falls das Kollegium aber als zeitweiliges Organ für die Zusammenstellung der Gesetze begründet worden ist, bleibt unklar, warum die Tätigkeit von Konsuln und Volkstribunen währenddessen unterbunden wurde. V. V. Dementieva legt eine Lösung vor, die diese Widersprüche beseitigt: Der Decemvirat war nicht als eine ordentliche ständige, sondern als eine außerordentliche Magistratur eingerichtet worden.

Im zweiten Teil „Die konstitutionellen Grundlagen des Decemvirats“ wird dargelegt, daß die Magistratur der Decemviri durch Gesetz nämlich durch eine *lex de creandis decemviris legibus scribendis* in das staatsrechtliche System eingefügt wurde. Die Wahl der Decemviri war Aufgabe der comitia centuriata. Wahrscheinlich wurden nicht alle Amtsinhaber zur

selben Zeit gewählt. Die Autorin schließt aber mit Nachdruck aus, daß es Kooptationen gab. Der Ausbau der Kompetenzen des ersten Kollegiums der Decemviri war bis zum Ablauf der einjährigen Amtszeit erfolgt, sodaß ein zweites fristgerecht und durch Wahlen legitimiert die Amtsgeschäfte aufnehmen konnte. V. V. Dementieva bestreitet, daß die Kompetenzen der Decemviri unbefristet übertragen wurden. Die Überschreitung der Jahresfrist durch das zweite Kollegium der Decemviri ist nach Ansicht der Autorin als Usurpationsversuch zu interpretieren, der dank der Bemühungen der gesamten Bürgerschaft, des Senates und weiterer führender Politiker abgewehrt werden konnte. Die Tätigkeit der Decemviri löste sich schon im zweiten Jahr des Decemvirats von den rechtlichen Normierungen, im dritten Jahr hat sie den durch die Verfassung gesetzten Rahmen gänzlich verlassen.

Das Kapitel II „DIE DECEMVIRI ALS TRÄGER DER HÖCHSTEN STAATLICHEN GEWALT“ beginnt mit einem Abschnitt über „Die Zusammensetzung der Kollegien der Decemviri“. Hier charakterisiert die Autorin den Decemvirat als einen gesellschaftlichen Kompromiß, den die Plebejer erreicht haben. Erfolgreich waren sie in verschiedener Hinsicht: Die Macht wurde in einem Kollegium von zehn Männern verteilt; dessen Tätigkeit führte zur schriftlichen Fixierung des Rechtes; schließlich wurde den Führern der Plebs die Möglichkeit eröffnet, im zweiten Decemviratskollegium dabeizusein. Die Rekonstruktion und die Analyse der Listen aller Mitglieder beider Kollegien zeigt, daß das erste nur aus Patriziern bestand, während im zweiten die Stände zu gleichen Teilen vertreten waren. Hypothesen, wonach es nur ein Kollegium von Decemviri gegeben habe oder wonach Plebejern die Zugehörigkeit zu den Kollegien der Decemviri verwehrt war, werden von V. V. Dementieva zurückgewiesen. Die Autorin vertritt die Ansicht, daß die Plebejer durch die Einrichtung des Decemvirats erstmals Zugang zu einer Magistratur *cum imperio* erhalten haben und zum ersten Mal Träger der *auspicia publica* werden konnten.

Im zweiten Abschnitt „Der Umfang der Befugnisse und die praktische Tätigkeit der Decemviri“ betont die Autorin, daß die *decemviri* mit *imperium* ausgestattet waren. V. V. Dementieva glaubt im Unterschied zu anderen Forschern, daß die Übergabe des Imperiums an das erste Kollegium der Decemviri anders als im Interregnums gestaltet war, wo jeder *interrex* für fünf Tage über die höchste Kompetenz verfügte.

Die Aufgaben der Decemviri im Staat lagen auf militärischem, administrativem und jurisdiktionellem Gebiet. Ihre besondere Aufmerksamkeit galt der inneren Ordnung. In militärischen Angelegenheiten waren sie wenig erfolgreich. Das Hauptverdienst des ersten Decemvirates war es, zehn Tafeln der Gesetze zusammenzustellen; der zweite Decemvirat fügte zwei Tafeln hinzu und reformierte den Kalender. Die erste Decemviri haben die

von ihnen aufgeschriebenen Gesetze veröffentlicht, haben Verbesserungsvorschläge der Bürger aufgegriffen und haben den gesamten Text in den *comitia centuriata* zur Abstimmung gebracht. V. V. Dementieva bestreitet, daß die Gesetze allein durch die außerordentlichen Vollmachten der Decemviri in Kraft gesetzt worden seien. Die Decemviri des zweiten Kollegiums haben den Text der von ihnen formulierten Gesetze nicht in der Bürgerschaft diskutieren lassen, haben ihn offenbar nicht einmal publiziert. Die Bekanntgabe und die Beschlußfassung über die beiden letzten Tafeln sind (zusammen mit den zehn früheren) 449 unter den Konsuln Valerius und Horatius erfolgt.

Die von den Decemviri in Gericht über Bürger verhängten Urteile waren nicht dem Provokationsrecht unterworfen. Dieses Recht gab es – wie die Autorin ausführt – schon in den ersten sechs Jahrzehnten der Republik. Die Ansicht, daß es damals noch nicht existiert habe, steht im Widerspruch zum Gesamtbild, das die Quellen über diese Periode allgemein und über den Decemvirat im besonderen zeichnen.

Die Decemviri waren vom Provokationsrecht und vom Eingreifen der Volkstribunen, die suspendiert waren, nicht betroffen. Aber sie waren im Kollegium wechselseitig der *intercessio* unterworfen. Höchstwahrscheinlich waren die Decemviri die ersten römischen Magistrate, unter denen völlige kollegiale Gleichheit herrschte. Mit ihnen hat die *par potestas* erstmalig ihre spezifische Gestalt erhalten, die sich besonders im *ius intercessionis* ausformte.

Der Decemvirat ist als Antwort auf politische Probleme geschaffen worden. Schwierigkeiten gab es dabei, die Exekutive zu reformieren und die Gesetze aufzuzeichnen. Die Aufgabe einer schriftlichen Kodifikation der Gesetze war einer der Gründe, den Decemvirat einzurichten. Das zeigen die *rogatio* des Terentilius Harsa 462 v. Chr. und die Aussendung einer Gesandtschaft zu den Griechen: Das war nach dem Zeugnis der Quellen bereits geschehen, als die Macht auf die Decemviri übertragen wurde.

V. V. Dementieva hält die Auffassung für verfehlt, daß die Angaben der Quellen, wonach die Decemviri ihre Machtstellung gegen das Gesetz verlängern wollten, als Erfindungen anzusehen seien. Die Autorin sieht auch keine Grundlage für Gleichsetzung der tyrannischen Herrschaft im zweiten Decemvirat mit der griechischen *αἰσυμνήτια*.

Die Magistratur der Decemviri wurde nicht durch ein eigenes Gesetz abgeschafft. Die Autorin hält es deswegen für sehr wahrscheinlich, daß – wohl bis zu den licinisch-sextischen Reformen – grundsätzlich die Möglichkeit weiterbestand, falls nötig, die Macht wieder einem Kollegium von *decemviri* zu übertragen.

Im dritten Abschnitt "Zur Eigenart der Magistratur der Decemviri: Der Stand der Diskussion" verteidigt V. V. Dementieva in Auseinandersetzung mit anderen Positionen in der aktuellen Forschung ihre Auffassung vom Decemvirat als einer außerordentlichen und kollegialen höchsten Magistratur.

Wie bei jeder anderen der außerordentlichen Magistraturen aus der Zeit der frühen Republik, die nicht kontinuierlich fortbestanden, hat es auch im Fall des Decemvirates im 1. Jh. Wiederbelebungsversuche gegeben. Im Konsulatsjahr Ciceros schlugen die Volkstribunen vor, ihn als außerordentliches Kollegium zu erneuern. Damit haben sie sich nicht durchgesetzt. Decemviri als Obermagistrate *cum imperio* hat es in der römischen Geschichte nur in der Mitte des 5. Jh. v. Chr. gegeben. Sie blieben als diejenigen in lebendiger Erinnerung, die die Gesetze für die XII Tafeln zusammengestellt haben.

Die Erfahrungen mit dem Decemvirat hatten einen wesentlichen Einfluß auf den Prozeß der Ausgestaltung der exekutiven Gewalt in Rom, sowohl auf die ordentlichen als auch auf die außerordentlichen Ämter. Weil V. V. Dementieva die Decemviri als außerordentliche Magistrate ansieht, wendet sie sich gegen die Auffassung, daß dieses Amt direkt unter die Maßnahmen eingereiht werden dürfe, die ordentliche Magistratur zu reorganisieren. Aber ihrer Ansicht nach hat der Decemvirat trotzdem eine wichtige Rolle bei der Gestaltung des republikanischen staatsrechtlichen Systems in Rom gespielt.

Вместо послесловия

РИМСКАЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ВЛАСТЬ ЭПОХИ РАННЕЙ РЕСПУБЛИКИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ

Выявление сути понятий «экстраординарная должность» и «чрезвычайная власть» применительно к римской государственно-правовой системе, особенно для раннереспубликанского периода, когда непостоянные политические институты были ее неотъемлемой и органичной частью, представляет безусловный теоретико-методологический и конкретно-исторический интерес. Хотя вопрос этот является принципиальным, в историографии он изрядно запутан.

Чрезвычайная власть в Риме осуществлялась посредством функционирования неординарных магистратур, – следовательно, это понятие целиком и полностью относилось к сфере исполнительной власти, охватывавшей, по римским представлениям, военные, гражданские и судебные функции. Современные историки, обращаясь к античному Риму, привыкли оперировать, как само собой разумеющимися, терминами «ординарная магистратура», «экстраординарная магистратура», «постоянная власть», «чрезвычайная власть». Эти понятия кажутся им настолько естественными, что, по большей части, они используют их вполне небрежно, не уточняя смысл (полагая его очевидным), а между тем, вкладывают в эти категории различное содержание. Применяя к римским магистратурам прилагательные латинского языка *ordinarius* (обыкновенный, правильный, соответствующий порядку) и *extraordinarius* (экстренный, необыкновенный, чрезвычайный), исследователи исходят из того, что их употребляли древние авторы, но трактуют сообразно со своим, часто поверхностным, знанием предмета. Нередко они даже не задумываются о критериях для классификации структур исполнительной власти Рима, хотя пища для размышлений здесь определенно есть (учитывая, к тому же, что античные писатели в дошедших до нас трудах их не формулировали), и попытки систематизации римских должностей делались уже в XIX в. в немецком антиковедении, представлявшем тогда вершину научных знаний этой отрасли.

Теодор Моммзен, вычленив экстраординарные республиканские магистратуры из общего ряда властных структур (хотя четко не отмечая, по какому принципу он это делал), предложил разделить их на три категории⁵²⁴ К первой он отнес «чрезвычайные должности для чрезвычайных дел».

⁵²⁴ *Mommsen Th. Abriss... S. 186.*

чайных дел», то есть предназначенные для выполнения государственных задач, решение которых община только в единичных случаях передавала магистратам. Ко второй он причислил «чрезвычайные должности для ординарных дел», а к третьей – «чрезвычайных должностных лиц с устроительной властью». Называя в разных местах своих многочисленных трудов чрезвычайными магистратами (из числа раннереспубликанских) диктатора, интеррекса, децемвиров, военных трибунов с консульской властью, он только децемвиров определенно отнес к третьей из выделенных им категорий. Судя по всему, консульских трибунов он зачислял во вторую группу, а как классифицировал диктатора и интеррекса, – остается не вполне ясным.

Ученники Т. Моммзена (не блиставшие, правда, равными своему учителю талантами) Германн Шиллер и Моритц Фойгт разделили всех римских магистратов на «постоянные годичные» (консулы, преторы, эдилы, квесторы), «ординарные непостоянные» (диктатор, консульские трибуны, цензоры), «чрезвычайные, каждый раз вводимые по особому закону» (децемвиры, триумвиры, аграрные комиссии)⁵²⁵ В их систематизации произошла уже полная путаница, так как они допустили явные ошибки методического характера: смешали магистратуры *cum imperio* с должностями, не относившимися к высшей исполнительной власти; понимая, вслед за своим учителем ординарность дел как их частую повторяемость в римской публичной жизни, они, в отличие от Т. Моммзена, полагали, что любая магистратура, предназначенная для выполнения таких дел, должна считаться ординарной (поэтому, вразрез с его мнением, относили диктатора к ординарным должностям). В российской историографии подобный взгляд нашел поддержку В. М. Хвостова, который так же определял диктатора как ординарного, но непостоянного магистрата⁵²⁶.

Макс Целлер, хотя он во многом придерживался именно моммзеновской трактовки римской государственно-правовой системы, предложил собственный критерий разделения магистратов на ординарные и экстраординарные. К первым он отнес предусмотренные конституцией, ко вторым – не предусмотренные ею. Поэтому он подчеркивал, что в его понимании диктатор и интеррекс не являлись экстраординарными должностными лицами, ибо они были намечены строем государственной жизни, предусмотрены конституцией⁵²⁷ При этом цензоров он

⁵²⁵ Schiller H., Voigt M. Op. cit. S. 504.

⁵²⁶ Хвостов В. М. История римского права. М., 1919. С. 46.

⁵²⁷ Целлер М. Римские государственные и правовые древности. М., 1893. С. 193.

считал экстраординарными магистратами⁵²⁸ Распределив чрезвычайные магистратуры на четыре группы, к первой из них – должностных лиц с законодательной властью – он отнес децемвиров, во вторую, не давая ей никакого определения, выделил одних лишь консульских военных трибунов. Третья и четвертая группы у него были представлены не высшими магистратами, а должностными лицами без империя (членами аграрных комиссий, триумвирами для выведения колоний и пр.), то есть наблюдалось, так же как у Г. Шиллера и М. Фойгта, смешение разнопорядковых структур.

Последовательно придерживался мнения об экстраординарном статусе таких должностных лиц как интеррекс, диктатор, начальник конницы, децемвиры, военные трибуны с консульской властью Людвиг Ланге⁵²⁹ Никакую специальную теоретическую базу под этот взгляд он не подводил, но называл чрезвычайных магистратов «суррогатами» регулярных⁵³⁰, рассматривая, следовательно, их «заменителями» во всех государственных делах.

Наиболее четко в отечественной историографии позиции Т. Моммзена и Л. Ланге в отнесении к списку чрезвычайных магистратов должностных лиц, называвшихся *interrex*, *dictator*, *decemviri legibus scribundis*, *tribuni militum consulari potestate*, разделял А. Зиновьев, хотя в его перечни ординарных и экстраординарных магистратов попали и не обладавшие полномочиями высшей власти⁵³¹.

Отмеченная разноголосица мнений в историографии XIX в. способствовала тому, что последующие поколения историков произвольно брали за теоретическую основу любое из имеющихся построений, или даже некритически их совмещали. При этом диктатора, чаще всего, причисляли к чрезвычайным магистратам, консульских трибунов – к ординарным, децемвиров примерно в равных пропорциях к тем и другим, а интеррекса вообще подчас не считали магистратом.

Проведенное нами изучение структур чрезвычайной власти должности интеррекса и всего политического института междоусобицы, магистратур диктатора, децемвиров и военных трибунов с консульской властью – позволяет высказать следующие утверждения. Все перечисленные должностные лица – высшие магистраты с империем (для диктатора и децемвиров это вполне признается в историографии, для интеррекса и консулярных трибунов требовало специальной аргу-

⁵²⁸ Целлер М. Указ. соч. С. 108.

⁵²⁹ Lange L. Op. cit. Bd. 1. S. 289, 915.

⁵³⁰ Ibid. S. 915.

⁵³¹ Зиновьев А. Указ. соч. С. 76.

ментации, которую мы и представили в соответствующих работах). Названные четыре политические структуры исчерпывают перечень высших раннереспубликанских магистратов с империем, полученным на основе куриатного закона, когда-либо «подозревавшихся» историками в экстраординарном характере (цензоры, должность которых иногда определялась как чрезвычайная, империя не имели). Другие в их число не включались, да и не прослеживаются в управлении римской общиной V-III вв. до н. э. при специальном поиске. Все они – непостоянные, то есть нерегулярные органы власти, применявшиеся спорадически, а не периодически, нарушавшие обычный порядок управления общиной. Они экстраординарные в буквальном значении этого термина на латыни, то есть необычные, вводимые на экстренный случай.

Понятие «чрезвычайная власть» у античных авторов, писавших на латинском языке (а только они адекватно отражают сам факт наличия такового понятия в римской публичной жизни, государственно-правовых установлениях и общественном сознании), выражается, как показывают наши наблюдения, словосочетаниями «*imperium extraordinarium*» (*Liv.* V. 37. 3; *Cic. Leg Agrar.* II. 8), «*potestas extraordinaria*» (*Cic. De Dom.* 22; *Cic. Pro Sest.* 60), «*ius extraordinarium*» (*Gell.* N. A. XIV. 7. 5). Тем самым охватывается весь набор имен существительных, обозначавших на латыни высшую исполнительную власть (отличавшихся смысловыми оттенками), с соответствующим прилагательным. При этом Тит Ливий и Авл Геллий употребляют данные термины применительно к магистратам ранней Республики, а Цицерон – либо в обобщающем смысле, как абстрактные политико-правовые категории, либо – по отношению к позднереспубликанским должностным лицам. Использование понятия «экстраординарная власть» в античной традиции было, в целом, довольно редким; классификационные принципы отнесения к ней отдельных магистратур у древних писателей не сформулированы, более того, лишь в исключительных случаях они называют носителей конкретной должности чрезвычайными магистратами. Обычно античные авторы отмечают власть (*imperium*, *potestas*, *ius*) определенных должностных лиц, только иногда характеризуя ее в качестве экстраординарной (как Авл Геллий в указанном фрагменте применительно к консульским военным трибунам и децемвирам). Поэтому критерии отнесения римских магистратов к чрезвычайным, так же как содержание понятия «экстраординарная власть» в государственном устройстве римлян республиканского периода, могут быть только результатом исторического исследования на базе сведений источников о конкретной деятельности должностных лиц, обстоятельств их прихода

к власти и прекращения ее полномочий, механизма функционирования магистратур. Именно итогом такого анализа являются наши выводы о сути римской чрезвычайной власти, структурах, ее осуществлявших, и их роли в формировании и развитии политической системы *civitas*.

Представление о необходимости специального регулирования общественной жизни в критической ситуации и особых органах власти, способных оптимально это осуществить, появилось у римлян еще в царскую эпоху. Первым экстраординарным должностным лицом с империем стал интеррекс, призванный обеспечить преемственность высшей власти. Спустя примерно десять лет после установления Республики в Риме была создана магистратура диктатора, еще через полвека был введен децемвират, а затем, по прошествии нескольких лет – консулярный (консульский) военный трибунал. Все появившиеся в период Республики чрезвычайные должности, как показывает наш анализ, были введены в римскую политическую систему посредством принятия особых законодательных актов (*lex de dictatore creando*, *lex de creandis decemviris legibus scribundis*, *lex de tribunis militum consulari potestate creandis*). Экстраординарные структуры включались в государственное устройство не на основе только сенатского постановления, – это происходило по итогам голосования в комициях. Принятие же закона означало создание конституционных основ применения магистратуры, поэтому мы никоим образом не можем согласиться с теми авторами, которые к экстраординарным магистратам относят «не предусмотренные конституцией» и включают в число ординарных (на том основании, что они были предусмотрены конституцией) интеррекса и диктатора. Римская конституция не представляла собой единого «основного закона»; отдельные *leges* и *mores maiorum*, относившиеся к публичной жизни, собственно, и являлись конституцией. Следовательно, все экстраординарные магистратуры раннереспубликанского периода были ею предусмотрены, и чрезвычайность власти в этот период не есть ее «внеконституционность» или «надконституционность».

Чрезвычайные органы, основное использование которых падает на раннюю Республику, имели разную по продолжительности существования и интенсивности применения историю. Самую долгую политическую жизнь, возникнув раньше других экстраординарных структур, прожил институт междоцарствия, – завершив ее практически вместе с Республикой. Если применение магистратуры интеррекса продолжалось в течение многих веков, то децемвиров – менее трех лет, но они непрерывно находились у власти, что в пересчете на срок полномочий отдельного интеррекса равно времени правления более полутора сотен

междуцарей. До преобразований по реформам Лициния-Секстия сохранялась должность военных трибунов с консульской властью, до конца III в. до н. э. — магистратура диктатора. Но по совокупности времени осуществления властных полномочий носители этих должностей вполне сопоставимы, скорее даже консульские трибуны дольше управляли гражданским коллективом общины. Поэтому, с точки зрения «реального вклада в историю» римского государства, «проранжировать» эти четыре чрезвычайные магистратуры очень трудно, тем более, что «количество» и «качество» содеянного ими не поддается простому арифметическому учету, — их дела во всем многообразии исторически самоценны и не подлежат сравнению по типу «больше-меньше» или «лучше-хуже». Конечно, диктаторы совершили много славных дел, украсив подвигами, например, многие страницы в летописи военных событий, однако как соотносить с этим составленные децемвирами всего двенадцать таблиц, зато самых первых писанных римских законов? Неудачный опыт применения консулярных трибунов в военной сфере, не перевешивается ли на весах истории весьма существенным для судеб общины опытом участия плебеев в высшей магистратуре? А чем, собственно, прославились интеррекссы (не имевшие времени ни для каких масштабных дел), кроме того, что проводили выборы магистратов, но без этих должностных лиц какие катаклизмы могли ожидать политическую жизнь Республики, которой институт *interregnum* сопутствовал в течение всех ее пяти веков? У каждой из этих структур была собственная политическая ниша, каждая создавалась на определенном этапе развития римской государственности в ответ на возникавшие общественные потребности, с отмиранием которых прекращала свое существование.

Все из не перешагнувших рубежа III в. до н. э. римских экстраординарных магистратур пережили попытки реанимации в последний век существования Республики, в преддверии ее падения. Требования плебейских трибунов «возрождения» децемвирата и консульского трибуната (*Plut. Cic. XII; Dio. XL. 45*) закончились безрезультатно, а магистратура диктатора была «восстановлена» Суллой, а затем Цезарем, но она существенно отличалась от исходного варианта. Вместе с тем, современные специалисты, изучающие позднереспубликанскую диктатуру, отмечают, что «цезарианская диктатура, бесспорно вышедшая за рамки традиционной должности, имела и значительную степень прием-

ственности»⁵³², а диктатура Суллы имела много общего с децемвиратом⁵³³. Чрезвычайные коллегиальные и многоместные магистратуры оказались малопригодны для осуществления политических амбиций отдельных деятелей поздней Республики, стремившихся к авторитарной личной власти. Поэтому они предпочли воспользоваться формальным возрождением раннереспубликанской диктатуры, а не децемвирата и не консульского военного трибуната.

Все раннереспубликанские чрезвычайные магистратуры имели, как нам стало отчетливо видно в ходе их изучения, общность главных принципов механизма функционирования. Для его запуска (после того как закон о введении данной должности в конституционное устройство был принят) требовалось постановление сената (в случае интеррегнума – собрание *patres*, что сужает круг лиц, принимавших решение, но не меняет принципа). Община прибегала к передаче власти экстраординарным магистратам, ранее включенным в государственное устройство, без созыва народных собраний для голосования постановления об этом. Только если в порядок функционирования уже применявшейся должности требовалось внести изменения (например, увеличить предельную численность консульских трибунов), собирались комиции. Единоличные магистраты назначались, коллегиальные – избирались на центуриатных собраниях в полном соответствии с действовавшей процедурой. Для всех, и избиравшихся, и назначавшихся, кто не олицетворял собой куриатную организацию, то есть не входил заведомо в число *patres*, требовался *lex curiata de imperio*. Акту назначения (так же как сенатскому постановлению о переходе к управлению общиной посредством чрезвычайной магистратуры) плебейские трибуны воспрепятствовать не имели возможности, созыву избирательных комиций могли помешать.

Ни один чрезвычайный магистрат не действовал в полном «политическом вакууме». При всех них сохраняли свою роль комиции и сенат; изменения касались именно исполнительной власти. Во время нахождения во главе государства диктатора, интеррекса или консульских трибунов не теряли своего статуса плебейские трибуны (попытка отмены плебейского трибуната связана только с децемвиратом, но она себя не оправдала), хотя право интерцессии с их стороны, распространявшееся на деятельность интеррекса и консульских трибунов, не мог-

⁵³² Егоров А. Б. Цезарь, Август и римский сенат // Античное государство: Политические отношения и государственные формы в античном мире / Под ред. Э. Д. Фролова. СПб, 2002. С. 135.

⁵³³ Еремин А. В. Указ. соч. С. 117-118.

ло применяться против диктатора. На решения диктатора, касавшиеся жизни и наказаний граждан, не было провокации к народному собранию; не действовало это право и по отношению к приказам такого рода со стороны децемвиров. Интеррекс и диктатор были единоличными магистратами (начальник конницы при диктаторе не может рассматриваться его равноправным коллегой), децемвиры и консульские трибуны – многоместными коллегиальными. Соответственно, интеррекс и диктатор не могли подвергнуться интерцессии со стороны товарищей по должности, а децемвиры и консульские трибуны были ей ограничены (вторые децемвиры отменили veto коллег самочинно, в нарушение конституционных норм). Однако и интеррекс, и диктатор имели меньший срок полномочий, чем коллегиальные экстраординарные магистраты: пятидневный промежуток времени наделения властью интеррекса и шестимесячный – диктатора были призваны защитить общину от развития чрезмерных амбиций их единоличных обладателей. Предельно малый срок полномочий интеррекса был обусловлен большей «политической пустотой» вокруг него, – при диктаторе другие магистраты просто приостанавливали осуществление верховных полномочий, но могли действовать, подчиняясь ему; при междудцаре иные должностные лица исполнительной власти отсутствовали. Децемвиры и консульские трибуны были наделены максимально возможным по римским нормам сроком руководства общиной, равным административному году. Одноместность экстраординарной магистратуры была, таким образом, сопряжена с усеченным сроком наделения властью, многоместность – с полным.

Проделанный нами анализ объема полномочий чрезвычайных магистратов показал, что все они имели полноценный *imperium*, распространявшийся на сферы *domi* и *militiae*. Мы считаем правомерным сделать вывод, что империй как право приказа, как право решать судьбу сограждан и осуществлять верховную исполнительную власть во всем объеме, а также проводить сношения с богами от имени общины, по наполнению своему был одним и тем же для всех высших магистратов, не только чрезвычайных, но всех вообще, в том числе и ординарных. Понятие империя было единым по своему содержанию, и вручение империя по куриатному закону о нем давало магистрату один и тот же набор прав, независимо от того, какую должность он занимал. Поэтому чрезвычайная власть как категория римской государственно-правовой системы и общественного сознания должна пониматься, по нашему глубокому убеждению, не как отличавшаяся от ординарной по наполнению, по объему полномочий. Подчеркнем, что *imperium* – величина

недробимая ни в каком отношении (в том числе и между одновременно исполнявшими должность коллегияльными магистратами). Могла быть иерархия магистратов, наделенных империем, и тогда вышестоящий имел право воспрепятствовать приказам нижестоящего, мог быть, как мы его назвали, «дисквалифицированный» с сакральной точки зрения империй у консула-суффекта и магистрата, которому империй пророгировали (что было связано с их ролью «заместителей»), но империй нормальным образом избранного или назначенного высшего магистрата был всегда одним и тем же по внутренне присущему ему объему власти. Поэтому чрезвычайная власть римлян отличалась от ординарной не своим содержанием, а наличием неких внешних по отношению к империи факторов, в чем-то расширявших сферу применения магистратом своего империя, а в чем-то при этом и ограничивавших ее: изъятие решений магистрата из-под закона о провокации, от воздействия со стороны трибунской интерцессии, неординарное количество должностных лиц, урезанный по сравнению с нормальным срок полномочий. Экстраординарные магистраты, таким образом, это должностные лица, наделенные именно так понимаемой, в римском смысле, чрезвычайной властью – высшим империем, имевшим особый, неординарный механизм реализации, – к тому же, нерегулярно использовавшиеся в политической практике. Нерегулярность не означает редкое применение магистратуры, – оно могло быть сколь угодно частым. Нерегулярность означает непериодичность, использование по мере необходимости, в экстренной, критической ситуации. Конечно, сенат, от которого зависело, в конечном счете, решение о том, что община должна прибегнуть к неординарному управлению, мог маскировать свои интересы якобы имевшей место сложностью положения, и некоторое поле для «политической игры» здесь у него было, что не подчеркивает предназначения чрезвычайных структур для решения сложных и внезапно вставших задач.

Признавая нерегулярность отличительной чертой экстраординарных магистратур, мы, тем самым, категорически не соглашаемся с теми авторами, которые выделяют «ординарные непостоянные» римские должности (включая в них диктатора и консульских трибунов). Ибо ординарная власть для римлян – это именно постоянная, сопутствующая обычному порядку власть. Не можем мы поддержать и точку зрения, согласно которой частая повторяемость государственных дел является признаком их ординарности, а любые призванные их выполнять магистраты (в том числе, например, диктаторы) должны считаться ординарными. Допустим, ведение войны для римлян – это обычное, часто

повторяющееся дело. Но диктатор назначался не при каждом возобновлении военных действий, а при обострении ситуации, когда она становилась угрожающей. Соответственно, нам представляется целесообразным и методически уязвимым выделение среди экстраординарных магистратур «чрезвычайных должностей для ординарных дел» и «чрезвычайных должностей для чрезвычайных дел», а также «чрезвычайных магистратов с устроительной властью». Империй магистрата давал ему право заниматься любыми государственными делами, в том числе, например, систематизировать и записывать законы, если у общины назрела в этом потребность, а грань между делом обычным и чрезвычайным, как мы отметили, обратившись к военной сфере, условна. Условность ее видна и на примере внутривластной, социальной жизни. Сословная борьба в раннереспубликанский период являлась постоянно присущей ей чертой, но обострение конфликтов создавало угрозу стабильному существованию общины и заставляло ее прибегнуть к помощи чрезвычайных магистратов. Таким образом, не содержание дела, ради которого поручали высшее руководство магистрату, а характер ситуации определял переход к использованию экстраординарной магистратуры. Мы можем сказать, что чрезвычайные органы власти предназначались для выполнения любых дел в случаях, когда речь шла о сохранении *civitas*, о принятии экстренных мер, направленных на ее спасение или радикальное укрепление ее основ.

Рассмотрение таких должностей как интеррекс, диктатор, децемвиры, военные трибуны с консульской властью, которые были охарактеризованы нами как экстраординарные, приводит нас к выводу о том, что единоличность, краткосрочность (меньше года), назначаемость являются достаточными основаниями для отнесения высших магистратов к числу чрезвычайных, но не выступают необходимым условием для этого. Единоличность, назначаемость, краткосрочность не могут служить универсальными критериями для включения должностных лиц с империем в число экстраординарных магистратов. Соответственно, коллегиальность, избираемость и годичность не являлись у римлян непременной характеристикой лишь ординарных должностей.

Очередность включения структур чрезвычайной власти в римскую конституцию, общность принципов их функционирования, использование в течение одного года разных из их числа, различия целей, ставившихся перед ними, резкие отличия в количественном составе свидетельствуют о том, что, с одной стороны, была явная логика исторического развития всей совокупности данных магистратур, и, с другой стороны, имелось некая их взаимосвязь как элементов единой системы.

Ранние по времени создания экстраординарные органы власти появились как единоличные магистратуры, поскольку их рождение связано с эпохой первых царей и самым началом Республики, когда в общественном сознании еще были прочны представления о концентрации власти в одних руках как действенном способе военно-политического руководства. С течением времени при возрастании задач, в первую очередь в сфере гражданского управления, и укреплении правовых основ государства римляне предприняли попытку введения экстраординарной коллегиальной магистратуры децемвиров. Изъяв ее, так же как и эффективно применявшуюся до тех пор диктатуру, из-под действия права провокации и интерцессии плебейских трибунов, но, не сократив, как у диктатора, годичный срок полномочий, гражданский коллектив столкнулся с попыткой узурпации власти со стороны децемвиров. Это не заставило римлян вообще отказаться от использования коллегиальной магистратуры в качестве чрезвычайной, но привело к ограничению таковой более жесткими рамками, что и проявилось в консульском трибунате. Уроки децемвирата и опыт функционирования других чрезвычайных структур в полной мере были учтены при создании должности военных трибунов с консульской властью. К тому же, эксперимент с коллегиальной магистратурой был расширен в плане создания численно гибкой экстраординарной структуры. Он оправдал себя при использовании консульского трибуната на гражданском поприще, но эффективность применения многоместной магистратуры в сложной военной ситуации оказалась низкой. Это помогло римлянам реформировать исполнительную власть в целом, создав более разветвленную систему ординарных должностей, но сохранив при этом только единоличные в качестве чрезвычайных. Активные поиски новых форм в сфере чрезвычайной власти в 50–40-е гг. V в. до н. э. (именно в направлении создания коллегиальных ее структур) были вызваны, не в последнюю очередь, и отставанием развития ординарной власти от назревших потребностей. Преобразования постоянных должностей в середине IV в. до н. э. позволили отказаться от коллегиальных чрезвычайных магистратур.

Магистратуры интеррекса, диктатора, децемвиров, военных трибунов с консульской властью, занимавшие, как мы отметили, каждая свою политическую нишу и имевшие свои цели и задачи, предстают перед нами как взаимодополняющие, как звенья единого целого. В определенной мере они были и взаимозаменяемы, – например, провести консульские выборы экстренным образом мог как интеррекс, так и диктатор *comitiorum habendorum causa* (или вообще любой диктатор). Все чрезвычайные магистраты могли политическими рычагами пре-

одолеть сословную конфронтацию или организовать военную оборону. Римляне в поисках оптимального руководства общиной в сложных ситуациях нередко варьировали применение экстраординарных магистратур. При возникновении большого числа театров военных действий они прибегали к консульскому трибунату, но после полководческих неудач трибунов вводили диктатуру. При изучении структур неординарной власти возникает впечатление стройности ее организации и «состыкованности» ее элементов.

Проанализировав последовательность появления и ликвидации экстраординарных структур в римской политической системе, отмечая учет негативных уроков и положительного опыта функционирования более ранних по времени создания при введении более поздних, подчеркивая взаимодополняющий характер чрезвычайных магистратур, мобильность и вариативность их использования в государственной практике, мы считаем возможным сделать следующий принципиальный вывод. Структуры чрезвычайной власти не были простым механическим набором некоторого числа нерегулярно применявшихся органов власти. Они представляли собой единую систему, имевшую логику внутренних связей и закономерности исторического развития.

Система чрезвычайной власти ранней Римской Республики развивалась в тесном соприкосновении с системой ординарной власти (обе они в совокупности были двумя особыми составными частями исполнительной власти в целом), но экстраординарные органы, по нашему, выношенному на основе анализа каждого из них, убеждению, не были ступенями складывания высшей ординарной магистратуры. Широко распространенные в историографии гипотезы о том, что должности интеррекса, диктатора, децемвиров, консулярных трибунов, были каким-либо этапом формирования консулата, являются, по нашему мнению, необоснованными. Мы полагаем, что необходимо четко различать понятие этапа формирования институтов римской исполнительной власти в целом и этапа формирования высшей ординарной магистратуры, ибо они не совпадают (первое более широкое), и нельзя подменять одно другим. Складывание звеньев системы ординарной и системы экстраординарной власти шло, на наш взгляд, самостоятельными линиями: они корректировали с той и другой стороны механизм функционирования всей исполнительной власти, косвенно и прямо влияли друг на друга, но ни в коем случае не выступали этапом в развитии звеньев другой системы. Это принципиально важно, ибо речь в данном случае идет о теоретическом осмыслении ста пятидесяти лет развития римской государственности от начала Республики до реформ середины

IV в. до н. э. Естественно, что в период ранней Республики государственно-правовая организация находилась в стадии становления, она еще не приобрела в полной мере развитых и завершенных очертаний.

Предлагая при построении общей теории формирования римской республиканской государственности в первые полтора столетия «развести» процессы становления ординарной и экстраординарной власти, мы, тем самым, концептуально по-иному осмысливаем этот процесс. Не признавая консулат исходной ординарной магистратурой Республики и считая таковой двухместную претуру с неразвитым принципом коллегиальности, мы усматриваем создание собственно консульской магистратуры после второй сецессии плебеев. Эта высшая ординарная должность приняла окончательно оформленный вид – с паритетным сословным представительством – по реформам Лициния-Секстия. За период от преобразования первоначальной претуры в консулат до этих реформ произошло возникновение других постоянных органов исполнительной власти, которые были дополнены и упорядочены по законам 367 гг. до н. э. Одновременно со складыванием системы ординарной власти шло формирование и совершенствование системы экстраординарных институтов. Принципы и механизмы, найденные в ходе этого процесса, переносились и на деятельность постоянных органов. Так, впервые появившийся в децемвирате принцип подлинной коллегиальности способствовал переходу от примитивной претуры с иерархией вождей к равнозначной консульской паре с коллегиальной интерцессией. Впервые примененный в том же децемвирате и получивший развитие в консулярном трибунате принцип сословного представительства был использован (и укреплен введением паритета) при преобразованиях ординарной исполнительной власти в середине IV в. до н. э. Этот ряд, отражающий воздействия достижений процесса формирования экстраординарной власти на процесс формирования власти ординарной можно продолжить (например: отлаженность механизма диктатуры способствовала отказу от приоритета одного из двух ординарных магистратов, так как потребность в единоличном командовании могла быть быстро удовлетворена передачей власти диктатору; появление судебной претуры отчасти было одним из результатов применения многоместного консулярного трибуната и др.), но мы еще раз подчеркнем суть нашей исследовательской позиции. Имелось взаимовлияние процессов формирования систем ординарных и экстраординарных структур, в совокупности составлявших общий процесс создания и совершенствования республиканской исполнительной власти, но он развивался двумя

линиями, и отрезки одной не были одновременно отрезками другой, ибо, начиная с V в. до н. э., эти линии шли параллельно.

Управляемое немногочисленной элитой, римское государство политически поддерживалось и развивалось во многом благодаря конкуренции за власть отдельных лиц и стоявших за ними родов. Политическая элита, реально сосредотачивающая власть в своих руках, по наблюдениям Вольфганга Райнхарда, в каждом государстве может формироваться по принципу отбора либо «лучших» («элита уважаемых»), либо «наиболее пригодных» для выполнения управленческих задач («функциональная элита»)⁵³⁴ В Риме изначально носители государственных полномочий представляли именно «лучшие роды» патрициата, которые одновременно воспринимались общественным сознанием и как самые «функционально способные» к руководству общиной. С течением времени стало наблюдаться нарушение этого тождества в восприятии гражданского коллектива. «Пригодность к решению управленческих задач» все менее обуславливалась лишь происхождением, принадлежностью к избранному кругу семей, во всяком случае, их количество увеличивалось, шло перераспределение ролей сначала между патрицианскими родами, а затем оно осуществлялось и с участием плебейских родов. Анализ представительства в экстраординарных магистратурах демонстрирует, что важные изменения в осуществлении реальной власти членами определенных родов произошли в период от середины V до середины IV в. до н. э. Если к начальному рубежу выделенного отрезка доминировали Валерии, Фабии, Вергинии, Ветурии, а Постумии, Фурии и Сервилии стремились потеснить их, но отставали по своему политическому весу, то к концу периода (ликвидация консульского трибуната и реформирование консулата) в число самых влиятельных родов вошли Корнелии, Фурии, Сервилии, Сергии, заместив в составе политической элиты Фабиев, Вергиниев, Ветуриев и оттеснив с первых позиций Валериев. Эти патрицианские роды были разбавлены у кормила власти плебейскими родами Атилиев, Антониев, Лициниев, Требониев, Мелиев, Публилиев, проявлявших активность в конкурентной борьбе за государственное руководство.

Именно в экстраординарные магистратуры впервые плебеи получили доступ, причем, заметим, это были коллегиальные должности, в которых, в общей сложности, патриции преобладали. Плебейские диктаторы появились уже после допуска плебеев в консулат, а интеррекс,

⁵³⁴ Reinhard W. Geschichte der Staatsgewalt. Eine vergleichende Verfassungsgeschichte Europas von den Anfängen bis zur Gegenwart. München, 1999. S. 17.

как исключение – в период кризиса Республики (при этом по рождению он был патриций, перешедший в плебейский род). Единоличная магистратура диктатора не была объектом выраженной сословной борьбы, во всяком случае, до середины IV в. до н. э. Весьма интересно, что диктаторы, задействованные в разрешении сословных конфликтов, хотя и могли поступать с позиции силы, тем не менее, если ситуация обострялась до крайности, занимались поиском взаимоприемлемых решений. Назначение диктатором плебея в обстановке сословной конфронтации также являлось компромиссом, подобным же образом можно характеризовать избрание при интеррегнуме не консулов, а консулярных трибунов. При том, что сам консульский трибунал был компромиссным институтом, плебейские трибуны далеко не всегда задавались целью добиться перехода к нему, рассматривая консулат нормальным органом управления общиной в обычной ситуации. Инициатором вручения полномочий консульским трибунам мог выступать и сенат, а отнюдь не только плебейские трибуны, – при этом он исходил из общегосударственных интересов.

Проведя реконструкцию политико-правового механизма каждой из экстраординарных структур, мы можем предложить свою теоретическую модель римской чрезвычайной власти изучаемого периода как политико-правового феномена. Суть ее сводится к следующему:

Мы видим отличие римской экстраординарной власти от ординарной не в ее наполнении (объеме полномочий магистратов, ибо он в том и другом случае охватывается понятием *imperium*), а во внешних по отношению к империи факторах, определенным образом усиливавших возможности его применения (при наличии защищавших общину механизмов от потенциальной угрозы узурпации власти), и в нерегулярности использования отдельных ее структур.

Институты римской чрезвычайной власти понимаются нами как целостная система с развитыми внутренними связями отдельных ее частей, имевшая свою эволюцию, изменявшаяся в соответствии с потребностями организации публичной жизни римской общины.

Мы рассматриваем процесс формирования органов чрезвычайной власти как проходивший самостоятельной линией, наряду с процессом формирования магистратур ординарной власти, и отказываемся от признания функционирования чрезвычайных структур на определенных хронологических отрезках этапами складывания консулата в первые полтора века существования Республики.

Специфика римской исполнительной власти, на наш взгляд, состояла не только в том, что она включала в себя две ветви – ординар-

ных и экстраординарных органов (в отличие от греческих полисов, где практиковалось предоставление чрезвычайных полномочий, но не было полифункциональной и разработанной системы специальных неординарных должностей), но и в том, что она базировалась в обеих своих частях на идентичном (по неизменным, имманентным ему характеристикам) империи, не имевшем соответствия в иных античных государствах.

Таким образом, чрезвычайная власть ранней Республики, согласно нашей концепции, осуществлялась через легитимным образом введенные в государственное устройство органы, не стоявшие над конституцией, а органично «вписанные» в нее. Эти органы должны быть отнесены к системе экстраординарной власти не на основе таких отдельных критериев, как содержание дел магистратов, определенное количество должностных лиц или конкретный срок их полномочий, а по совокупным критериям политико-правового механизма функционирования. Чрезвычайные магистратуры могли быть как единоличными, так и коллегиальными – в значении *par potestas*, главной характеристикой которой было право взаимной интерцессии. При этом множественность (являвшаяся условием коллегиальности, но не ее синонимом) была сопряжена с нормальным для римлян годичным сроком полномочий должностных лиц исполнительной власти, а одностепенность – с усеченным. Не содержание деятельности магистратов, а острота ситуации, в которой эта деятельность осуществлялась, отличают римскую экстраординарную власть от ординарной. Не объем полномочий должностных лиц, а механизм реализации их империя составляет главное различие между чрезвычайной и постоянной властью ранней Республики. Созданные в архаическую эпоху структуры чрезвычайной власти не только сыграли важную (и, подчеркнем, в нашей трактовке – самостоятельную) роль в становлении политической системы Римской Республики, но и послужили одним из весомых факторов ее весьма длительного стабильного существования.

An Stelle des Nachwortes

DIE AUSSERORDENTLICHE GEWALT IN DER FRÜHEN RÖMISCHEN REPUBLIK: EIN RECHTSGESCHICHTLICHES MODELL

Nach meiner Forschung über die außerordentlichen Magistraturen schlage ich ein Modell zum Verständnis von Diktatur, Konsulartribunat, Interregnum und Dezemvirat vor. Es handelt sich um die Begriffe „das außerordentliche Amt“ und „die außerordentliche Gewalt“ in der frühen römischen Republik. Obwohl es sich um eine grundlegende Frage handelt, findet man in der Geschichtswissenschaft darüber recht unklare Vorstellungen.

Die außerordentliche Gewalt materialisierte sich in Rom in der Einrichtung von außerordentlichen Magistraturen, wobei nach römischem Verständnis alle höchste Magistraturen militärische, zivile und judikative Kompetenzen umfaßten. Moderne Historiker, die sich mit dem alten Rom beschäftigen, gebrauchen Begriffe wie „ordentliche Magistratur“ und „außerordentliche Magistratur“, wie „ordentliche Gewalt“ und „außerordentliche Gewalt“ gewöhnlich so, als ob sie sich von selbst verstehen. Sie scheinen ihnen so natürlich, daß sie sie meist nachlässig verwenden, ohne ihre Bedeutung zu präzisieren. Die Wissenschaftler glauben, daß die jeweilige Bedeutung offensichtlich ist, und lassen paradoxerweise zugleich erkennen, daß sie Verschiedenes meinen. Sie übertragen die quellensprachliche Begrifflichkeit „*ordinarius*“ [ist gleich] „üblich, richtig, der Ordnung entsprechend“ sowie „*extraordinarius*“ = [ist gleich] „besonders, ungewöhnlich, außerordentlich“ und verwenden sie dabei im Einklang mit der eigenen, oft oberflächlichen Kenntnis des Gegenstandes. Oft verzichten sie sogar darauf, die Kriterien für die Klassifikation der Amtsgewalt in Rom zu bestimmen, obwohl es wichtig ist. Die antiken Autoren definierten in ihren Werken - so weit sie bis heute erhalten sind - diese Kriterien nicht. Versuche der Systematisierung der römischen Ämter wurden im XIX Jh. aber in der deutschen Althistorie gemacht. Diese Bemühungen um die wissenschaftlich Durchdringung der Problematik sind seitdem unübertroffen.

Theodor Mommsen stellt zwar die außerordentlichen Magistraturen der Republik der regulären Herrschaft gegenüber, legt aber nicht hinreichend deutlich dar, nach welchem Prinzip er vorgeht. Er hat vorgeschlagen, die außerordentlichen Magistraturen in drei Gattungen zu unterscheiden:

Erstens „die außerordentlichen Beamte für außerordentlichen Amtsgeschäfte“: Ihnen wurden staatliche Aufgaben übertragen, für die in jedem Einzelfall ein Beschluß der Gemeinde nötig war⁵³⁵

Zweitens „die außerordentlichen Beamten für ordentliche Amtsgeschäfte“⁵³⁶

Drittens „die Beamten mit constituirender Gewalt“⁵³⁷

Im Rahmen der frührepublikanischen Magistraturen nennt er an verschiedenen Stellen seiner zahlreichen Werke als außerordentliche Magistraturen den Diktator, den Interrex, die Dezemviri und die Militärtribunen mit der konsularischen Gewalt. Allerdings hat er nur die Dezemviri deutlich der dritten der durch ihn bestimmten, eben vorgestellten Gruppen außerordentlicher Magistrate zugeordnet. Es sieht so aus, als ob er Konsulartribunen zur zweiten Gruppe zählte. Wie er den Diktator und den Interrex einstuft, ist nicht klar.

Die Schüler von Theodor Mommsen Hermann Schiller und Moritz Voigt haben die römischen Magistraturen insgesamt in ständige Jahresämter – dazu gehörten Konsulat, Prätur, Ädilität, Quästur, – in ordentliche unständige Ämter – nämlich Diktatur, Konsulartribunat, Censur – und außerordentliche, jedesmal durch besonderes Gesetz konstituierte Ämter wie Dezemvirat, Triumvirat, Landkommissionen unterschieden⁵³⁸ Diese Systematik ist sehr verwirrend und von einem schweren methodischen Fehler gekennzeichnet: Hier sind nämlich Magistrate *cum imperio* mit solchen Beamten zusammengestellt, denen diese höchste Amtsgewalt fehlt. Schiller und Voigt halten mit Mommsen solche Amtsgeschäfte für ordentliche, die im römischen öffentlichen Leben regelmäßig anfielen. Im Unterschied zu ihrem Lehrer meinen sie aber, daß jede Magistratur, die für die Ausführung solcher Geschäfte bestand, als ordentliche gelten sollte. Deshalb rubrizieren sie gegen Mommsen den Diktator unter die ordentlichen Beamten. In der russischen Geschichtswissenschaft teilt W. M. Chwostov diese Ansicht und bezeichnet also ebenso den Diktator als ordentliche, wenn auch veränderlichen Magistrat⁵³⁹

Max Zeller folgt im allgemeinen der von Mommsen begründeten Systematik im Staatsrecht. Er hat aber eigene Vorstellungen über die Kriterien entwickelt, wie ordentliche und außerordentliche Magistrate zu unterscheiden seien. Zu den ordentlichen zählt er die Beamten, die in der Verfassung vorge-

⁵³⁵ „Die außerordentlichen Ämter der ersten Kategorie betreffen diejenigen Verrichtungen, welche die Gemeinde keinem generell übertragen hat, sondern zu deren Vornahme es immer eines Gemeindebeschlusses für den einzelnen Fall bedarf“. Mommsen *Th. Abriss*... S. 186.

⁵³⁶ Ibid. S. 187.

⁵³⁷ Ibid. S. 188.

⁵³⁸ Schiller H., Voigt M. *Op. cit.* S. 504.

⁵³⁹ Чвостов В. М. *Op. cit.* S. 46.

sehen sind, zu den außerordentlichen jene, die in der Verfassung nicht vorgesehen sind. Folgerichtig betont er, daß nach seinem Verständnis der Diktator und der Interrex keine außerordentlichen Beamten seien, weil sie in der Verfassung vorgesehen sind⁵⁴⁰. Außerdem rechnet er die Zensoren zu den außerordentlichen Magistraten⁵⁴¹. Er verteilt die außerordentlichen Magistraturen auf vier Gruppen:

Erstens: die Beamten mit der gesetzgebenden Kompetenz. Hierher gehören die Dezemviri.

Für die zweite Gruppe fehlt eine Definition. Er ordnet ihr die Konsulartribunen zu.

Die dritte und die vierte Gruppe bestehen bei ihm aus solchen Magistraten, die nicht zu den höchsten gehören, also ohne Imperium sind, wie etwa die Mitglieder von Landkommissionen, die Triumviri für die Aussendung von Kolonien usw.

Ebenso wie bei H. Schiller und M. Voigt ist hier die Vermischung von verschiedenartigen Strukturen zu beobachten.

Ludwig Lange meinte immer über den außerordentlichen Status solcher Beamten wie der Interrex, der Diktator, der Reiterführer, die Dezemviri, die Militärtribunen mit der konsularischen Gewalt⁵⁴². Er entwickelt keine eigenen theoretischen Vorstellungen für seine Ansichten. Da er aber die außerordentlichen Magistrate als Surrogate der ordentlichen bezeichnet, klassifiziert er sie als Ersatz in allen staatlichen Tätigkeiten.

In der russischen Geschichtswissenschaft schloß sich A. Sinoviev besonders eng dem Urteil von Mommsen und Lange über den Charakter der außerordentlichen Beamten, wie *interrex*, *dictator*, *decemviri legibus scribundis*, *tribuni militum consulari potestate* an. Freilich erscheinen in seinen Listen der ordentlichen und außerordentlichen Magistrate auch die Beamten ohne Imperium⁵⁴³.

Die geschilderte Uneinigkeit der Meinungen in der Geschichtswissenschaft des XIX Jh. war eine der Ursachen dafür, daß nachfolgende Generationen von Historikern beliebig eine der existierenden Konstruktionen ausschrieben, ja sie sogar unkritisch kombinierten. Die Diktatur wurde dabei meist zu den außerordentlichen Magistraturen gezählt. Die Konsulartribunen galten als ordentliche Beamte. Die Dezemviri wurden ungefähr in den gleichen Proportionen den ordentlichen und den außerordentlichen Magistraten subsumiert.

⁵⁴⁰ Целлер М. Оp. cit. S. 193.

⁵⁴¹ Ibid. S. 108.

⁵⁴² Lange L. Оp. cit. Bd. 1. S. 289, 915.

⁵⁴³ Зинovieв А. Оp. cit. S. 76.

Den Interrex schließlich betrachtete man gelegentlich als Magistrat, gelegentlich auch nicht.

Meine eigenen Forschung zu den Strukturen der außerordentlichen Gewalt analysieren das Amt des Interrex zusammen mit der politischen Institution des Interregnum sowie die Diktatur, den Dezemvirat und den Militärtribunat mit der konsularischen Gewalt. In vier Monographien und in vielen Aufsätzen habe ich folgende Thesen begründet.

Alle diese Beamten waren die Obermagistrate mit dem vollwertigen Imperium. Im Fall des Diktators *rei gerundae causa* und in dem der Dezemviri wird dies in der Geschichtswissenschaft allgemein anerkannt. Dieselbe Zuordnung des Interrex und der Konsulartribunen sowie des Diktators *immunito iure* erforderte eine eigene Argumentation, die ich in den genannten Arbeiten vorgelegt habe. Nur diese außerordentlichen Ämter zählen in der frühen Republik zu den höchsten Magistraten mit Imperium. Die Zensoren, die von manchen Historikern hier gelegentlich eingeordnet wurden, hatten kein Imperium. Die Betrachtung der politischen Organisation der römischen Gemeinde in der Zeit vom fünften bis zum dritten vorchristlichen Jahrhundert zeigt, daß es auch keine weiteren gibt. Alle diese Magistraturen waren die umständigen, das heißt die unregelmäßigen Machtorgane, die sporadisch verwendet sind.

Die begriffliche Spezifikation der „außerordentlichen Gewalt“ findet sich bei lateinischsprachigen Autoren in Wortverbindungen wie *«imperium extraordinarium»* (Liv. V. 37. 3; Cic. Leg. Agrar. II. 8), *«potestas extraordinaria»* (Cic. De Dom. 22; Cic. Pro Sest. 60), *«ius extraordinarium»* (Gell. N. A. XIV. 7. 5). Alle Substantive, die im Lateinischen die vollziehende Obergewalt bezeichnen, können also mit dem Adjektiv *extraordinarius* verbunden werden. Livius und Gellius beziehen die ihnen vertraute Fachterminologie auf die Magistraturen der frühen Republik. Cicero verwendet sie im zusammenfassenden Sinn, als abstrakte staatsrechtliche Kategorie oder in Bezug auf spätrepublikanische Beamte. Der Gebrauch der Begrifflichkeit für „die außerordentliche Gewalt“ ist in den antiken Quellen insgesamt ziemlich selten. Zugleich nennen die Autoren nicht die leitenden Prinzipien, mit deren Hilfe sie die Zuordnung zu den außerordentlichen Magistraturen vornehmen. Überlicherweise bezeichnen sie nur die Amtsgewalt der jeweiligen Magistrate mit *imperium*, *potestas*, *ius*; nur manchmal bestimmen sie sie als eine außerordentliche, wie dies etwa Gellius im erwähnten Fragment mit Blick auf die Konsulartribunen und Dezemviri tut. Deswegen kann man die Zugehörigkeit oder Unzugehörigkeit einzelner Magistraturen zu den außerordentlichen Gewalten sowie die Bedeutung der „außerordentlichen Gewalt“ im staatlichen Aufbau der Römer während der republikanischen Periode nur dann zutreffend bestimmen, wenn man zuvor auf der Basis der Angaben der Quellen die konkrete Tätigkeit der Beam-

ten, die Umstände, unter denen sie zu ihren Ämtern kamen, und die Unterbrechung ihrer Amtsgewalt, kurz: wenn man die Funktionsmechanismen dieser Magistraturen erforscht. Meine Schlüsse über das Wesen des römischen Verständnisses der außerordentlichen Gewalt, über die Strukturen, die in ihr verwirklicht wurden, und über ihre Rolle in der Formung und der Entwicklung des politischen Systems *civitas* sind gerade ein Ergebnis solcher Analyse.

Der Gedanke, es könne für kritische Situationen des öffentlichen Lebens notwendig sein, spezielle Regelungen zu treffen und eigene Organe zu schaffen, kam bei den Römern noch in die Königszeit auf. Als erster außerordentlicher Magistrat mit Imperium wurde der Interrex eingeführt, dessen Aufgabe bestand darin, für die Kontinuität der höchsten Macht zu sorgen. Ungefähr zehn Jahre nach der Einrichtung der Republik wurde in Rom die Magistratur des Diktators geschaffen, nach einem halben Jahrhundert der Dezemvirat, und dann einige Jahre später der Konsulartribunat. Alle diese außerordentlichen, im Laufe der republikanischen Zeit entstandenen Strukturen beruhten, wie die Analyse zeigt, auf speziellen Gesetzen: *lex de dictatore creando*, *lex de creandis decemviris legibus scribundis*, *lex de tribunis militum consulari potestate creandis*. Diese außerordentlichen Strukturen wurden in die staatliche Ordnung also nicht allein durch Senatsbeschlüsse eingefügt, sondern waren durch Abstimmungen in den Komitien legitimiert. Die Annahme der jeweiligen Gesetze schuf die konstitutionellen Grundlagen für die einzelnen Magistraturen. Deshalb kann ich auf keine Weise mit jenen Autoren übereinstimmen, die zu den außerordentlichen Magistraten nur solche rechnen, die in der Verfassung nicht vorgesehen waren, und die Interrex und Diktator allein deswegen für ordentliche Magistraturen halten, weil sie in der Verfassung vorgesehen waren. Die römische Verfassung war kein monolithisches „Grundgesetz“: Jeweils besondere *leges* und die *mores maiorum*, soweit sie sich auf das öffentliche Leben bezogen, bildeten eigentlich die Verfassung. Insgesamt ist also festzuhalten, daß alle außerordentlichen Magistraturen der frühen Republik von der Verfassung vorgesehen waren. Die Außerordentlichkeit der Gewalt bedeutete in dieser Periode nicht, daß sie „außerhalb“ oder „über“ der Verfassung gestanden hätte.

Alle frührepublikanische außerordentliche Magistraturen hatten, wie mir im Zuge meiner Forschungen deutlich wurde, die änlische Hauptprinzipien des Funktionierens. Nachdem jeweils ein Gesetz, wie gesagt, die konstitutionellen Grundlagen für die außerordentlichen Ämter gelegt hatte, bedurfte es für die aktuelle Einrichtung eines Senatsbeschlusses. Wenn im Falle des Interregnums die Versammlung auf die *patres* beschränkt wurde, ändert das am Prinzip nichts. Die Gemeinde übertrug also die Macht auf in der Verfassung vorgesehene außerordentliche Magistrate, ohne daß deswegen Volksversammlungen

einberufen oder Abstimmungen durchgeführt wurden. Solche Prozeduren waren nur dann erforderlich, falls die Funktionsbedingungen der schon bestehenden Ämter verändert werden sollten: Ein Beispiel ist die Vermehrung der Zahl der Konsulartribunen; dafür versammelten sich die Komitien.

Außerordentliche Einzelmagistrate wurden ernannt, Kollegialmagistrate wurden in den Zenturiatskomitien nach den üblichen Regeln gewählt. Für alles, mit Ausnahme *interrex* sowohl erwählt, (er sich die Curiatororganisation verkörperte, d. h. trat bewußt in die Zahl *patres* ein), *lex curiata de imperio* gefordert wurde. Da die Entscheidung, die Macht einer außerordentlichen Magistratur zu übertragen, durch einen Senatsbeschluß getroffen wurde, hatten die Volktribunen keine Möglichkeit, dem durch Einberufung der Volksversammlung entgegenzutreten.

Kein außerordentlicher Magistrat handelte in einem „politischen Vakuum“. Die eigene Rolle spielten die Komitien und der Senat; die Veränderungen trafen zwar für die vollziehende Macht zu. So lange es an der Spitze des Staates einen Diktator, einen Interrex und Konsulartribunen gab, verloren die Volktribunen ihre Kompetenzen nicht. Der Versuch, sie zu suspendieren, ist während des Dezemvirates unternommen worden, hat sich aber letztlich nicht als erfolgreich erwiesen. Allerdings war ihr Intercessionsrecht, das während der Amtszeit eines Interrex oder der der Konsulartribunen unvermindert weiter galt, gegen den Diktator aufgehoben. Gegen Entscheidungen des Diktators gab es auch keine Provokation an die Volksversammlung, selbst wenn diese das Lebens oder schwere Strafen für Bürger betrafen. Ebenso wenig konnte gegen ähnliches Vorgehen der Dezemviri interzediert werden. Interrex und Diktator waren Einzelmagistrate; der Magister equitum, der dem Diktator beigegeben wurde, kann nicht als gleichberechtigter Kollege betrachtet werden. Die Dezemviri und die Konsulartribunen waren Kollegialmagistrate. Deswegen waren Interrex und Diktator keiner Intercession durch Kollegen unterworfen. Die Dezemviri und die Konsulartribunen haben sich allerdings dadurch gegenseitig beschränkt. Im zweiten Dezemvirat haben die Magistrate das *veto* der Kollegen eigenmächtig, das heißt in Übertretung der konstitutionellen Normen aufgehoben. Interrex und Diktator hatten eine viel kürzere Amtszeit als die kollegial organisierten außerordentlichen Magistraturen: der Interrex amtiert nur fünf Tage, der Diktator sechs Monate. Dies diente dem Schutz der Gemeinde vor dem Ehrgeiz einzelner Amtsinhaber. Die äußerst kurze Befristung des Interregnums hatte darin ihren Grund, daß der Amtsinhaber in einer „politischen Leere“ agierte, wo es keine anderen Amtsträger gab. Im Falle einer Diktatur wurden die Höchstkompetenzen der ordentlichen Magistrate aufgehoben; aber sie konnten in Übereinstimmung mit dem Diktator handeln. Dezemviri und Konsulartribunen hatten maximal die Möglich-

keit, entsprechend der üblichen Fristen für Obermagistraturen, also höchstens ein Jahr zu agieren. Die Einzelheit der außerordentlichen Magistratur war, auf solche Weise, mit abgestumpften Frist der Gewalt verbunden, die Mehrgewalt war mit vollem Frist verknüpft.

Meine Analyse des Umfanges der jeweiligen Vollmachten außerordentlicher Magistrate hat gezeigt, daß alle diese Magistraten das vollwertige Imperium hatten, das sich auf die Sphären *domi* und *militiae* erstreckte. Ich glaube, daß es gerechtfertigt ist, zu folgern, daß das Imperium also die Höchstkompetenz, ins Schicksal der Bürger einzugreifen, und oberste Gewalt in ganzem Umfang auszuüben, sowie im Auftrag der Gemeinde die Verbindung mit den Göttern zu pflegen – daß dieses Imperium ein einheitliches war, sei es, daß die ordentlichen, sei es, daß die außerordentlichen Magistrate darüber verfügten. Der Begriff das Imperium war einheitlich nach dem ihm eigenen Inhalt, und die Übergabe das Imperium gab dem Magistrat nach dem Curiatgesetz den immer gleichen Umfang von Rechten, ungeachtet dessen, welches Amt er bekleidete.

Deshalb darf die außerordentliche Gewalt als eine Möglichkeit innerhalb des römischen staatsrechtlichen Systems, nach meiner festen Überzeugung grundsätzlich nicht von der ordentlichen unterschieden werden, wenn es um den Umfang der Kompetenzen und um ihre Reichweite geht. Allerdings war eine hierarchische Abstufung zwischen Imperiumsträgern möglich. Dann war der übergeordnete Magistrat berechtigt, die Anordnungen der rangminderen Magistrate zu unterbinden. Es konnte „das Disqualifikationsimperium“ seit Sakralstandpunkt (beim Konsul-Suffectus und bei Magistraten mit prorogiertem Imperium – das hing mit der Rolle dieser Amtsträger als Stellvertreter zusammen, – aber das Imperium eines regulär gewählten oder ernannten Obermagistraten war im Hinblick auf den Urfang der damit verbundenen Befugnisse immer ein und dasselbe. Deshalb unterschied sich die außerordentliche Gewalt bei den Römern von der ordentlichen gerade nicht durch die jeweils verliehene Gewalt, sondern nur im Hinblick auf Erscheinungsformen, die den Kern, eben das Imperium, nicht berührten. Es handelt sich um Regeln, die in die Anwendung des Imperiums eingriffen und in gewisser Weise beschränkend wirkten: Ich denke an die Möglichkeiten nach dem Provokationsrecht, an die tribunische Intercession, an die außergewöhnliche Zahl der Kollegen oder an die im Vergleich zu den ordentlichen Magistraten kurze Amtsfrist. Außerordentliche Magistraten sind demnach solche Beamte, die das Imperium im Rahmen besonderer außerordentlicher Funktionsbedingungen innehatten und ausübten; außerdem sind sie dadurch charakterisiert, daß sie im politischen Leben nur fallweise in Erscheinung traten. Mit Unregelmäßigkeit ist nicht gemeint, daß die Magistraturen selten waren: Man konnte oft

auf diese Möglichkeit zurückgreifen. Unregelmäßigkeit bedeutet, daß die Stellen nicht in regelmäßigen Zeitabständen, in genau definierten Perioden, sondern eben nur in einer kritischen Situation oder Notlage besetzt wurden. Natürlich war es möglich, daß der Senat, der durch einen Beschluß definitiv darüber befand, ob und daß die Gemeinde nun eine außerordentliche Magistratur besetzen sollte, eigene Interessen verfolgte. Er gab dann vor, daß die Lage schwierig oder ausweglos sei. Hier gab es Chancen, „politische Spiele“ zu spielen. Aber solcher Mißbrauch spricht nicht dagegen, daß es der eigentliche Zweck der außerordentlichen Strukturen war, komplizierte und unvorhergesehene Aufgaben zu lösen und schwierige Lagen zu meistern.

Ich betone die Unregelmäßigkeit als das charakteristische Merkmal der außerordentlichen Magistraturen und gehe ich dadurch strengstens mit jenen Autoren nicht ein, die die ordentlichen unständigen römischen Ämter (einschließlich in sie den Diktator und die Konsulartribunen) auszeichnen. Die ordentliche Gewalt war für die Römer zwar ständig, begleitend der gewöhnlichen Ordnung. Ich kann mich auch der Meinung nicht anschließen, daß die regelmäßige Wiederkehr der zu lösenden Aufgaben das spezifische Merkmal dafür ist, daß es sich um ordentliche Magistrate handelt, und daß folglich alle Magistrate, die sich um diese Angelegenheiten kümmern müssen (einschließlich der Diktatoren), als ordentliche Magistrate gelten sollen. Zum Beispiel war es für die Römer eine ständig sich wiederholende Notwendigkeit, Krieg zu führen. Trotzdem wurde nicht jedermal ein Diktator ernannt, sondern nur dann, wenn eine schwierige Lage eingetreten war. Demnach ist es meiner Meinung nach nicht sinnvoll und methodisch verfehlt, die außerordentlichen Magistraturen in erstens „außerordentliche Beamte für ordentliche Amtsgeschäfte“, in zweitens „außerordentliche Beamte für außerordentlichen Amtsgeschäfte“ und in drittens „die Beamte mit constituirender Gewalt“ zu untergliedern. Sein Imperium gab dem Magistrat das Recht, sich mit beliebigen staatlichen Amtsgeschäften zu beschäftigen. Er konnte also auch zum Beispiel Gesetze systematisieren oder kodifizieren, falls dies für die Gemeinde notwendig erschien.

Die Bedingungen, unter denen es zu außerordentlichen Magistraturen kam, lassen sich auch am Beispiel der gesellschaftlichen Konflikte erkennen. Für die frührepublikanische Zeit waren die Ständekämpfe ein permanentes und charakteristisches Merkmal. Immer wenn sich diese Konflikte zuspitzten und die Existenz der gesamten Gemeinde bedrohten, war sie dazu gezwungen, außerordentlichen Magistraturen einzurichten. Auch hier ging die Einsetzung einer außerordentlichen Magistratur nicht mit einer Änderung der inhaltlichen Bestimmung der Aufgaben einher, sondern hing von der jeweiligen besonderen Situation ab. Mir liegt daran zu betonen, daß die außerordentlichen

Machtorgane zur Ausführung beliebiger Amtsgeschäfte eingesetzt wurden, sobald es um die Erhaltung der *civitas* oder um die Durchführung spezieller Maßnahmen ging, die darauf zielten, das Gemeinwesen zu bewahren oder seine Grundlagen zu sichern.

Wenn ich Ämter wie das des Interrex, des Diktators, der Dezemviri oder der Militärtribunen mit der konsularischen Gewalt betrachte, die von mir als außerordentliche Magistraturen charakterisiert wurden, komme ich zu folgendem Schluß: Die Amtsführung ohne Kollegen, die Befristung auf weniger als ein Jahr, die Bestimmung durch Ernennung und nicht durch Wahl sind wichtige Merkmale, die es rechtfertigen, von außerordentlichen Obermagistraten zu sprechen. Aber damit ist deren wesentliches Charakteristikum noch nicht benannt. Die Amtsführung ohne Kollegen, die Befristung auf weniger als ein Jahr, die Bestimmung durch Ernennung und nicht durch Wahl können deswegen nicht als Kriterien dafür dienen, bestimmte Beamte *cum imperio* den außerordentlichen Magistraten zuzurechnen. Umgekehrt waren die Kollegialität, die Bestimmung durch Wahl und die Befristung der Magistraturen auf ein Jahr bei den Römern keine ausschließlichen Eigenschaften der ordentlichen Ämter.

Die früh geschaffenen außerordentlichen Ämter erscheinen als Magistratur ohne Kollegen, da ihre Einrichtung mit der Epoche der ersten Könige und mit dem Anfang der Republik verbunden ist, als im öffentlichen Bewußtsein noch die Vorstellung herrschte, daß die Konzentration der Macht in einer Hand für politische und militärische Führung besonders effektiv sei. Als im Laufe der Zeit die Aufgaben im Bereich der Zivilverwaltung wuchsen und sich die Notwendigkeit zeigte, die rechtlichen Grundlagen des Gemeinwesens zu sichern, haben die Römer versucht, mit den Dezemviri eine kollegiale außerordentlichen Magistratur zu schaffen. Sie unterwarfen den Dezemvirat ebensowenig wie die Diktatur dem Provokationsrecht und der Intercession der Volkstribunen. Im Gegensatz zur Diktatur aber reduzierten sie die Befristung des Amtes nicht auf weniger als ein Jahr. Freilich mußte sich die Bürgergemeinschaft dann mit dem Versuch der Dezemviri auseinandersetzen, die Macht zu usurpieren. Dieser Erfahrung wegen fühlten sich die Römer zwar nicht gezwungen, auf die Einrichtung einer kollegialen außerordentlichen Magistratur zu verzichten. Aber man hat doch zu den rigoroseren Beschränkungen gegriffen, wie sie den Konsulartribunat kennzeichnen. Die Lehren aus dem Verhalten der Dezemviri und die Erfahrungen im Umgang mit anderen außerordentlichen Strukturen wurden bei der Einrichtung des Amtes der Militärtribunen mit der konsularischen Gewalt umfassend berücksichtigt. Man ging dazu über, die Zahl der die außerordentliche Magistratur bekleidenden Kollegen flexibel festzulegen. So hat sich der von mehreren Magistraten gebildete Konsulartribunat im Wirkungskreis *domi* bewährt. Zugleich hat sich

gezeigt, daß eine vielköpfige Magistratur die Effektivität der Kriegführung in schwierigen Lagen behinderte. Hier war es hilfreich, die Exekutive insgesamt zu reformieren. Die Römer haben ein differenzierteres System der ordentlichen Ämter geschaffen und als außerordentliche Ämter allein Einzelmagistraturen belassen. Die intensive Suche nach neuen kollegialen Formen für die außerordentliche Gewalt in den Jahren 50–40 v. Chr. war nicht zuletzt dadurch gekennzeichnet, daß die Entwicklung der ordentlichen Amtsverhältnisse nicht mit den allgemeinen Veränderungen Schritt gehalten hatte. Allerdings hatte es die Umbildung der ordentlichen Ämter im 4. Jahrhundert erlaubt, die kollegialen außerordentlichen Magistraturen aufzugeben.

Die Magistraturen des Interrex, des Diktators, der Dezemviri und der Militärtribune mit der konsularischen Gewalt haben jeweils eine spezifische Lücke im politischen System gefüllt. Ihre Einrichtung war mit eigenen Zielsetzungen und Aufgaben verbunden. Zugleich aber ergänzten sie sich gegenseitig wie Teile eines Ganzen. Bis zu einem gewissen Grad waren sie austauschbar: Zum Beispiel konnte sowohl der Interrex als auch der Diktator *comitiorum habendorum causa* ja sogar ein Diktator mit beliebigem Aufgabenfeld die außerordentliche Leitung bei den Wahlen zum Konsulat übernehmen. Alle außerordentlichen Magistraten konnten im Ständekampf von den politischen Hebeln überwinden oder die militärische Abwehr von Feinden organisieren. Die Römer haben im Bemühen, möglichst optimale Formen der politischen Leitungen zu finden, in schwierigen Situationen nicht selten verschiedene Möglichkeiten der außerordentlichen Magistratur erprobt. Als sich die Zahl der Kriegsschauplätze stark vermehrte, bedienten sie sich des Konsulartribunates. Als freilich die Konsulartribunen militärisch gescheitert waren, führte man die Diktatur ein. Wenn man die Strukturen der außerordentlichen Gewalt erforscht, gewinnt man den Eindruck, daß die einzelnen Elemente harmonisch aufeinander abgestimmt waren.

Ich habe mich damit beschäftigt, wann bestimmte Magistraturen im politischen System der Römer eingerichtet wurden, wie das geschah und wann sie wieder außer Gebrauch kamen.

Ich habe betont, wie sich die außerordentlichen Magistraturen gegenseitig ergänzten und wie flexibel und variationsreich sie in der staatlichen Praxis eingesetzt wurden. Vor diesem Hintergrund möchte ich folgende Schlußfolgerung ziehen: Die Struktur der außerordentlichen Gewalt besteht gerade nicht darin, daß es einige unregelmäßig verwendete Machtorgane gibt, die beziehungslos nebeneinander stehen. Die außerordentlichen Magistraturen bilden vielmehr ein einheitliches System, in dem die einzelnen Elemente logisch aufeinander bezogen und untereinander verbunden sind und das sich folgerichtig aus der historischen Entwicklung ergeben hat.

Das System der außerordentlichen Gewalt in der frühen römischen Republik entwickelte sich in enger Wechselbeziehung mit dem System der ordentlichen Gewalten: Beide waren besondere Bestandteile der vollziehenden Macht insgesamt. Dabei waren die außerordentlichen Organe – wie ich nach genauer Analyse jedes einzelnen von ihnen mit Gewißheit feststellen kann – keine Entwicklungsstufen für die Ausbildung der ordentlichen Obermagistratur. Die in der Geschichtswissenschaft weit verbreitete Ansicht, daß die Ämter des Interrex, des Diktators, der Dezemviri und der Militärtribunen mit der konsularischen Gewalt Etappen auf dem Weg der Ausgestaltung des Konsulates waren, ist unbegründet.

Ich meine, daß wir deutlich unterscheiden müssen zwischen der Betrachtung der schrittweisen Ausbildung der Institute der römischen vollziehenden Macht insgesamt einerseits und der Betrachtung der schrittweisen Ausbildung der höchsten ordentlichen Magistratur andererseits. Beide Prozesse gehorchen verschiedenen Entwicklungslogiken, und man darf die Bedingungen des einen nicht dem anderen unterschieben. Die Ausbildung der Elemente des Systems der ordentlichen und des Systems der außerordentlichen Gewalt folgte meines Erachtens jeweils eigenen Entwicklungslinien. Jeweils ging es darum, Funktionsmängel der exekutiven Gewalt insgesamt zu beheben. Indirekt wirkten so Neuerungen in der außerordentlichen und in der ordentlichen Magistratur aufeinander, ohne daß man den die erreichten Entwicklungsstufen des einen Systems als Etappe für die Entwicklung des anderen betrachten dürfte. Diese Unterscheidungen sind wichtig, weil davon das theoretische Verständnis der ersten hundertfünfzig Jahre Verfassungsentwicklung der römischen Republik von ihrem Anfang bis zu den Reformen in der Mitte des vierten Jahrhunderts abhängt. Ich halte die Ansicht für verfehlt, es habe eine ordentliche, auf ein Jahr befristete Diktatur oder ein ordentliches Interregnum gegeben.

Ich plädiere dafür, bei der Rekonstruktion einer allgemeinen Theorie über die Ausbildung des römischen Staates in der Zeit der Republik in die ersten anderthalb Jahrhunderten die Entwicklungsprozesse der ordentlichen und außerordentlichen Gewalten getrennt zu betrachten. Ich glaube, daß es am Anfang der Republik als höchste ordentliche Magistratur eine Prätur gab; das Prinzip der Kollegialität war noch nicht entwickelt. Die Entstehung des eigentlichen Konsulats fällt in die Zeit nach der zweiten Secession der Plebejer und nach dem Dezemvirat. Dieses höchste ordentliche Amt hat seine endgültige Ausprägung in der paritätischen Repräsentation der Stände nach den licinisch-sextischen Reformen erhalten. Während der Zeit der Transformation der ursprünglichen Prätur in den Konsulat bis hin zu diesen Reformen sind weitere Organe der exekutiven Gewalt entstanden. Sie ergänzten das System. Ihre

Funktion wurde in den Gesetzen des Jahres 367 v. Chr. geregelt. Gleichzeitig mit der Ausbildung des Systems der ordentlichen Gewalt vollzogen sich die Ausbildung und Vervollkommnung des Systems der außerordentlichen Institute. Dabei entwickelte Prinzipien sowie Erfahrungen wurden auch auf die Bestimmung der Wirkungsweise der ordentlichen Organe übertragen. So wurde zum Beispiel zum ersten Mal im Dezemvirat das Prinzip der echten Kollegialität entwickelt. Dies spielte dann beim Übergang von der primitiven Prätur mit der Hierarchie der Magistrate zu einem Paar von Konsuln mit gleichen Rechten und der Möglichkeit der kollegialen Intercession eine wichtige Rolle. Um weitere Beispiele zu nennen: Zum ersten Mal wurde im Dezemvirat das Prinzip der Repräsentation der Stände angewandt. Entwicklungen im Konsulartributat wurden bei der Umgestaltung der ordentlichen exekutiven Gewalt in der Mitte vierten Jh. v. Chr. aufgegriffen und in der Präzisierung als Parität gefestigt.

Lassen Sie mich den Kern meiner These noch einmal betonen: Bei der Entwicklung der ordentlichen und der außerordentlichen Magistraturen lassen sich wechselseitige Einflüsse feststellen. Beide trugen zum allgemeinen Prozeß der Ausprägung und Verollkommnung der exekutiven Gewalt bei, aber eben vor allem in ihren eigenen Zusammenhängen. Die Entwicklungsstufen im einen Bereich waren nicht automatisch Etappenschritte des anderen, sondern die Linien liefen seit dem fünften vorchristlichen Jahrhundert parallel.

Der römische Staat wurde von einer Elite geführt, die sich aus einem engen Personenkreis rekrutierte. Er entwickelte sich nicht zuletzt aus der Konkurrenz um die Macht, die einzelne Personen und die hinter ihnen stehenden Gentes austrugen.

Eliten können nach den Beobachtungen von Wolfgang Reinhard entweder Werteliten oder Funktionseliten sein⁵⁴⁴. In Rom waren kamen Träger der staatlichen Obergewalt zunächst aus dem Kreis der patrizischen Gentes, die zugleich im allgemeinen Bewußtsein als besonders zur Gemeindeführung befähigt angesehen wurden. Im Laufe der Zeit läßt sich beobachten, daß diese Identifikation nicht mehr fraglos galt. Für Plebejer öffneten sich freilich zunächst die außerordentlichen kollegialen Ämter, in denen die Patrizier allerdings zunächst in der Überzahl blieben.

Auf der Basis einer Rekonstruktion der Funktionsweise jeder einzelnen Magistratur habe ich hier ein eigenes theoretisches Modell für das Verständnis der außerordentlichen Gewalt in der von mir betrachteten Epoche vorgetragen. Das Wesentliche zusammenfassend möchte ich festhalten:

⁵⁴⁴ Reinhard W. Op. cit. S. 17.

(1) Ich sehe den Unterschied zwischen der außerordentlichen Gewalt und der ordentlichen Gewalt in Rom nicht darin, daß sie verschieden weit reichende Vollmachten hatte: Deren Umfang war vielmehr gleich und beruhte auf dem *imperium*. Außerordentliche und ordentliche Magistraturen sind nach Kriterien zu differenzieren, die mit dem Kern des Imperiums nichts zu tun haben; dazu gehört zum einen die Ausweitung von dessen Funktionsbereich - wobei zugleich Mechanismen entwickelt wurden, die vor Machtmißbrauch schützen sollten. Zum anderen ist es für die außerordentlichen Magistraturen bezeichnend, daß sie nicht in regelmäßigen wiederkehrenden Zeitabständen besetzt wurden.

(2) Die Formen der römischen außerordentlichen Gewalt verstehe ich als Teile eines einheitlichen Systems, die untereinander verbunden waren und die sich nach ihren eigenen Gesetzen entwickelt haben und dabei allgemeine Bedürfnisse der Ordnung des Gemeinwesens erfüllten.

(3) Ich betrachte den Prozeß, wie sich die Organe der außerordentlichen Gewalt ausbildeten, als eine selbständige Entwicklung neben der Ausdifferenzierung der ordentlichen Magistraturen. Schließlich bestreite ich, daß die Funktionsweise der außerordentlichen Strukturen direkt mit der Formung des Konsulates in den ersten anderthalb Jahrhunderten der Existenz der Republik verknüpft gewesen sei.

(4) Die Besonderheit der römischen exekutiven Gewalt bestand meines Erachtens zum einen darin, daß sie in zwei Entwicklungsreihen zu untergliedern ist – die der ordentlichen und die der außerordentlichen Organe. Das ist ein wichtiger Unterschied im Vergleich mit den griechischen Poleis, wo es zwar außerordentliche Vollmachten gab, aber eben kein eigenes System speziell für die außerordentlichen Ämter. Zum anderen beruht die Besonderheit Roms darauf, daß ordentliche und außerordentliche Vollmachten auf einem und demselben, seinem Charakter nach unveränderlichen Imperium beruhten, das es sonst in keinem antiken Gemeinwesen gab.

Nicht der Inhalt der Tätigkeit der Magistrate, sondern die Krisenhaftigkeit der Umstände, in denen sie zu ihren Ämtern kamen und sie ausübten, unterscheiden die römischen außerordentlichen Beamten von den ordentlichen. Nicht der Umfang ihrer jeweiligen Vollmacht, sondern die Mechanismen, wie das Imperium im Handeln umgesetzt werden konnte, bilden den Hauptunterschied zwischen der außerordentlichen und der ständigen Gewalt der frühen Republik. Die in der archaischen Epoche geschaffenen Strukturen der außerordentlichen Gewalt spielen nicht nur eine wichtige nach meiner Ansicht selbständige Rolle beim Entstehen des politischen Systems der römischen Republik, sondern sind auch einer der wichtigen Faktoren dafür, daß diese Republik so lange so stabil gewesen ist.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники:

І. Публикации надписей

1. *Corpus Inscriptionum Latinarum (CIL)*. Vol. 1. Berolini, 1863.
2. Degrassi A. *Inscriptiones Italiae*. Vol. XIII. Roma, 1937.
3. Degrassi A. *Inscriptiones Latinae liberae rei publicae*. Vol. 1. Berolini, 1965; Firenze, 1972.
4. Dessau H. *Inscriptiones Latinae selectae*. Vol. 1-3. Berolini, 1892-1916. 2. Aufl 1954 -1955.
5. *Senatusconsultum Claudiarum (Oratio Claudii) de iure honorum Callis dando* / Публикация Д. А. Литвинова, под ред. Л. Л. Кофанова // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. М., 2001. №1 (8). С. 192-196.
6. Избранные латинские надписи по социально-экономической истории ранней Римской империи / Публикация Е. М. Штаерман // *ВДИ*. 1956. № 3. С. 184-186.

ІІ. Публикации сочинений древних авторов

7. *Ampelius Lucius. Liber memorialis* / Ed. E. Assman. Stuttgartiae: In aed. B. G. Teubneri, 1976.
8. *Aurelii Augustini De Civitate Dei* / Recogn. B. Dombart. Vol. 1-2. Lipsiae: In aed B. G. Teubneri, 1918.
9. *Aurelius Victor S. Liber de Caesaribus praecedunt origo gentis Romanae et liber de viris illustribus Urbis Romae subsequitur. Epitome de Caesaribus* / Rec Fr. Pichlmayr. Lipsiae: In aed B. G. Teubneri, 1961.
10. *Cassiodorus Flavius Magnus. Cassiodori senatoris chronica* / Recogn. Th. Mommsen // *Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi*. Bd. 11. Berolini, 1894.
11. *Cicero M. Tullius. De legibus libri III* / Recogn. C. F. W. Müller. Lipsiae: in aed B. G. Teubneri, 1889.
12. *Cicero M. Tullius. De re publica quartum* / Recogn. K. Ziegler. Lipsiae: in aed B. G. Teubneri, 1958.
13. *Cicero M. Tullius*: In 28 vol. Cambridge (Mass), Harvard, London, 1976-1979.
14. *Corpus grammaticorum latinorum*. Vol. 1-2. Berolini, 1954.

15. *Corpus Iuris Civilis. Digesta / Recogn. Th. Mommsen. Institutiones. / Recogn. R. Kreuger. Berolini, 1872.*
16. *Digesta Iustiniani / Отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. 1. М., 2001.*
17. *Diodorus Siculus. Bibliotheca historica / Ed. primam curavit Imm. Becker, alteram L. Dindorf. Vol. 1-3. / Recogn. F. Vogel. Lipsiae: In aed B. G. Teubneri, 1888-1893; Vol. 4-5. / Recogn. C. Th. Fischer. Lipsiae: In aed B. G. Teubneri, 1905-1906.*
18. *Dio Cassius Cocceianus. Historia romana / Ed. primam curavit L. Dindorf, recogn. J. Melber. Lipsiae: In aed B. G. Teubneri, 1890.*
19. *Dio's Roman History / With an English Transl. By E. Cary. Vol. 1-9. London, New York, 1914-1927.*
20. *Diodorus Siculus. Bibliotheca historica / Ed. Oldfather. The Loeb classical library. London, 1937.*
21. *Dionysius Halicarnassensis. Antiquitatum romanarum que supersunt / Ed. C. Jacoby. Vol. 1-3. Lipsiae: In aed B. G. Teubneri, 1885-1891.*
22. *Dionysius Halicarnassensis. The Roman antiquities of Dionysius of Halicarnassus. Vol. 1-7. Cambridge (Mass.), Harvard univ. press, London: Heinemann, 1968.*
23. *Eusebius / Hieronymus: Eusebius Werke. Die Chronik des Hieronymus / R. Helm. Bd. 7. Berlin, 1956.*
24. *Eutropii Breviarium ab urbe condita. Stuttgart, 1995.*
25. *Eutropius Flavius. Breviarium Historiae Romanae / Recogn. Fr. Ruchl. Lipsiae: In aed B. G. Teubneri, 1901.*
26. *Eutropius. Breviarium ab urbe condita. Lipsiae, 1919.*
27. *Festus Sextus Pompeius De verborum significatu que supersunt cum Pauli epitome / Thewrewkianis copiis usus edidit W. M. Lindsay. Lipsiae: In aed B. G. Teubneri, 1913.*
28. *Festus Sextus Pompeius. De verborum significatu que supersunt cum Pauli epitome / Emendata et annotata a A. O. Muellero. Lipsiae: In libraria Weidemanniana, 1839.*
29. *Florus L. Annaeus. Epitomae rerum romanarum. Ad optimorum librorum fidem emendatio nesque / Ed. O. Rossbach. Lipsiae: In aed B. G. Teubneri, 1896.*
30. *Gellius Aulus. Noctium atticarum libri XX / Ex rec. M. Hertz. Ed. minor altera. Vol. 1-2. Lipsiae, 1886.*
31. *Gellius Aulus. The Attic Nights / Ed. J. K. Rolfe. The Loeb classical library. Vol. 1-3. London, 1927-1928. Cambridge-London, 1968-1970.*

32. Isidorus Hispanensis episcopus. E libri originum sive etymologiarum // Fontes iuris Romani antiqui. Friburgi in Brisgavia, 1886. P. 405-411.
33. Livius Titus. Ab urbe condita libri / Ed. primam curavit W. Weissenborn, ed altera, quam curavit M. Müller. Lipsiae: In aed B. G. Teubneri, 1906-1909.
34. Livius Titus: Livy. Vol. 1-13. Cambridge (Mass.), Harvard univ. press, London: Heinemann, 1948.
35. Lydus Ioannes: Ioannis Lydi De magistratibus populi Romani libri tres / Ed. R. Wuensch. Lipsiae, 1903.
36. Macrobius Ambrosius Theodorus. Saturnalii. Appartu critico instruxit in Somnium Scipionis commentarios / Selecta varietate lectionis ornavit J. Willis. Lipsiae: In aed B. G. Teubneri, 1963.
37. Ovidius Naso: Ovidii Fasti / Ed. G. H. Hallam. London, 1881.
38. Orosius Paulus: Pauli Orosii Presbyteri Hispani adversus paganos Historiarum libri septem. Vol. 1-2. Thorunii, 1877.
39. Plinius Secundus Gaius. Naturalis historia / Post L. Jani obitum recogn. et scripturae discrepantia adjecta ed. C. Mayhoff. Vol. 1-3. Lipsiae: In aed B. G. Teubneri, 1906.
40. Plutarchus. Vitae parallelae / Recogn. Cl. Lindskog, K. Ziegler. Vol. 1-3. Lipsiae: In aed B. G. Teubneri, 1968-1973.
41. Polybius. Polybii historiae / Ed. a L. Dindorfio curatam retractavit T. B. Wobst. Vol. 1-2. Lipsiae: In aed B. G. Teubneri, 1889.
42. Servius Grammaticus Qui feruntur in Vergilii carmina commentarii / Recogn. G. Thilo, H. Hagen. Lipsiae: In aed B. G. Teubneri, 1878-1884.
43. Strabo. The geography of Strabo. / Ed. H. L. Jones. With an English translation. Vol. 1-8. London, 1917-1932.
44. Svetonius Tranquillus C. Que supersunt / Omnia recensuit C. L. Roth. Lipsiae: In aed B. G. Teubneri, 1886.
45. Tacitus P. Cornelius. The Annals of Tacitus. Cambridge, 1972.
46. Valerius Maximus. Factorum et dictorum memorabilium libri novem. Julii paridis et Janvarii Nepotiani Epitoms adjectis / Recogn. C. Halm. Lipsiae: In aed B. G. Teubneri, 1865.
47. Zonaras Joannes. Epitome historiarum cum Caroli Lucangii suisque annotationibus / Ed. L. Dindorf. Vol. 1-2. Lipsiae: In aed B. G. Teubneri, 1869.

III. Переводы источников на русский язык

48. Августин Блаженный. О граде божьем / Пер. Киевской духовной академии // Августин Блаженный. Творения. Т. 3. Киев, 1998.
49. Аврелий Виктор Секст. О знаменитых людях / Пер. В. С. Соколова // Римские историки IV века / Под ред. М. А. Тимофеева. М., 1997. С. 179-224.
50. Ампелий Луций. Памятная книжица / Пер. А. И. Немировского // ВДИ. 1989. № 1-2.
51. Валерий Максим: Валерия Максима изречений и дел достопамятных книг девять / Пер. И. Алексеева. СПб., 1772.
52. Геллий Авл. Аттические ночи / Пер. Б. С. Тритенко, ред. пер. Г. М. Шатров, В. С. Гурьев. Томск, 1993.
53. Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты в пер. и с прим. И. С. Перетерского / Под. ред. Е. А. Скрипелева. М., 1984.
54. Дигесты Юстиниана / Пер. с латинского; Отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. 1. М., 2001.
55. Диодор Сицилийский: Диодора Сицилийского историческая библиотека / Пер. И. Алексеева. Ч. 1-6. СПб., 1774-1775.
56. Законы XII Таблиц (сост. и пер. Л. Л. Кофанова, отв. ред. В. И. Уколова). М., 1996.
57. Евтропий. Краткая история от основания Города / Пер. А. И. Донченко // Римские историки IV века / Под ред. М. А. Тимофеева. М., 1997. С. 5-76.
58. Клавдиев сенатусконсулт (речь императора Клавдия о даровании галлам права на занятие государственных должностей / Пер. и комм. Д. А. Литвинова, под ред. Л. Л. Кофанова // IVS ANTIQVVM. Древнее право. М., 2001. №1 (8). С. 192-196.
59. Ливий Тит. История Рима от основания города / Под ред. Е. С. Голубцовой. Ред. пер. М. Л. Гаспаров и Г. С. Кнабе. Т. 1-3. М., 1989-1992.
60. Овидий Назон Публий. Фасты / Пер. Ф. Петровского // Овидий Собр. соч. В 2-х тт. СПб., 1994. Т. 2. С. 347-494.
61. Памятники римского права. Законы XII таблиц. Институции Гая. / Пер. Ф. Дыдынского. Дигесты Юстиниана / Пер. И. С. Перетерского. М., 1997.
62. Плутарх Херонейский. Сравнительные жизнеописания / Пер. С. П. Маркиша. Т. 1-3. М., 1961-1964.

63. Полибий. Всеобщая история / Под ред. А. Я. Тыжова. Пер. Ф. Г. Мищенко. Т. 1-3. СПб., 1994-1995.
64. Светоний Транквилл Гай. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. М. Л. Гаспарова. М., 1990.
65. Страбон. География. В 17 кн. / Под ред. С. Л. Утченко. Пер. Г. А. Стратановского. Ред пер. О. О. Крюгер. М., 1994.
66. Тацит Корнелий. Сочинения / Пер. А. С. Бобовича, ред. Я. М. Боровского, М. Е. Сергеенко; пер. Г. С. Кнабе. СПб., 1993.
67. Флор Луций Анней: Луция Анния Флора четыре книги Римской истории от времен царя Ромула до цезаря Августа / Пер. Л. Прохорова. М., 1772.
68. Флор Луций Анний. Римская история / Пер. А. И. Немировского и М. Ф. Дашковой // Луций Анний Флор – историк Древнего Рима. Воронеж, 1977.
69. Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах / Под ред. С. Л. Утченко. Пер. В. О. Горенштейна М., 1994.

Литература:

1. Бартошек М. Римское право: Понятия, термины, определения. М., 1989.
2. Блох Л. Сословная и социальная история римской республики. СПб., 1904.
3. Вегнер В. Рим. История и культура римского народа для любителей классической словесности и для самообразования. СПб., 1902.
4. Вегнер В. Рим. Начало, распространение и падение всемирной монархии римлян. СПб., М., 1873. (М., 2002).
5. Виллемс П. Римское государственное право. Киев, 1890.
6. Герье В. И. История Рима. Республиканский период. [Б. м.], 1889.
7. Герье В. И. История римского народа. М., 2002.
8. Гольдсмит. История римская до падения Западной Римской империи. Ч. 1. СПб., 1815.
9. Гребенюк А. В. Цивилизации античного мира и средневековой Европы. Методологический очерк. Вып. II. М., 1997.
10. Дементьева В. В. Возникновение коллегияльности римских магистратов // Исседон. Екатеринбург, 2003. Т. 2. (в печати).

11. Дементьева В. В. Закон о введении магистратуры диктатора в римскую конституцию // *Антиковедение и медиевистика*. Вып. 3. Ярославль, 2001. С. 25-35.
12. Дементьева В. В. Изучение в антиковедении XIX-XX вв. римского децемвирата как высшей магистратуры // *Проблемы истории, филологии, культуры*. Вып. XII. М.-Магнитогorsk, 2002. С. 138-150.
13. Дементьева В. В. Источниковая база исторической реконструкции римской магистратуры децемвиров // *Антиковедение и медиевистика*. Вып. 4. Ярославль, 2002. С. 16-27.
14. Дементьева В. В. Конституционные основы существования децемвирата // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 2001. № 1(8). С. 37-50.
15. Дементьева В. В. Магистратура диктатора в ранней Римской республике (V-III вв. до н. э.). Ярославль, 1996.
16. Дементьева В. В. Объем полномочий и практическая деятельность децемвиров // *ВДИ*. 2002. № 4. С. 43-57.
17. Дементьева В. В. Объем полномочий римских консулярных военных трибунов // *ВДИ*. 2000. № 4. С. 41-58.
18. Дементьева В. В. Политический конфликт в Риме при второй коллегии децемвиров // *Политические конфликты в прошлом и настоящем*. Материалы всероссийской науч. конф. Иваново, 2001. С. 40-43.
19. Дементьева В. В. Причины создания и целевое назначение децемвирата // *ВДИ*. 2001. № 4. С. 46-65.
20. Дементьева В. В. Проведение римским интеррексом консульских выборов // *ВДИ*. 2000. № 1. С. 41-56.
21. Дементьева В. В. Рецензия на книгу: Flach D. Die Gesetze der frühen römischen Republik. Text und Kommentar. In Zusammenarbeit mit Stefan von der Lahr. Darmstadt, 1994. // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 1999. № 2 (5). С. 215-220.
22. Дементьева В. В. Римская магистратура военных трибунов с консульской властью. М., 2000.
23. Дементьева В. В. Римское «божественное право»: проблема содержания понятия *fas* // *Tabularium*. Труды по антиковедению и медиевистике. М., 2003. Т. 1. С. 8-17.
24. Дементьева В. В. Римское республиканское междоусобице как политический институт. М., 1998.

25. Дементьева В. В. Римская чрезвычайная власть эпохи ранней Республики как политико-правовой феномен // Исследон. Т. 1. Екатеринбург, 2002. С. 63-78.
26. Дементьева В. В. Состав коллегий децемвиров // Норция. Вып. 6-7. Воронеж, 2003. С. 303 - 322.
27. Дементьева В. В. Структуры чрезвычайной власти ранней Римской Республики (V-III вв. до н. э.). Автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 2001.
28. Дождев Д. В. Римское частное право. 2-е изд. М., 1999.
29. Луков В. С. Художественная историография Древнего Рима. СПб., 1993.
30. Егоров А. Б. Цезарь, Август и римский сенат // Античное государство: Политические отношения и государственные формы в античном мире / Под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 2002. С. 125-136.
31. Еремин А. В. Диктатура Луция Корнелия Суллы: характеристика института // Античное государство: Политические отношения и государственные формы в античном мире. Сб. статей / Под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 2002. С. 115-124.
32. Зиновьев А. Римские древности. Описание общественной и частной жизни древних римлян. М., 1884.
33. Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. М., 1981.
34. Ковалев С. И. История Рима. Курс лекций. Л., 1986.
35. Копп У. Римские древности. М., 1868.
36. Кофанов Л. Л. Законы XII таблиц и проблема *sodales* // Античность Европы. Пермь, 1992. С. 16-17.
37. Кофанов Л. Л. К вопросу о палингенезе законов XII таблиц // Законы XII таблиц (сост. и пер. Л. Л. Кофанова). М., 1996. С. 175-210.
38. Кофанов Л. Л. Обязательственное право в архаическом Риме (VI-IV вв. до н. э.). М., 1994.
39. Кофанов Л. Л. Традиция о древнейших источниках по праву архаического Рима: легенда или реальность? // Проблемы исторического познания. Материалы междун. конф. Москва, 19-21 мая 1996 г. М., 1999. С. 209-215.
40. Кофанов Л. Л. Характер коллегий и проблема неразделенной коллективной собственности *erga omnes populi* в законах XII таблиц // Антиковедение и медиевистика. Вып. 2. Ярославль, 2000. С. 14-25.

41. Кофанов Л. Л. Характер царской власти в Риме VIII–VI вв. до н. э. // Антиковедение и медиевистика. Вып. 3. Ярославль, 2001. С. 14-24.
42. Кофанов Л. Л. Lex Valeria de provocatione 509 г. до н. э. и начало разделения римского права на публичное и частное // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2001. № 1 (8). С. 31-36.
43. Кучерено Л. П. Род Клавдиев в политической жизни ранне-республиканского Рима // Проблемы социально-политической истории зарубежных стран. Сыктывкар, 1997. С. 3-12.
44. Лукьянец А. В. Изучение римской должности praefectus urbi в зарубежном антиковедении XIX в. // Tabularium. Труды по антиковедению и медиевистике. Т. 1 / Под ред. В. В. Дементьевой. М., 2003. С. 76-85.
45. Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. Вып. 3-4. СПб., 1884. С. 374-375. (Переизд.: Т. 1. М., 2001. С. 414-415.)
46. Мартынов Г. О начале римской летописи // Уч. зап. Императорского Московского ун-та. Отдел историко-филолог. 1904. Вып. 32. С. 1-52.
47. Маяк И. Л. Ранняя республика в Риме (V-IV вв. до н. э.) // История Европы. Т. 1. М., 1983. С. 347-373.
48. Маяк И. Л. Римляне ранней Республики. М., 1993.
49. Мейер Эд. Римский плебс // Очерки из экономической и социальной истории древнего мира и средних веков. СПб., 1899. С. 126-142.
50. Мельничук Я. В. Ауспиции римских цензоров // Исседон. Т. 1. Екатеринбург, 2002. С. 79-90.
51. Мельничук Я. В. Цензура в социально-политической жизни римлян (до объединения Италии) // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира МГУ. № IV С. 109-124.
52. Моммзен Т. История Рима. Т. 1. СПб., 1994.
53. Немировский А. И. Liber memorialis Луция Ампелия // ВДИ. 1989. № 1. С. 253-260.
54. Немировский А. И. Изучение истории Древнего Рима царской и республиканской эпох в послевоенной итальянской историографии // ВДИ. 1974. № 1. С. 207-219.
55. Нетушил И. В. Обзор римской истории. Харьков, 1916.
56. Нетушил И. В. Очерк римских государственных древностей. Государственное устройство Рима. Вып. 1. Харьков, 1894.

57. Никольский Б. В. Система и текст XII таблиц. СПб., 1897.
58. Нич К. В. История Римской республики. М., 1908.
59. Покровский И. А. История римского права. СПб., 1998.
60. Пухта Г. Ф. История римского права. Ч. 1. М., 1864.
61. Радциг Н. Начало римской летописи // Уч. зап. Императорского Московского ун-та. Отдел историко-филолог. 1904. Вып. 32. С. 1-147.
62. Ростовцев М. И. Лекции по истории Рима. Литограф. изд. СПб., 1901-1902.
63. Сидорович О. В. Децемвират в истории архаического Рима // Древность и средневековые Европы / Под ред. И. Л. Маяк и А. З. Ньюкаевой. Пермь, 2002. С. 18-26.
64. Сидорович О. В. Децемвират в системе публичного права Римской республики // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2002. №2 (10). С. 88-98;
65. Сидорович О. В. Теория смешанной конституции и развитие государственных институтов в раннереспубликанском Риме // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1996. № 1. С. 47-52.
66. Сидорович. О. В. Некоторые аспекты конституционного развития Рима ранней республики // Античность и современность. Докл. конф. М., 1991. С. 75-77.
67. Токмаков В. Н. Луций Сикций Дентат и падение децемвиров // Среда, личность, общество. Докл. конф. М., 1992. С. 162- 168.
68. Токмаков В. Н. Некоторые аспекты консульской власти в конституции Рима V в. до н. э. // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1996. № 1. С. 34- 41.
69. Токмаков В. Н. Роль центуриатных комиций в развитии военной организации Рима ранней Республики // ВДИ. 2002. № 2. С. 143-158.
70. Токмаков В. Н. Tribunica potestas в Ранней республике: военно-правовой аспект // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1998. № 1 (3). С. 67-77.
71. Трухина Н. Н. Рецензия на книгу: М. Crawford The Roman Republic. 2. Ed. London: Fontana Press, 1992. // ВДИ. 1994. № 4. С. 207-208.
72. Фролов Э. Д. Эсимнетия – выборная тирания (к вопросу об институте социального посредничества в архаической Греции) // Проблемы античного источниковедения. Сб. науч. трудов. М.; Л., 1986. С. 141-152.
73. Хвостов В. М. История римского права. М., 1919.

74. Целлер М. Римские государственные и правовые древности. М., 1893.
75. Чеканова Н. В. Эволюция системы триумvirата в Риме при переходе от Республики к Империи. Учеб. пособие. Ярославль, 1992.
76. Abbot F. F. A history and description of Roman political institutions. 3. ed. New York, 1963.
77. Alföldy G. Römische Sozialgeschichte. Wiesbaden, 1975.
78. Arangio-Ruiz V. Storia del diritto romano. Napoli, 1940.
79. Bauman R. A. The Lex Valeria de provocatione of 300 B. C. *Historia*. 1973. Bd. XXII. P. 34-47.
80. Bayer E. Rom und Westgrichen bis 280 v. Chr. // *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*. Bd. 1. 1. Berlin –New-York, 1972. P. 323-325.
81. Becker W. A. Handbuch der Römischen Altertümer. Bd. 2. Abt. 2. Leipzig, 1846.
82. Behne F. Volkssouveränität und verfassungsrechtliche Systematik. Beobachtungen zur Struktur des Römischen Staatsrechtes von Theodor Mommsen // *Res publica reperta*. Stuttgart, 2002. S. 124-136.
83. Bellen H. Grundzüge der Römischen Geschichte. Von der Königszeit bis zum Übergang der Republik in den Prinzipat. Darmstadt, 1994.
84. Beloch K. J. Römische Geschichte bis zum Beginn der Punischen Kriege. Berlin und Leipzig, 1926.
85. Bleicken J. Geschichte der römischen Republik. 4. Aufl. München, 1992.
86. Bleicken J. Provocatio // *Paulys Realencyclopädie der Classischen Altertumwissenschaft*. Bd. XXIII. S. 2443-2464.
87. Bleicken J. Ursprung und Bedeutung der Provocation // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. R. A. Weimar*, 1959. Bd. 76. S. 324-377.
88. Bleicken J. Die Verfassung der Römischen Republik. 6. Aufl. Paderborn, München, Wien, Zürich, 1993.
89. Bleicken J. Zum Begriff der römischen Amtsgewalt. *Auspiciumpotestas-imperium*. Göttingen, 1981.
90. Botsford G. W. The Roman Assemblies from the Origin to the End of the Republic. New York, 1909.
91. Brecht H. Zum römischen Komitialverfahren // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. R. A. Weimar*, 1959. Bd. 59. S. 261-314.

92. Brennan C. The Praetorship in the Roman Republic. Vol. 1. Oxford, 2000.
93. Bretone M. Storia del Diritto Romano. Roma-Bari, 1987; Bretone M. Geschichte des römischen Rechts. München, 1992.
94. Broughton T. R. S. / Patterson M. L. The magistrates of the Roman Republic. Vol. 1. 1951; Scholars Press reprint, Vol. 1. 1986.
95. Bunse R. Das römische Oberamt in der frühen Republik und das Problem der „Konsulartribunen“. Trier, 1998. (Bochumer Altertumwissenschaftliches Colloquium. Bd. 31.)
96. Bunse R. Die frühe Zensur und die Entstehung der Kollegialität // Historia. 2001. Bd. 50. Heft 2. S. 145-162;
97. Bunse R. Die klassische Prätur und die Kollegialität (*par potestas*) // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. R. A. 2002. Bd. 119. S. 29-43.
98. Christ K. Von Gibbon zu Rostovtzeff. Leben und Werk führender Althistoriker der Neuzeit. 2. Aufl. Darmstadt, 1979.
99. Ciulei G. Gab es einen Einfluß des griechischen Rechts in der Zwölftafeln? // Gesellschaft und Recht im griechisch-römischen Altertum. Teil II. Berlin, 1969. S. 21-46.
100. Cornelius F. Untersuchungen zur frühen römischen Geschichte. München, 1940.
101. Cornell T. J. The Beginnings of Rome. Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000-264 BC). London and New-York, 1995.
102. Crawford M. The Roman Republic. New Jersey, 1978; 2. ed. London: Fontana Press, 1992.
103. Crifo G. La legge delle XII tavole. Osservazioni e problemi // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. Bd. 1. 2. Berlin –New-York, 1972. P. 115-133.
104. D'Ippolito F. Le XII Tavole: il testo e la politica // Storia di Roma. Torino, 1988. Vol. 1. P. 397-412.
105. De Martino F. Storia della costituzione Romana. Napoli, 1958 (1972).
106. De Sanctis G. Storia dei Romani. Vol. 2. Firenze, 1964.
107. Delz J. Der griechische Einfluß auf die Zwölftafelgesetzgebung // Museum Helveticum. 1966. Vol. 23. Fasc. 2. S. 69-83.
108. Demandt A. Antike Staatsformen. Eine vergleichende Verfassungsgeschichte der Alten Welt. Berlin, 1995.
109. Demandt A. Der Idealstaat. Die politischen Theorien der Antike. Köln, Weimar, Wien, 1993.

110. Demandt A. *Geschichte der Geschichte. Wissenschaftshistorische Essays*. Köln, Weimar, Wien, 1997.
111. Doria C. M. *Spretum Imperium*. Napoli, 2000.
112. Drummond A. Some observations on the order of consuls' Names // *Athenaeum*. 1978. Vol. 56. P. 80-108.
113. Düll R. *Das Zwölftafelgesetz. Texte, Übersetzungen und Erläuterungen*. München, 1953.
114. Felmy A. *Die Römische Republik im Geschichtsbild der Spätantike: zum Umgang lateinischer Autoren des 4. und 5. Jahrhunderts n. Chr. mit den exempla maiorum*. Berlin, 2001.
115. Ferenczy E. *From the Patrician State to the Patricio-Plebeian State*. Budapest, 1976.
116. Ferenczy E. *Zur Verfassungsgeschichte der Frührepublik // Beiträge zur Alten Geschichte und deren Nachleben. Festschrift für Franz Altheim. Bd. 1*. Berlin, 1969.
117. Flach D. *Die Gesetze der frühen römischen Republik. Text und Kommentar*. Darmstadt, 1994.
118. Flach D. *Tacitus in der Tradition der antiken Geschichtsschreibung*. Göttingen, 1973.
119. Fraccaro P. *La storia dell'antichissimo esercito romano e l'età dell'ordinamento centuriato // Opuscula Romana*. Pavia. 1957. Vol. 2. P. 287-292.
120. von Fritz K. *The Theory of the Mixed Constitution in Antiquity*. New York, 1954.
121. Forsythe C. *Livy and Early Rome. A Study in Historical Method and Judgment*. Stuttgart, 1999.
122. Gabba E. *Dionisius and the History of Archaic Rome*. Berkeley, Los Angeles, Oxford, 1991.
123. Gagé J. *La "rogatio Terentilia" et le problème des cadres militaires plébéiens dans la première moitié du V siècle av. J.-C. // Revue Historique*. 1978. T. 260. P. 289-311.
124. Gjerstad E. *The Origins of the Roman Republic // Entretiens sur l'antiquité classique*. 1967. Vol. 13. P. 1-30.
125. Gladigow B. *Die sakralen Funktion der Liktoren. Zum Problem von institutioneller Macht und sakraler Präsentation // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. Bd. 1. 2*. Berlin –New-York, 1972. S. 295-314.
126. Grzewski Ch. *Decemviri // Der neue Pauly*. Stuttgart, 2001. Bd. 3. Sp. 342-343.
127. Hanell K. *Das altrömische Eponyme Amt*. Lund, 1946.

128. Herzog E. Geschichte und System der Römischen Staatsverfassung. Bd. 1. Leipzig, 1884. (1965).
129. Heurgon J. The Rise of the Rome to 264 B C. London, 1969.
130. Heuß A. Ciceros Theorie vom römischen Staat. Göttingen, 1976. (Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. I. Philologisch-Historische Klasse. 1975. № 8.)
131. Heuß A. Eugen Täubler Postumus // Heuß A. Gesammelte Schriften. Bd. 3. Stuttgart, 1995. S. 1891-1929.
132. Heuß A. Gedanken und Vermutungen zur frühen römischen Regierungsgewalt // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. 1982. № 10. S. 376-454.
133. Heuß A. Theodor Mommsen und das 19. Jahrhundert. Kiel, 1956.
134. Heuß A. Zur Entwicklung des Imperiums der römischen Oberbeamten Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. R. A. Weimar, 1944. Bd. 64. S. 57-133.
135. Hirata R. Die Entstehung der römischen Republik und ihre erste Magistratur // Kodai. Journal of Ancient History. 1992. Vol. 2. S. 21-43.
136. Huschke Ph. E. Das Alte Römische Jahr und seine Tage. Breslau, 1869.
137. Ihne W. Römische Geschichte. Bd. 1. Leipzig, 1893.
138. Jones A. H. M. A History of Rome through the fieth century. Vol. 1. The Republic. New York, 1968.
139. Jones Stuart H. The Early Republic. The Decemvirate and The Twelve Tables // The Cambridge Ancient History. Vol. VII. Cambridge, 1928. P. 458-462.
140. Karlowa O. Römische Rechtsgeschichte. Leipzig, 1885.
141. Kaser M. Römische Rechtsgeschichte. Göttingen, 1978.
142. Kornemann E. Römische Geschichte. 5. Aufl. Stuttgart, 1961.
143. Krasser H. Lesekultur als Voraussetzung für die Rezeption von Geschichtsschreibung in der Hohen Kaiserzeit // Geschichtsschreibung und politischer Wandel im 3. Jh. n. Chr. Stuttgart, 1999. S. 57-69.
144. Kübler. Decemviri legibus scribundis // Pauli / Wissowa Real-Encyclopedie der classischen Alterthumswissenschaft. Bd. IV. Stuttgart, 1901. Sp. 2257-2260.
145. Kunkel W. Staatsordnung und Staatspraxis der Römischen Republik. 2. Abschnitt: Die Magistratur. München, 1995.
146. Lamber E. La qestion de l' authenticite des XII Tables et les Annales Maximi. Paris, 1902.

147. Lange L. *Römische Alterthümer*. 3. Aufl. Berlin, 1876.
148. Lintott A. *The Constitution of the Roman Republic*. Oxford, 1999.
149. von Lübtov U. *Potestas* // Pauli / Wissowa *Real-Encyclopädie*. Bd. 22. 1. Stuttgart, 1953. Sp. 1040-1046.
150. Luzzato G. *Appunti sulle dittature imminente iure* // *Studi in onore di Pietro De Francisci*. III. Milano, 1956. P. 405-459.
151. Madvig J. N. *Die Verfassung und Verwaltung des römischen Staates*. Bd. 1. Leipzig, 1881.
152. Magdelain A. *Les XII Tables et le concept de ius* // *Zum römischen und neuzeitlichen Gesetzbegriff*. Göttingen, 1987. P. 14-33.
153. Magdelain A. "Provocatio ad Populum" // Magdelain A. *Ius imperium auctoritas*. Roma, 1990. P. 567-588.
154. Magdelain A. *Recherches sur l'imperium: La loi curiate et les auspices d'investiture*. Paris, 1968.
155. Marbach. *Minucius* // Pauli / Wissowa *Real-Encyclopedie der klassischen Alterthumswissenschaft*. Hbd. 30. Stuttgart, 1932. Sp. 1937-1939.
156. Marincola J. *Autority and Tradition in Ancient Historiography*. Cambridge, 1997.
157. Marquardt J., Mommsen Th. *Handbuch der römischer Alterthümer*. Bd. 1-2. *Römisches Staatsrecht* von Th. Mommsen. Leipzig, 1877.
158. Martin J. *Die Provocation in der klassischen und späten Republik* // *Hermes*. 1970. Bd. 98. S. 72-96.
159. Mason H. J. *Greek Terms for Roman institutions. A Lexicon and Analysis*. Hakkert Toronto, 1974. (*American Studies in papyrology*. Vol. 13.)
160. Mehl A. *Römische Geschichtsschreibung. Grundlagen und Entwicklungen. Eine Einführung*. Stuttgart, Berlin, Köln, 2001.
161. Merrill E.T. *The Roman Calendar and the Regifugium* // *Classical philology the univ. Of Chicago press*. 1924. Vol. XIX. P. 20-39.
162. Meyer Ed. *Kleine Schriften*. Halle, 1910.
163. Meyer Ed. *Untersuchungen über Diodor's römische Geschichte* // *Rheinische Museum für Philologie*. 1882. Bd. 37. S. 610-627.
164. Michels A. K. *The Calendar of the Roman Republic*. Princeton, New Jersey, 1967.
165. Momigliano A. *Osservazioni sulla distinzione fra patrizie e plebei* // *Entretiens sur l'antiquité classique*. 1967. Vol. 13. P. 197-222.
166. Mommsen Th. *Abriss des römischen Staatsrecht*. Leipzig, 1893.
167. Mommsen Th. *Die Römische Chronologie*. Berlin, 1859.

168. Mommsen Th. *Römische Forschungen*. Bd. 1-2. Berlin, 1864-1879.
169. Mommsen Th. *Römische Geschichte*. Berlin, 1874.
170. Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. 2. Leipzig, 1874. (1887, 1952).
171. Mommsen Th. *Römisches Strafrecht*. Leipzig, 1899.
172. Mora F. *Fasti e schemi cronologici. La riorganizzazione annalistica del passato remoto romano*. Stuttgart, 1999.
173. Müller F. L. *Einleitung // Eutropii Breviarium ab urbe condita*. Stuttgart, 1995.
174. Münzer F. *Curiatius // Pauli / Wissowa Real-Encyclopedie der classischen Alterthumswissenschaft*. Bd. 4. Stuttgart, 1901. Sp. 1832.
175. Münzer F. *Die Entstehung der Historien des Tacitus // Klio. Beiträge zur Alten Geschichte*. Leipzig, 1901. Bd. 1. Heft 12. S. 300-330.
176. Münzer F. *Genucius // Pauli / Wissowa Real-Encyclopedie der classischen Alterthumswissenschaft*. Bd. 7. Stuttgart, 1912. Sp. 1206-1207.
177. Münzer F. *Hermodores // Pauli / Wissowa Real-Encyclopedie der classischen Alterthumswissenschaft*. Bd. 8. Stuttgart, 1913. Sp. 859-861.
178. Münzer F. *Minucius Faesus // Pauli / Wissowa Real-Encyclopedie der classischen Alterthumswissenschaft*. Hbd. 30. Stuttgart, 1932. S. 1955.
179. Münzer F. *Römische Adelsparteien und Adelsfamilien*. Stuttgart, 1920.
180. Mustakallio K. *Death and Disrace Capital Penalties with Post Mortem Sanctions in Early Roman Historiography*. Helsinki, 1994.
181. Musti D. *Lotte sociali e storia delle magistrature // Storia di Roma*. Vol. 1. Torino, 1988. P. 367-398.
182. Neumann K. J. *Die hellenistische Staaten und die Römische Republik // Weltgeschichte. Die Entstehung der Menschheit in Staat und Gesellschaft, in Kultur und Geistesleben*. Bd. I. Berlin, 1910.
183. Niebuhr B. G. *Römische Geschichte*. Berlin, 1812; 3. Aufl. Berlin, 1853.
184. Nippel W. *Aufbruch und "Polizei" in der römischen Republik*. Stuttgart, 1988.

185. Nippel W. Cicero (106-43 v- Chr.) // *Klassiker des politischen Denkens*. Bd. 1. Von Plato bis Thomas Hobbes. München, 2001. S. 54-64.
186. Nippel W. Emergency Powers in the Roman Republic // *Les Cahiers du CREA*. 2000. P. 5-23.
187. Nippel W. Historiographi and Historical Thought: Classical Period (especially Greece and Rome) // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. Vol. 10. Amsterdam-Paris-New York-Oxford-Shannon-Singapore-Tokyo, 2001. P. 6766-6771.
188. Oakley S. B. A Commentary on Livy. Books VI-X. Vol. 2. Oxford, 1998.
189. Ogilvie R. M. A Commentary on Livy. Books 1-5. Oxford, 1965.
190. Paananen U. Legislation in the comitia centuriata // *Acta Instituti Romani Finlandiae*. Helsinki, 1993. Vol. XIII.
191. Pais E. *Histoire Romaine*. Paris, 1926.
192. Pasco-Prancer M. Vates operosus: Vatic Poetics and Antiquarianism in Ovid's Fasti // *Classical World*. 2000. Vol. 93. № 3. P. 275-291.
193. Pergament M. B. W. Nikolsky. System und Text des Zwölftafelgesetzes. Eine Untersuchung aus der römischen Rechtsgeschichte. In russische Sprache erschienen bei A. Suworin. Petersburg, 1897. // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte*. R. A. 1898. Bd. XIX. S. 374-383.
194. Perl G. Die Rede des Kaisers Claudius für die Aufnahme römischer Bürger aus Gallia Comata in den Senat (CIL. XIII. 1668) // *Philologus*. 1996. Bd. 140. Heft 2. S. 114-138.
195. Perl G. *Kritische Untersuchungen zu Diodors Römischer Jahrählung*. Berlin, 1957.
196. Pinsent J. Military tribunes and Plebeian consuls: The Fasti from 444 to 342 // *Historia*. 1975. Heft 24. P. 1-83.
197. Poma G. La valutazione del decemvirato nel de republica di Cicerone // *Rivista storica dell' antichita*. Bologna, 1976-77. Vol. 6/7. P. 129-146.
198. Reinhard W. *Geschichte der Staatsgewalt. Eine vergleichende Verfassungsgeschichte Europas von den Anfängen bis zur Gegenwart*. München, 1999.
199. Reiner J. M. *Einführung in das römische Staatsrecht: die Anfänge und die Republik*. Darmstadt, 1997.
200. Ranouil P.-Ch. *Recherches sur le Patriciat (509-366 avant J.-C.)*. Paris, 1975.

201. Richard J. Cl. Praetor kollega consulis est: Contribution a l'histoire de la praeture // *Revue de Philologie*. 3 ser. 1982. Vol. 56. P. 19-31.
202. Ridley R. Fastenkritik: A Stocktaking // *Athenaeum*. 1980. Vol. 58. P. 264-298.
203. Ridly R. T. The «Consular Tribune»: The Testimony of Livy // *Klio*. Beiträge zur Alten Geschichte. 1986. Bd. 68. Heft. 1. P. 444-465
204. Rotondi G. *Leges publicae populi Romani*. Hildesheim, 1962.
205. Ruschenbusch E. Die Zwölftafeln und die römische Gesandtschaft nach Athen // *Historia*. 1963. Bd. 12. Heft 2. S. 250-253.
206. De Sanctis G. *Storia dei Romani*. Firenze, 1956.
207. Schiller H., Voigt M. *Die römischen Staats-, Kriegs- und Privataltertümer*. Nördlingen, 1887.
208. Schwegler A. *Römische Geschichte*. Bd. 3. Tübingen, 1858.
209. Sehlmeier M. Die Anfänge der antiquarischen Literatur in Rom // *Formen römischer Geschichtsschreibung von den Anfängen bis Livius. Gattungen-Autoren-Kontexte*. Darmstadt, 2003. S. 157-171.
210. Sehlmeier M. *Stadtrömische Ehrenstatuen der republikanischen Zeit*. Stuttgart, 1999.
211. Siber H. *Römisches Verfassungsrecht in geschichtlicher Entwicklung*. Lahr, 1952.
212. Siewert P. Die angebliche Übernahme solonischer Gesetze in die Zwölftafeln. Ursprung und Ausgestaltung einer Legende // *Chiron*. Mitteilungen der Kommission Alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Instituts. 1978. Bd. 8. S. 331-359.
213. Sigwart G. Römische Fasten und Annalen bei Diodor. Ein Beitrag zur Kritik der älteren republikanischen Verfassungsgeschichte // *Klio*. Bd. 6. Leipzig, 1906. S. 269-286; 341-379.
214. Soltau W. Der Dezemvirat in Sage und Geschichte // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte*. R. A. 1917. Bd. 38. S. 1-20.
215. Soltau W. *Die Anfänge der Römischen Geschichtsschreibung*. Leipzig, 1909.
216. Soltau W. *Römische Chronologie*. Freiburg, 1889.
217. Staveley E. S. The Constitution of the Roman Republic // *Historia*. 1956. Bd. 5. P. 74-122.
218. Staveley E. S. The Fasces and Imperium Maius // *Historia*. 1963. Bd. 12. P. 458-484.
219. Staveley E. S. The Significance of the Consular tribunate // *The Journal of Roman Studies*. 1953. Vol. 43. P. 30-36.

220. Stein P. G. Römisches Recht und Europa. Die Geschichte einer Rechtskultur. Frankfurt am Main, 1996.
221. Stewart R. Public Office in Early Rome. Ritual Procedure and Political Practice. The University of Michigan Press, 2000.
222. Täubler E. Der römische Staat. Stuttgart, 1985.
223. Täubler E. Untersuchungen zur Geschichte des Dezemvirats und der Zwölftafeln. Berlin, 1921. (Historische Studien. Heft 148).
224. The Historians of Ancient Rome. An Anthology of the Major Writings. Ed. by Ronald Mellor. New York, London, 1998.
225. von Unger-Sternberg J. Die Wahrnehmung des „Ständekampfes“ in der römischen Geschichtsschreibung // Staat und Staatlichkeit in der Frühen Römischen Republik. Stuttgart, 1990. S. 34-48.
226. Valditara G. Studi sul magister populi. Dagli ausiliari militari del rex ai primi magistrati repubblicani. Milano, 1989.
227. Vielberg M. Untertanentopik. Zur Darstellung der Führungsschichten in der kaiserlichen Geschichtsschreibung. München, 1996.
228. Vogt J. Römische Geschichte. 4. Aufl. Basel Freiburg - Wien, 1959.
229. Voigt M. XII Tafeln. Leipzig, 1883.
230. Volkmann H. Grundzüge der Römischen Geschichte. Darmstadt, 1982.
231. Walter U. Die frühen römischen Historiker. Bd. 1. Darmstadt, 2001.
232. Watson A. Rome of the XII Tables. Persons and Property. New Jersey, 1975.
233. Werner R. Der Beginn der römischen Republik. München - Wien, 1963.
234. Wieacker F. Römische Rechtsgeschichte. München, 1988.
235. Wieacker F. Solon und die XII Tafeln // Studi in onore di E. Volterra. Milano, 1971. Vol. 3. P. 757-784.

УКАЗАТЕЛЬ ЛАТИНСКИХ И ГРЕЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Латинские термины

- Ab urbe condita, 47, 55, 67, 68
 abdicatio, abdicare 71, 81, 108
 abire, 71
 appellatio, 117
 auctoritas, 46, 67
 auctoritas publica, 46, 54, 65, 67
 auctoritas patrum, 67, 119
 auspica, 119, 139, 140
 auspica maxima, 140
 auspica minora, 139
 auspica publica, 120, 158
 Cives, 119, 127
 civitas, 52, 54, 107, 108, 165, 170, 181, 185
 cognomen, 89, 91, 97
 collega maior, 134
 collega minor, 134
 comitia, 76, 79, 187
 comitia centuriata, 123, 158, 160
 concilium (concilia) plebis, 14, 40
 consul, consules, 46, 47, 49, 55, 71, 107, 108, 109, 136, 140
 creare, 44-47, 49, 52, 54, 65, 68, 73, 76, 78, 79, 89, 98, 99, 107, 114, 117
 Decem tabularum, 44, 122, 124, 125
 decemviri, 44-47, 54-57, 65, 66, 68, 73, 76, 78, 79, 81, 83, 88, 98, 107-109, 114, 118, 119, 159, 160
 decemviri consulari imperio legibus scribundis (scribendis), 7, 44, 158
 decemviri legibus scribundis (scribendis), 39, 44, 49, 54, 67, 70, 73, 88, 107, 154, 166, 180, 182
 dictator, 133, 163, 165, 179, 181
 dictator comitiorum habendorum causa, 171
 dictator imminuto iure, 180
 dictator rei gerunde causa, 180
 domi, 146, 147, 168, 183, 186
 dominatio, 107
 duodecem tabularum, 44, 47, 54, 55, 57, 123
 duumviri legibus Tarpeis Aterniis scribendis, 59
 Exempla maiorum, 25, 26
 extraordinarius, 161, 177, 180
 Fas, 41, 120
 fasces, 81, 82, 109, 110
 finis aequi iuris, 29, 44
 Gentes, 84, 95, 148
 Imperium, 46, 47, 49, 63, 78, 79, 106, 108, 111, 120, 121, 126, 149, 158, 160, 162, 164, 168, 175, 178, 180, 182, 185, 189
 imperium extraordinarium, 164, 180
 infra classem, 115
 intercessio, 117, 134, 154
 interregnum, 110, 166
 interrex, 158, 163, 179, 182
 ius, 41, 49, 64, 107, 109, 110, 164, 180
 ius auxilium, 118, 119
 ius civile, 127
 ius extraordinarium, 63, 64, 164, 180
 ius intercessionis, 117, 134, 141, 159
 ius privatum, 127
 ius publicum, 120, 127
 Legatus, legati, 52, 55, 65, 89
 legere, 73

- leges Aterniennes, 59
 leges Athenienses, 59
 leges Solonis, 52, 54, 55
 lex, leges, 44-47, 49, 52, 54-57, 59, 65, 70, 71, 78, 79, 97, 108, 113, 116, 122, 123, 165, 181
 lex curiata de imperio, 167, 182
 lex de creandis decemviris legibus scribundis, 49, 67, 153, 157, 181
 lex de dictatore creando, 165, 181
 lex de tribunis militum consulari potestate creandis, 165, 181
 lex Icilia, 65
 lex Ogulnia, 91
 lex Vareria, 115
 lex Valeria Horatia, 86, 116
 lictores, 109
 Magister equitum, 133
 magister populi, 41, 115, 133
 magistratus, magistrati, 45-47, 65, 66, 71, 79, 81, 108, 113, 116, 125, 139
 menses intercalarii, 125
 militiae, 111, 146, 168, 183
 mos maiorum, mores maiorum, 26, 165, 181
 Nomen, 89, 90, 94, 96
 Olympias, 65, 68
 ordinarius, 161, 177
 Par potestas, 117, 134-138, 140, 141, 154, 159, 176
 patres, 97, 167, 182
 placere, 65, 67
 poena, 54, 59
 pontifex maximum, 14, 84
 populus, 44, 46, 49, 54, 66, 109, 110, 116, 117, 125
 populus Romanus, 45, 47, 55
 potestas, 46, 47, 55, 106, 107, 113, 116, 139, 147, 149, 164, 180
 potestas extraordinaria, 164, 180
 praefectus decemvirorum, 118
 praefectus urbi, 146
 praenomen, 89, 90, 96, 99, 100
 praetor, praetores, 132, 135, 139
 praetor maximus, 130-132
 princeps inter decemviros, 118
 privati, 79, 80
 provincia, 135
 provocatio, 113, 116, 117
 Ratio, 46, 65
 regnum, 107
 regnum decemvirale, 107
 res publica, 47, 108, 113
 rogatio Terentilia de quinqueviris legibus scribundis, 49, 159
 Secessio, 83
 senatusconsultum, 67
 sine provocatione, 45, 46, 52, 65, 106, 113
 suffragium, 72
 Tribuni militares, 63
 tribuni militum consulari potestate, 130, 163, 165, 179, 181
 tribuni plebis, 45, 46, 52, 65, 73, 108, 118, 143
 Veto, 168, 182

Греческие термины

αιρέω, 73	ἰσηγορία, 49
αἰσυνήτια, 159	ἰσονομία, 49
ἀρχή, 108	καθίστημι, 73, 88
βασιλεῖς, 107	νομογράφοι, 7, 45, 68, 73, 88, 157
βουλή, 47, 66	νομοθέται, 7, 45, 74, 98, 157
δῆμος, 56, 74	ὀλυμπιάς, 68
δήμαρχοι, 86, 109	παράδειγμα, 26
δεκαδάρχια, 7, 86, 98, 107, 109, 157	στρατηγοὶ αὐτοκράτορες, 7, 88, 107, 157
δέκα ἄνδρες, 45, 47, 56, 66, 68, 73, 74, 88, 98, 108, 123	ὑπατοὶ, 107, 124
ἐκκλησία, 74, 122	ψηφοφορέω, 74

INHALTSVERZEICHNIS

Vorwort	4
EINLEITUNG	7
Kapitel I. DIE EINRICHTUNG DER MAGISTRATUR DER DECEMVIRI. DIE POLITISCHEN UND RECHTLICHEN GRUNDLAGEN DES AMTES	34
1.1. Die Ursachen für die Einrichtung und der Zweck des Decemvirats...	34
1.2. Die konstitutionellen Grundlagen des Decemvirats	65
Kapitel II. DIE DECEMVIRI ALS TRÄGER DER HÖCHSTEN STAATLICHEN GEWALT	87
2.1. Die Zusammensetzung der Kollegien der Decemviri	87
2.2. Der Umfang der Befugnisse und die praktische Tätigkeit der Decemviri	106
2.3. Zur Eigenart der Magistratur der Decemviri: Der Stand der Diskussion	129
SCHLUSS	151
Zusammenfassung	157
An Stelle des Nachwortes	
DIE AUSSERORDENTLICHE GEWALT IN DER FRÜHEN RÖMISCHEN REPUBLIK: EIN RECHTSGESCHICHTLICHES MODELL	
(Russisch)	161
(Deutsch)	177
LITERATURVERZEICHNIS	190
Quellen	190
Forschungsliteratur	194
REGISTER DER LATEINISCHEN UND GRIECHISCHEN FACHBEGRIFFE	208
Lateinische Fachbegriffe	208
Griechische Fachbegriffe	210

Дементьева Вера Викторовна

**ДЕЦЕМВИРАТ
В РИМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ
середины V в. до н. э.**

Компьютерная верстка С. Д. Глызин

Издательство «ИНФОМЕДИА ПАБЛИШЕРЗ»

Свидетельство о регистрации № 001946 от 22 мая 2000 года.

111399, Москва, Федеративный проспект 26, корп. 1, стр. 2.

Тел. / факс (095) 302-91-95; (095) 302-53-24.

Формат 60x84/16. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 13,25.

Уч.-изд. л. 11,4.

Тираж 1000 экз. Заказ *559*.

Отпечатано в типографии ООО «Ремдер»

г. Ярославль, пр. Октября, 94, оф. 37.

Тел. (0852) 73-35-03

